

В номере:

Национальные герои*Иван Топал. Одержимый* 3**Обзоры и критика***Вячеслав Овчеренко. Зеркало рыночной революции* 6**Проза***Георгий Каюров. Переселенцы* 9*Борис Юдин. Катастрофа* 14*Наталья Гармс. Сколько нужно мужчин, чтобы...* 23**Очерк***Николай Еленин. Первая охота* 48**Притчи***Маргарита Сосницкая. Отель будущего* 51**Поэзия***Алексей Касаткин* 58*Александр Нестругин* 60*Сергей Шилкин* 62*Ирис Варданян* 64*Валерий Сифоров* 65*Татьяна Скрундзь* 66**Дебют***Антоанета Жакотэ* 68*Таисия Дубосарская* 70*Иван Бану* 72**Литература для детей***Галина Зеленкина. Хрустальное озеро* 74**Поэма***Иван Дуб. Как Петря уткой торговал* 79**Пишут читатели***Ирина Галимон. Встреча с ветром* 95**Дневник путешественника***Борис Куделин. Попутный ветер до стен Нотр Дам де Пари* 102

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Дмитрий Нечаенко, Ольга Бедная, Анна Кашина, Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука, Виктор Хантя, Иван Дуб, Матвей Левензон, Максим Замшев, Анна Малдофа, Надежда Дёмина, Маргарита Сосницкая, Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд, Валерий Реницэ, Игорь Хомечко.

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художник-иллюстратор

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Дерезинская, Александр Зингалюк

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Иван ТОПАЛ

Одержимый

Книги Д. Карачобана возникли как самые сильные, самые «художественные» в гагаузской литературе и, пожалуй, остаются непревзойдёнными и после смерти писателя. Но это сказать – ничего не сказать, ибо в нашей литературе немало и слабых имён, а некоторые попросту бумагу тратят. Остановить графоманов невозможно, это под силу только читателям, которых любые бездарные книги должны обижать, а книги земляков – особенно. Поэт Д. Ковалёв сказал об этом так:

*Я презираю бездарей всех наций,
Особенно своих. Могу признаться...*

Кстати, Д. Карачобан был слушателем поэтического семинара в Литинституте им. М.Горького, который вёл тот самый Д. Ковалёв. Стихи и рассказы Д. Карачобана убеждали нас: в этом человеке заложен Божий дар.

Много дней и вечеров мы провели с ним вместе, разбирая литературные сочинения «интересных и разных» авторов. Курочкин и Фет, Мандельштам и Вознесенский, Акутагава и Борхес... Читали, размышляли, наслаждались словом. Карачобан читал не много (музейные дела), но быстро схватывал всё новое, оригинальное, тут же замечал изящество письма, радовался, торжествовал. И, по моему, всегда помышлял, как бы самому написать не хуже.

Он больше любил классиков. «Живых» признавал довольно трудно. «Талант», «классик» – его любимые категории. Иногда я осторожно высказывался, что и в современниках видны будущие классики, а у классиков есть удачные и менее удачные сочинения. Знать не хотел! Он считал, что словом «талант» всё сказано.

В творческом человеке Д. Карачобан ценил прежде всего самобытность. Он был сторонником фанатизма в творчестве, не раз говорил о том, что творчеству надо отдавать себя целиком, без остатка. Иначе успеха не видать. И подтверждал это примерами из биографий известных писателей, композиторов, художников. Он считал, что удачи в творчестве наступают именно тогда, когда художник работает на пределе своих возможностей. Он умел из окружающей жизненной суеты извлечь «изюминку» и использовать её в своем творчестве. Мы спорили. Я спрашивал его, почему на Востоке мудрец (большой художник, писатель) может быть в жизни нормальным человеком, а в Европе гений – это человек, работающий на излом. На что он отвечал, что, возможно, нам просто

не хватает знаний из восточной философии.

Однажды, в те далекие времена одна большая артистка, будучи находясь на гастролях в Кишинёве, нашла время и посетила музей в Бешалму, оставив в книге отзывов такую запись:

«Энтузиазм и фанатизм двигали и двигают мир вперёд. Хорошо, что они не перевелись в наше рациональное время. Получила большой урок верности народу, честной любви к нему. Спасибо за романтизм Ваш.

*Народная артистка РСФСР,
лауреат Государственной премии СССР,
Лариса Пашкова
18 ноября 1978 г.*

В Бешалме часто происходили интересные встречи, беседы о литературе и культуре. Свой отпуск здесь однажды провёл учёный-языковед А.Черняк. Он переводил труды зарубежных исследователей о гагаузах с французского, немецкого, итальянского, польского, чешского, румынского, английского... По вечерам читал для нас Самуэля Джонсона в собственном переводе. Александр Черняк окончил романо-германскую филологию, жил в Ленинграде. С тюркскими языками не был знаком вообще, но, листая в Бешалме гагаузскую грамматику Л.А. Покровской, просил нас называть окружающие предметы на гагаузском языке. На одиннадцатый день он заговорил по-гагаузски!

Кто только ни приезжал в Бешалму к Карачобану в середине семидесятых! Журналисты из Чехословакии и туристы из Литвы, доктор филологии Л.А.Покровская с берегов Невы и наш земляк-москвич, историк М. Н. Губогло, польский консул из Киева и однофамилец, молдавский актёр Думитру Карачобану, известные художники из Кишинёва и гагаузы из Болгарии. Изредка заезжали чиновники разного ранга, так как Дмитрий Николаевич всю жизнь сочетал литературную работу с созданием историко-этнографического музея гагаузов. И все видели его в разной ипостаси: фотограф и скульптор, кинолюбитель и художник, знаток этнографии и музейный служащий... Вообще он любил гостей и всегда принимал всех радушно, с удовольствием, а близких знакомых, единомышленников – с великим шумом и изобретательностью.

Писатель любил повторять: «Я воспитан на русской классике». И это так. Лучше всего он знал и любил русскую литературу XIX века. Гоголь и Чехов – эти имена для него были святыми. Он восторгался зрелым Чеховым, его умением делать рассказы «из ничего»: «Поставьте на стол пепельницу – и утром будет готов рассказ о пепельнице».

Как-то мы сидели у него дома – на полу, на подушках – близ изъеденного жуками старинного

книжного шкафа, держали в руках алюминиевые подстаканники, пили холодный чай и разговаривали. Он снял с полки тяжёлый академический том «Литературного наследства» (А. П.Чехов, т. 68). «Эту огромную и уценённую книгу я купил у входа в метро в Москве, ещё будучи студентом. Наверное, только такие книги и надо покупать»...

И он стал зачитывать выдержки из «Записных книжек», «Воспоминаний», «Писем». От столь вежливого обращения к человеку в письмах (Чехов – Бунину) лицо Карачобана светлело, и чувствовалось даже в дыхании: приятное его поражает, не даёт покоя. В другой раз он обращался к точным горьковским фразам из знаменитых «Портретов», наслаждался записками о Толстом, просил тут же прочитать о Блоке, Л. Андрееве.

Глубокой ночью мы вышли на крыльцо. Сквозь темень я слушал его мужиковатый и жизнелюбивый голос. Затем он провёл меня в горницу, разложил кресло и пожелал мне спокойной ночи. Меня окружал необычный семейный беспорядок, который вначале кажется легко устранимым, но, возвращаясь к услышанному за вечер, я стал понимать: этот «творческий» беспорядок вечен. Сквозь разбитую форточку в комнату впрыгнула чёрная кошка. Спать не хотелось. Очень хотелось жить и действовать.

Отпуская меня по утрам, Карачобан не раз спрашивал, добился ли он поставленной цели – подзаряда моей души: «Ванька, есть люди, которым без творчества не прожить... Не получается что-то в большом, делай в малом, но делай!»

Я вышел от него подтянутым и бодрым. На ум пришли строчки из его стихов, которые я начал читать вслух:

*Кто, цена твои пророчества,
Не спешил на поезда,
Тот глухого одиночества
Не узнает никогда...*

И вдруг я осознал, что это чтение вслух заменяет обращение с красивой песней и приносит душе моей радость. Иногда заметки о встрече с ним я заносил в дневник. И сегодня дату этой встречи, например, легко определить: был последний день ноября семьдесят четвёртого года. Бывали и ранее столь милые вечера, когда каждую минуту ощущалось присутствие умного и очень чуткого собеседника, готового обсудить с тобой любую тему. Это окрыляло меня. Д. Карачобан понимал, как трудно стать настоящим писателем.

В другой раз я нашёл его в клубе, за кулисами, перед выходом к широкой аудитории. «Из вече-

ра непременно надо извлечь пользу», – деловито произнес Карачобан.

И вот он ходит по сцене. Просит отключить мешающий свет у рампы. Показывает работы народных умельцев и разговаривает с залом. Сквозит одна идея: во всем надо стремиться к совершенству, каждый может сделать свой отдых творческим, для этого вовсе не обязательно кончать художественные училища. Стихи свои читает, разрывая их на части. Без всякого артистизма. Ради обнажения мысли. Просит зал зарифмовать строку и не шуметь. Ему отвечают хором.

А как мы познакомились?! Однажды у гостиницы в Кишинёве я встретил знакомых молодых людей, которые о чем-то разговаривали. Заметив вдруг низкорослого человека, они обернулись к нему, приветствуя. В воздух полетели головные уборы. Мне подсказали – это Карачобан. Я подошёл поближе. Вид у него был достаточно усталый. Непокорные вихри волос торчком взметнулись к полям шляпы. Весёлой и понятной жестикующей он объяснил на ходу, что времени в обрез, и исчез. В толпе опять заговорили. О его бестактной непосредственности, о неумении ходить шагом, о возможностях в любой ситуации приступить к чёрной работе. Кто-то произнёс, что намерен видеть его в Ленинграде.

Он смело начинал тысячи дел. Конечно, многое осталось незавершённым, но успех многих завершённых дел пришёл благодаря этому умению: тут же приступить! Никакие циркуляры «сверху» не обязывали открывать в деревне такого рода музей, но Дмитрий Николаевич коль задумал что-либо – держитесь, скептики! Принималось решение партийного бюро колхоза о создании сельского музея. Иногда выделялась и комната в школе, и местный учитель пытался создать экспозицию. Акцент делался на «коллективизацию, войну и расцвет колхозного строя». Завершали такую выставку фотографии с первым секретарем райкома в центре и партийно-хозяйственным активом вокруг него. Конечно, множество таких «музейчиков» помогло в своё время отрапортоваться парторгам, но позже они не выдержали испытания временем и развалились.

Д. Карачобан задумал создание настоящего музея, более того, культурного центра с широким комплексом задач борьбы с бескультурьем. В-первых, тогда многих интересовал вопрос о происхождении гагаузов как этноса, во-вторых, он понимал, что надо «законсервировать» остатки национальной культуры гагаузов, пока не поздно. В-третьих, ему хотелось приобщить гагаузов к сокровищам мировой культуры. Словом, он не желал

превращать музей в мертвый «склад культуры», он хотел, чтобы в нем бурлила жизнь. Чтобы гагаузы повысили уровень общей культуры, которой так часто им не доставало. Но кто поможет на селе чудаку-интеллекту? Карачобан знал, на что идёт: верил в собственные силы и встретил понимание и поддержку со стороны председателя местного колхоза С.Г. Богдана.

Иногда у комратской автостанции я встречал людей из его селения, расспрашивал, как там держится Карачобан, работает ли музей. Ответы слышал разные.

- На одном энтузиазме далеко не уедешь!
- Он – просвещённый дурак, если разобраться, – не выдержал кто-то из толпы.
- Ну ты не кипятись, – вмешался киномеханик.
- Он с дураками как дурак, а с умными – умён...
- Несовместимый человек. Мне говорили об этом ранее, но я не верила...

Сам поэт оставил о себе такие строчки:

Корите меня, критикуйте, браните.

Но и врага моего не хвалите.

Кто же эти «враги»? Это прежде всего люди бездарные и завистливые, которые, как сказал

поэт, «таланта и за гробом не прощают». Это служаки-чиновники с их воинственным высокомерием и чванством. Культура читателей способна отличить халтуру графомана от произведения мастера. Однако это вовсе не означает, что спрос на халтуру будет сведен к нулю. Вторичные, искусственные стихи, написанные по соцзаказу той же партии, как правило, издали слышны своим пустым гулом. С социалистическим реализмом Д. Карачобана связывали разве что членские взносы в Союзе писателей, из которого желательно было не выходить: не дадут потом печататься. Однажды при мне он заметил:

– Слушай, как люди могут полюбить целую партию?! Тут одну секретаршу не знаешь каким образом вместить в стихотворение!

Мы – свидетели смены поколений, смены культур. И сегодня, к сожалению, можно мечтать лишь о «малом зале», в котором соберутся настоящие читатели, любители словесности. Все пришли добровольно. Правда, молодежь не может без кумиров, и часто это мешает ей «дойти до сути». Последним подсел знакомый студент, уже прочитавший «Осень патриарха» и «Игру в бисер». Все удобно расселись, и пошел разговор о новой книге, о современном литературном процессе...

Вячеслав ОВЧЕРЕНКО

Зеркало рыночной революции

(Субъективное мнение об объективном явлении писателя Георгия Каюрова)

Критиковать – значит, в банальном смысле слова, хулить либо хвалить. Что и является проявлением крайних точек субъективных мнений. Ибо нелегко отрешиться от соб-

ственного понятия идеала, порой далёкого от совокупного образа. Но именно такого рода оценку и хочется дать как можно ближе к мнению большинства. По этой причине даём характеристику, а затем доказываем её правомочность, дабы другим невольно пришлось опровергать или подтверждать теорему.

Георгий Каюров – мастер обобщений и превращать частное и обыденное в общее и особенное, словом, совершать обряд типизации. Такую способность возможно взрастить только на почве закоренелой эрудиции и беспощадной интеллигентности. Сам распинаяемый субъект как писатель предпочёл поставить во главу угла для себя вопрос «зачем?», следом за которым возникает другой – «что?» Пресловутое – не что иное как современный социальный идеал. На доказательство этой характеристики я и потрачу все силы. Итак, что такое – это «что»? Например, удивительное по форме и поразительное по содержанию, скажете вы, и успех предreshён. Тогда самым удивительным будет глотание молодым питоном цыплёнка и поразительным, что, погубив жизнь неповторимого живого существа, обжора не сможет воссоздать ничего подобного. Этим всё сказано, удивил-поразил, да и только.

Или же автору проще обратиться к жанру исторической прозы, где часть творческих мук, связанных с сюжетом, его завязкой, кульминацией, развязкой и выбором героев, характеров и места действий, позади. Но писать, опираясь на современность, и предвещать грядущее – удел пророков. Хотя существует и другая простая плеяда творцов – графоманов.

Как явление графоманство неизбежно. И не следует бить их, маньяков, дубинкой по смысловой части лица, ибо отзовется грохотом с другого конца. Не избеваем же мы кофелюбов и кофеманов, женюлюбов и бабников, болельщиков и фанатов по той причине, что доводят своё увлечение до мании. Правда, такого рода желания не вызывают резкого раздражения, так как касаются одного-двух-трёх лиц. А фанаты писания – дело коллективное по определению последствий: в их

числе интимщики и детективщики. Встанем грудью на защиту графоманов как строительный материал писателей. А не взобрался ли каждый из вас по кирпичам графомании на крепость признания?! Будьте честны, граждане от писания.

Хорошо, что в литературе есть всякие-разные, и – даже честные среди вашего брата, потому что не лишены в наше тяжкое копи-то-ли-стическое время полезной привычки глядеть на себя во всё, что способно отражать. Для начала – в глаза друг другу. Согласитесь, во что смотришь, то и отражается, даже если со зрением слабовато. К примеру, глядишься в лужу после грозы и кроме мути да пузырей не видишь ничего. А в такой мутной водиче даже рыбе не ужиться, всплывает брюшком кверху – это известный всем способ самой лёгкой ловли. Сколько таких рыбаков среди пишущей братии? Не успел узнать, как зовут то, что плавает, а уже примеряет рыбацкую шляпу.

Другой же – как Нарцисс смотрится только в кристально чистый родник. Конечно, тогда и весь мир чистотой проник. Нарциссы – известное племя тем, что они братья самого Аполлона и не ведают другого лона. Сложней всего глядеться в более точный прибор, такой, как – зеркало души. «Зеркало крестьянской революции» – Лев Толстой, прозванный так с лёгкой руки великого социал-демократо-диктатора Владимира Ульянова. Лев Николаевич не хотел быть только «зеркалом». Но и странно, каким это образом один, хоть и гений, мог отразить всю революцию, находясь в усадьбе Ясной Поляны? И попутно создал стройную философскую теорию человека как бога в природе, свободного от любой власти, с непротивлением злу насилием, с верой в добро и справедливость, свободной от догматов церкви, сменившей этику учений позднее на философию насилия властью. Толстовство стало всемирной верой, шагнуло по всем континентам земли, в отличие от ленинизма, пытавшегося втиснуть его в рамки бунта. Думается, по той причине, что вглядывалось в людские души, строго судя её поработителей. «Исповедь» Толстого завещала и нам не отворачиваться от души в сторону фетишей.

Такое вступление к анализу явлений современной прозы не бесполезно, потому что, не успев открыть дверь на улицу, как сталкиваешься с выбором: душа или деньги? И растеряться нетрудно в период смены коммунализма на копикупитализм, когда совершается самая странная из революций – рыночная, и вдобавок адептами, стоящими на коленях.

Открывая страницы рассказа «Париж в Кишинёве», с бальзаковской темой «блеска и нищеты

куртизанок», прямо окунаешься в мутные воды барыша в такой тонкой области, как любовь, если – это она самая. Героиня блондинка Наденька под ревностным присмотром сводницы Клавдии Платоновны из скромной сельской абитуриентки, как бы из того самого мопассановского пригорода Парижа – Подкишинёвья, превращается в типичную элитную проститутку. Поднимаясь по порочным ступеням от состоятельного Виктора до богача Лившица уже с чертовским лозунгом: «Кто богаче, у того больше чувств и к тому больше любовь!» Атмосфера конца «застойного» века двадцатого в деталях характеров, пейзажей и событий, переместившихся с мест производства в места потребления, мазками описаны с точностью до отвращения. Наши базарные героини с лёгкостью подхватывают ресторанные идеалы, цепляясь вшами за тулупы работающих кооператоров, которых позднее окрестят в народе как мачо.

А Париж – это такая жупель своей причастности к чему-то необъяснимо избранному. А что взамен увиденного на Монмартре, кроме своей смазливенькой мордашки, может мечтательница предьявить для романтического общения с богемой, где физика представлена в избытке? Гамлетовский вопрос «быть или не быть?» преобразуется в сакраментальный вопль: «пить или не пить, жрать или не жрать?» Грубо, но факт, отразивший вылупления из яйца общества потребителей членов общества тунеядцев, а в их числе – так живущих и так завидующих. Отразилось в луже ресторанных объедков, но через зеркало автора. Всем хорошо известен эффект бесконечного отражения из зеркала в зеркало, где предмет и лицо превращаются в точку. Таков приём невольно использован зорким прозаиком Каюровым. Жирная точка поставлена на вечной профессии жриц любви, которые пронесутся «фанерой над Парижем». И дальше – больше, скажем мы, как в воду автор глядел.

Рассказ «В объятиях прошлого» в жанре киносюжетной новеллы поражает сознание совпадением с реальностью вымысла. Невеста Катя вдвое моложе жениха Павла Ракитина, к тому же оказалась его биологической дочерью после случайной встречи со студенческой его любовью Лилей с хронометражем в двадцать лет. Встреча трёх героев произошла с попыткой суицида в заключительной сцене, когда открываются все карты «кровного родства». Казалось бы, что можно выжать из этой фабулы для поднаторевшего читателя с «очкариком» Гарри Потером и «битвами бессмертных»? Они и появились как сигнал, что в жизни реальность заменяют куклы, а их кукловодом является чародей – капитал: реальность неинтересна, кормим чудесами. Спорьте с выводом, но осторожно, не выбив зубы, вцепившиеся в загривок чумы эпохи двадцатого века. Её признаки – разрыв род-

ственных и духовных связей между людьми, крушение семейных отношений в зародыше. Страх ответственности личности за будущее своё и тем более своих детей, вызванный моралью эгоизма.

Поймите меня правильно, здесь нет попытки вытащить сложную мораль из простой идеи. Напротив, простая идея тащит за собой как лошадь кабриолет со сложностями. И – эта подоплёка не на мании педофила, не на путаной теории Зигмунда Фрейда, согласно которой избранником девушки предрежён быть кто-то в образе отца, как с детства – недополученное чувство отцовского дефицита. Тот факт, что плод любви двух юных гуманоидов оказался не застрахованным ни заботой родителей, ни лицемерным обществом, свидетельствует об уродливом доме общества без фундамента. Ибо человек его основа. Ну нет же – основа деньги! Иначе бы не сбежал будущий отец, не махнула бы рукой будущая мать на своё будущее и ребёнка. Персонально могли бы поступить иначе, но типично именно так. А типичное – это облик общий, за который в ответе все. И то, что автор нас оставил на пороге ухода из жизни главной жертвы этих страхов перед отсутствием гарантий, тоже символично. Бесстрастным зеркалом отразил рыночный мир. Но так ли уж – бесстрастно, покажет следующая исповедь.

А, кстати, насколько дешевле передать подарок поездом, чем почтой? Посчитайте и будете нашим человеком. И тогда дальше я буду вести диалог на равных с вами, как – ваш базарный с вами рыночными. Какова цена на аукционе «Сотбис» раритета национальной святыни? Затрудняетесь ответить, потому что цены ей нет, так как она и реальная, и не материальная одновременно, как все иконы. Потому автор по легенде и назвал её не иконой, а просто «доской». Конечно, более чем странное название, если не подразумевать под ним символ. Сюжет легко будет передать, так как нами уже принят на вооружение излюбленный фантастами приём «машины времени». Древняя болгарская легенда через призму отражения современности наводит на глубокие раздумья: что принёс нам рыночный период в глобальном масштабе – единство или лоскутность общества?

Приятель Никола звонит автору о незначительной на первый взгляд встрече. Но оказывается свидание не со столетней старухой из Златограда, а пирамидой прошлого символа национального единства нации болгар, на своё несчастье поселившихся из Урала на сквозняке в центре Европы, на сплетении «розы ветров» и интересов разных агрессоров.

События в рассказе не бог-весть какие замысловатые по нынешним меркам, но тогда сватовство дочери Гюлтерие и Мехмета в городе Златограде из богатой семьи Везириных сравнимо с нынешней свадьбой дочери президента. Тем паче, что

обязательным было благословение Хана. Который оказался легендарным священником Атанасом, противостоящим в христианской вере магометанству, навязанному ранее оккупантами – турками, а ныне – его остаткам. И свадьба как раз была смешанной. Отягощенное вероломством состояние роженицы Гюлтерие было освящено ликом Божьей матери с благополучным исходом. Рождённый сын был защищён ещё одним амулетом – родовым оберегом с серебряным крестиком.

Наконец обычай тайно хоронить болгар-магометян, насильно обращённых из православной веры, с раскрытыми ножницами, что подразумевает крест-распятие. Все символы преданности вере, народу, родине были направлены на сохранение самобытности угнетённого народа. Высшей степенью презрения врагов к культуре поработённого народа – это сатанинский акт сожжения храмов, но ещё печальней – руками самих православных! Но, тем не менее, благородного народа, не утратившего гуманность по отношению к иноверцам, не допустив разделенные погребённых на магометан и православных с попутным осквернением могил. Крещение сына Гюлтерие как заключительный аккорд торжества народного духа. Задача, конечно, не в напоминании деталей сюжета, а в том: что, как и зачем нужны символы традиций.

«Доска» сослужила символом чуда не в прозрении слепых, а в чуде единения вокруг личности в довольно конкретные понятия: нацию, язык, дружбу, любовь и отчизну. И рассказчику удалось с документальной достоверностью на примере истории одной семьи передать неслышимый дух народа. Впечатление от прочитанного напоминает обряд посвящения читателя в патриоты под удары бостона столетней бабушки, стучащие как совесть народа. Как не прервать цепь времен, сохранить и развить культуру нации как незаменимую часть культуры землян? «Может, кто-то знает ответ?» – как бы звучит голос между строк.

Всё знают все, а я знаю то, что познать успеваю. Повествуя от лица всех, мы, рыночные современники, к великому сожалению, ныне попутно несём в себе и творим вокруг духовную пустоту, моральную беспринципность, физическую хилость и материальный паразитизм. При выборе друзей и спутников руководствуемся принципом «больше денег, крепче дружба», «ты мне, я тебе». Формула деньги-товар-деньги сократилась до деньги-деньги, что является признаком ростовщического капитала и фетишизации денег, которые тоже стали товаром, как и – всё остальное: любовь, дружба, честь, родина. Паразитская жизнь персон и целых народов на безвозвратных кредитах уже привела к мировому кризису 2012 года, обнажив язвы общества потребителей.

Нелепость очевидна при взгляде на купюру, непригодную ни для чего, кроме обмена, раньше было средством хоть большое каменное колесо. Какой же она товар? Самообман, да и только. Что хорошо видно из примера бытия случайно очутившихся на безлюдном острове:

Всем нужен необитаемый остров!

На нём проверить всё можно просто:

деньги сразу не нужны так, как верёвки.

Голые знания не важны без сноровки.

*Но вера, надежда и любовь – без наощупь
продержат на плаву тебя как плот мощный.*

Иначе станет остров обитаем монстром.

Твои современные потомки-дети, из числа неформалов, словно искусственные продукты инженерии – клоны компов, прозванные «геймерами» – это уже законченные типы несоциальной личности социальных сетей, лишённые социальных идеалов, простите за репризы. Типичный портрет зачуханного хилыка в очках, с воспалённым взглядом глобалиста, без друзей и без живых увлечений эгоистов и паразитов, густо разбросанных в паутине Интернета, пришельцев – а не личностей, из которых должны состоять семья, компания, нация и родина.

Пора ещё вчера было бить тревогу о том, что некому передавать эстафету культуры, которая как раз и начинается с указанных выше адресатов. Короче, общество потребления и бездуховности не имеет будущего и обречено на вымирание. Пустота Торичелли, как выяснилось позднее, не нейтральна, она, оказывается, заряжена отрицательно. В переносе с физики на лирику гласит: свято место не бывает пусто, а заселено глупостью густо. Но пока никого – это живо не волнует на фоне миллиардных прибылей владельцев социальных сетей, сотовых операторов и производителей электронных аппаратов коммуникаций, кроме – писателей да педагогов.

Личность писателя Георгия Каюрова, видимо, осознавшего раньше нас эту угрозу, категорична в разделе чёрного и белого, в выборе друзей и врагов как неизбежных спутников. За кадром написанного проглядывается непримиримость к социальной безликости и аморальности, к отравленным в иные миры социальным духовным принципам. Он представляется мне «живым зеркалом», что отражает всю радугу цветов современной жизни эпохи рыночной революции «на коленях» и возвращает гжучим «солнечным зайчиком» выстрадавшие им самим, до боли дорогие идеалы. Перечитайте каюровскую прозу и убедитесь сами в правоте сказанного либо докажете обратное! А моё субъективное мнение открыло такой цветной экран в объективном явлении писателя Каюрова.

Георгий КАЮРОВ

Переселенцы

Рассказ

Буджакская долина, раскинувшаяся между двумя грядами холмов, медленно просыпалась. С вершины видно, как стелется по земле редкий туман, теряясь среди домов и деревьев. Следом за ним в долину спускается парная упряжка коричневых лошадей. Кони, сдерживая накатывающуюся сзади каруцу с седоками и поклажей, подсаживались на задние ноги, заваливаясь в разные стороны, пялились глазами назад, закидывая морды, и раскрывали от напруги пасти, раздираемые удилами. Испуганно ржа, скользя, срываясь на зад, за ними следовал годовалый жеребёнок. Уже в самом низу, выходя на ровную дорогу, кони резво побежали, подгоняемые возом, громыхающим коваными ободами колёс. Впереди, на прямых ногах, резво бежал жеребёнок, горделиво закинув хвост набок.

– Савва, разбуди отца, – мать проговорила одними губами, но сыну показалось, – её слова разнеслись по всей долине. – И гляди в оба, – Василиса отдавала распоряжения не оборачиваясь. Она не сомневалась – сын слышит и исполнит. Сама же пристально вглядывалась вдаль. – Долину пересечём, и на том подъёме будет турецкий дозор. Пройти бы его быстрее, а там и передохнём.

– Тате! Просыпайся! – Савва принялся тормозить тюки по всей каруце, ища отца. – Мамка говорит, скоро турецкий дозор.

Среди уложенного скарба зашевелилось ватное одеяло.

– Тетово проехали? – тут же спросила вынырнувшая из-под него седеющая, заспанная голова мужчины.

Кони, учуяв голос хозяина, замедлили шаг, закивали головами и остановились, фыркая наперебой.

– Цыганок где? – шурясь восходящему солнцу, мужчина огляделся по сторонам.

– Отстал. Нагонит сейчас, – ответил Савка.

– От Килии на север идём. Подъезжаем к Болграду, – глянув на мужа через плечо, отозвалась Василиса, всё время, пока тот спал, правившая лошадьми. Она не стала понукать остановившимся животным, а запросто соскочила на землю и принялась расхаживать засидевшие ноги.

Степан женился на ней по совету отца и ни разу не пожалел о выборе. Тогда отец пришёл с лугов, они с мужиками и бабами скирдовали сено. Размотал тряпицу, которая прикрывала рану, и, глядя на запёкшуюся кровь, сказал:

– Стёпка, тебе надо на Василиске жениться. Зашлю сватов, – хитро улыбнувшись, выставил пораненную руку: – Гляди, как девка цапнула. Крепкие зубы у женщины – верный признак здоровья. Здоровых будет рожать детей. – И тише добавил: – И верной будет.

Так Василиса стала его женой и тылом. Степан смотрел на супругу, разминающую ноги, и дивился крепкой поступи этой женщины. Василиса замерла, подбоченясь, и Степану показалось, что вот сейчас дай ей за что-нибудь уцепиться, и она потряхнёт землю. И это его жена, мать его сына. Степан с силой сжал кулаки и зубы, врезаясь головой в тюки. Именно за это боролся он с товарищами там, у себя на родине, в Болгарии и готов был отдать жизнь. Что он ищет здесь, на чужбине? Место его там! Чтобы не разрыдаться, Степан закусил кулак. И когда боль пронзила всё его тело, он уже знал, что делать. Он будет готовить своё возвращение и вернётся с большим отрядом соотечественников. Подготовятся, вооружатся и начнут большое народное восстание.

– Вставай, Степан. Огляди всё. Скоро дозор, – уже спокойно заговорила Василиса, тем самым освобождаясь от обязанностей главы семейства. Муж проснулся, стало быть, закончилось время её хозяйского владения.

– Я там пару серебряных ложек под чювал сунула, – она задумалась, прикидывая, и, уверовавшись, что этого будет достаточно, продолжила: – Поговоришь с ними. Ты, Савка, за каруцу не заходи. И зенками не зыркай. Хватит в носу ковырять, – отмахнула Василиса по рукам сына. – Пускай сопрут. Быстрее отпустят.

Мужчина тяжело слез с каруцы и, ничего не ответив, поплёлся «до ветру», в сторону кустарниковых зарослей. По пути, прикрыв пальцем ноздрю, высморкался и размашисто обтёрся жменей, затем вытер её о штанину. Лошади опустили головы и потянули вслед за хозяином, к свежей траве. Каруца так и застыла, перекобочившись поперёк дороги, а кони толстыми, бархатно-иссиними, мясистыми губами

принялись стричь сочную траву, хрумая ею и взбивая удилами желтовато-зеленоватую пену.

– Что за село? – махнул Степан в сторону далёких домов.

– Не знаю. Мы откуда спустились, – показал Савка отцу наверх холма. – Дорога мимо прошла. Нам тоже делать там нечего.

– Нам тот холм надо пересечь, – поддержала сына Василиса. – Савка, напои коней, – приказала женщина. – После дозора путь скорый будет, чтобы не останавливаться.

– Какой дозор? – усомнился Степан. – Турки так далеко не заходят.

– Марта предупреждала, – настаивала Василиса, – пока не пересечёте последнюю грядку, эти ещё будут рыскать.

– Много твоя Марта знает. Цыганка́ дождёмся и пересечём, – всматриваясь в окрестности, по которым предстояло идти, планировал Степан. – Вдоль пройдем до той низины, там легче будет в гору коням идти. Совсем замучались кони.

Наверху показалась кибитка Цыганка. Доходяга-лошадёнка уморительно тащила возок с раскачивающимся из стороны в сторону хлипким пологом. Казалось, он вот-вот опрокинется. Цыганок с женой шли рядом, не нагружая исхудавшую лошадь. Пригатавливаясь к спуску, мужчина крепко ухватился за вожжи и с силой упёрся ногами в землю, помогая скотине удерживать накатывающий воз. В кибитке спали четверо детей Цыганка. Старшему едва исполнилось пять, остальные погодки. Цыганок считал, что ему повезло, первой родилась дочка – матери помощница.

– Кабы сын родился, – лукаво улыбался Цыганок, рассказывая Степану о своей жизни во время одного из ночных биваков, – на нём бы и остановились. А так ещё троих наследников нашептали.

– Куда ты теперь? – поинтересовался Степан, рассматривая детвору, возившуюся на ковре, расстеленном под кибиткой.

В свой дальний путь в неизвестность они с женой отправились насильно, под гнётом обстоятельств. Турецкие ищейки шли по пятам Степана и его товарищей, ведущих непримиримую борьбу с поработителями Болгарии. Степан не был трусом и готов был отдать жизнь за родину, но товарищи приняли решение переправить их семью в Бессарабию.

– Болгарии будут нужны силы, – убеждали Семёна товарищи. – Грядут перемены. Народ зреет подняться изнутри. И вы, наши герои, придёте, чтобы возглавить освобождение Болгарии.

На семейном совете Василиса коротко сказала:

– Надо уметь отступить, чтобы вернуться победителем.

Посидели, поговорили и подались искать убежища за Дунай, к Днестру. Обрыдла им туретчина. Ходоки сказывали, что в аккерманских степях неплохо живут на вольных поселениях, колониями, болгары. Они всегда примут и помогут сородичам. Рассказывали прямо чудеса о бессарабской жизни болгар.

Все складывалось как ни на есть к лучшему. Сыну Савке исполнился шестнадцатый годок. Год подошёл и жеребёнку – выдержит дальнюю дорогу. Собрали пожитки и тронулись в путь. Контрабандными путями вели их товарищи, передавая от доверенного человека к доверенному. Не одну каруцу сменили, пробираясь лесами и горами. Не мог оставить своих коней Семён, и они отблагодарили его тем же – служа верно хозяину. В окрестностях Килии, купив добротную каруцу, Степан распрощался с провожатыми. Остаток пути предстояло пройти самостоятельно. В этих местах болгары часто появлялись по торговым и ремесленным делам, и никто не мог заподозрить беглецами едущую семью крестьянина.

По дороге пристал к ним молодой цыган с семьёй. Ни те здрасте, ни те пожалуйте. Прицепились и ехали следом. Тревожно было попервох, а потом обвыклись. Между собой окрестили его «Цыганком». Только на вторые сутки, на привале, разговорились, а то всё особняком, и на первую ночёвку обустроивались – глаз да глаз за цыганвой. Немного успокоились, когда Цыганок достал из кибитки четверых сорванцов, последний – едва перебирал пухленькими ножками. Следом за детьми принял на руки совсем хрупкую и на вид юную девушку. Даже не сразу поверишь, что она родила четверых детей. Жена Цыганка оказалась такой тонкой, что иной раз казалось переломится в талии. Весь путь и шли двумя семьями. Разговориться – разговорились, но всё равно осторожничали. Цыганок отзывался на своё новое имя, а настоящего не говорил. Правды ради, никто и не спрашивал.

Лошадёнка Цыганка ткнулась в каруцу Степана, остановилась и медленно, вздрогнув всей кожей, опустилась на колени, зацепившись мордой за борт, едва не сломала шею. Цыганок, выругавшись, бросился к обессиленной скотине и, нашептывая ей на ухо, принялся поднимать несчастное животное. Когда доходяга, с помощью хозяина, поднялась на трясущиеся ноги, он так же резво побежал обратно.

Вывалил из-под полога курдюк с остатком воды и, черпая из него рукой, начал прыскать в морду животному, пытаясь затолкать воду в лошадиную пасть. Лошадёнка стояла с закрытыми глазами и вздрагивала от ударяющих брызг всей кожей. У неё не осталось сил потянуть губами живительную влагу, и даже когда крупный овод уселся ей на веко и вмиг округлился, напившись крови досыта, она не смогла мотнуть головой, чтобы согнать ненасытное насекомое. От лёгкой добычи насекомый-хищник прозевал, как пальцы хозяина животного размяли его в кровавое месиво. Лошадёнка снова содрогнулась всей кожей и, согнув переднюю ногу, вытянулась на другой в судороге, на мгновение замерла, широко вытаращив глазищи, и рухнула наземь. Из её хрипящей пасти вывалился слизкий белёсый язык. Она тихо ржанула и издохла.

Цыганок бросил в сердцах пустой курдюк и нервно заметался, хлопая себя по бокам.

Степан стоял неподалеку, не успев подойти на подмогу, и, сквозь пасмурно сдвинутые брови взирал на кончину скотины. Василиса вскинула руками и перекрестилась. Худой знак для путешественника, бросившего родину в поисках счастья на чужбине!

– Не смей ему лошадь нашу отдавать, – быстро зашептала она, зыряка в сторону приближающегося цыгана. Но, похоже, Степан не расслышал или не хотел слышать. Всё было понятно и без слов – зачем идёт Цыганок. Мужчины, уединившись неподалеку, тихо переговаривались. В завершение разговора коротко кивнули и каждый пошёл в свою сторону.

– Отдал! – вскричала Василиса, наблюдая, как муж накинул петлю на шею молодого коня. Цыганок обернулся на крик женщины и с тревогой посмотрел на Степана – не передумает?

Жеребёнка подвязали к кибитке Цыганка. Необъезженный конь было взбрыкнул, но хозяин тяжёлым взглядом посмотрел на него, и тот присмирел, тоскливо заржав.

– Третья лошадь. Турки могут забрать, – тяжело вздохнув, пояснил Степан, – если оставить его бегущим.

Ему тоже не хотелось расставаться с любимцем, но не бросать людей в беде, даже если они цыгане.

Жеребёнок тонко ржал, брыкался и никак не хотел идти впряжённым. Цыганок, что-то пошептал ему на ухо, и того словно подменили, он послушно выпрямился, как будто уже давно тянул кибитку. Чтобы не пугать необъезженную лошадь, пришлось его просто подвязать. Цыганок так искусно это сделал, что жеребёнок успокоился. Всё было готово. Осмотрели придирчиво уложенную поклажу и тронулись. Ответственный участок пути мужчины взяли вожжи в свои руки. Маленький обоз следовал дальше.

Солнце успело высоко подняться, когда справа на холме показались двое всадников. Это был турецкий дозор. Обоз, не останавливаясь, медленно продвигался вперёд. Вооружённые конники словно не замечали путешественников или не хотели замечать.

– Может, пронесёт? – Василиса перекрестилась. – Немного не дошли до того леска. За ним нас не видно было бы.

Раздались выстрелы, с диким улюлюканьем всадники понеслись с горы наперерез обозу. Степан потянул вожжи, останавливая коней.

– Незачем беспокоить вооружённых людей, – пояснил он взглянувшей на него супруге.

Окатив клубами жёлтой пыли, всадники преградили дорогу. Вооружённые люди спешили и, тихо переговариваясь по-турецки, направились к путникам. Степан поздоровался с всадниками на их языке, остальные закивали. Один из турков, по-видимому, он был старший дозора, не моргающими глазами уставился на Степана. Тут же второй приблизился к нему и что-то тихо стал говорить, поглядывая на каруцу. Шептун умолк, а старший продолжал буравить, сведя брови, как смоль, к переносице. Неожиданно он проговорил едва разбираемые слова.

– Всем отойти от каруц! – встrepенувшись, крикнул Степан так, чтобы все услышали, и добавил: – Господин офицер приказал.

Степан с женой и сыном, а также Цыганок со всем своим семейством стояли на обочине и наблюдали, как дозорные досматривают их вещи. Подручный старшего ткнул саблей в мешок, и из прорезанной мешковины посыпался ячмень. Солдат скинул мешок на землю. Василиса не выдержала и с криком бросилась спасать добро. Турок замахнулся на неё ятаганом, и та остановилась, покорно пригнувшись, подставляя спину. Мужчина ухмыльнулся и всё-таки плашмя огрел бабу по задку. Поддал бы ещё, но хитрость, приготовленная женщиной, сработала. Серебряные ложки блеснули на солнце. Солдат ловко подмахнул их и, пока не заметил старший, спрятал. Перейдя на крик и размахивая ятаганом, он грозно смотрел на женщину – понимает ли она, что лучше молчать? Василиса выдержала взгляд дозорного, и от этого у турка налились глаза кровью. Во что обошлась бы обозу дерзость бабы, не известно, но именно

в этот момент его окликнул старший. Зло выругавшись, турок последовал за ним. Тяжело взобравшись в сёдла, всадники собрались покинуть путешественников.

– Поехали, поехали, – засуетился Степан. – Савка! В каруцу! Дозор нас отпускает.

Женщина вкинула сваленный мешок обратно и... неожиданно раздались два подряд выстрела. Один из всадников повалился с коня замертво, а второй качнулся, хватаясь за вспоротое свинцом брюхо, и, уставившись бешеными глазами в сторону Василисы, пришпорил коня на неё. Не успел Степан с сыном опомниться, как Цыганок в два прыжка взвился на круп набирающей бег лошади и сшиб с седла турка. Степану оставалось навалиться на раненого всадника и удавить того. Всё закончилось вмиг. Мужчины, тяжело дыша и ошарашенные стремительностью произошедшего, глядели на Василису, стоявшую, замерев, как вкопанная, с двумя пистолетами в руках.

– Хм, – усмехнулся Цыганок и похлопал Степана по спине. – А говоришь, ты воин. Сматываемся.

Он первым пришёл в себя. Быстро подхватил освободившихся от всадников коней и расседлал их, сбрасывая сбрую на землю.

– Савка, помоги Цыганку, – коротко приказала сыну Василиса и, бросив пистолеты в тюки со скарбом, прытко вскочила в тронувшуюся каруцу. Степан подхватил вожжи и, не оглядываясь, побежал рядом с конями. Савка успел отвязать жеребёнка от цыганковской кибитки и, держа его одной рукой за уздцы, а другой – зацепившись за ухват каруцы, бежал следом.

Беглецы быстро скрылись за леском, оставив семейство Цыганка догонять. Тихо, но твёрдой рукой клал камчу на округлившиеся крупы лошадей Степан, подгоняя тех в гору. Частя полусогнутыми ногами, вытягивая шею и опустив морды к самой земле, кони тянули изо всех сил каруцу и, казалось, даже зубы сжали. И Василиса, и Савва толкали воз сзади, усиленно облегчая животным работу. Уже перевалив грядку и находясь далеко в степи, Савка тронул мать за плечо, показывая назад. Прикрывшись широкой ладонью от заходящего солнца, Василиса всматривалась в гребень холма, с которого они недавно спустились. Над поверхностью холма поднималась пыль, клубясь из-под копыт приближающихся лошадей. В облаке пыли, разгоняемой в разные стороны, на гребень выскочила пара коней, несшаяся во весь опор. Кони резво бежали, как будто и не было подъёма. Управлял ими Цыганок, стоя во весь рост. Выскочив на холм, упряжка повернула вправо и понеслась по его гребню, быстро удаляясь. Только когда они ушли далеко вперёд, можно было рассмотреть в облаке пыли цыганковскую кибитку, бросаемую из стороны в сторону, но уверенно увлекаемую за собой сильной парой.

– Стой! – крикнула женщина.

Мужчины остановились, тяжело дыша. Они готовы были ещё долго бежать, только бы подальше уйти от рокового места.

– Не видать никого, – поднимаясь на каруце во весь рост и оглядывая окрестности, сказала Василиса.

– Надо дожидаться Цыганка. Зачем ты впряг куленце в его кибитку?

– Не впряг – забрали бы турки, – ответил Степан, задыхаясь от длительного бега.

– Увидел бы этого цыгана?! – перешла на упреки жена.

– Прекрати! – крикнул Степан. – Савва! Еду доставай. Пока ждём, будем пладнுவать.

– Мама, Цыганок же ушёл вправо, по гребню, – усомнился словам матери Савва. – Гляди, далеко ушёл, и пыль уже осела.

– Следы разводит он, – уточнила мать и, что-то ещё бормоча, принялась готовить еду, разрывая на куски холодное мясо. Степан расстегнул каши и размотал опас. Распущенная рубаха и паралия смешали статную фигуру Степана. Он стоял, отдыхая, широко расставив ноги и подставив солнцу лицо, без того загорелое. Когда еда была выставлена и семья расселась, Степан, грозно взглянув на жену, прорычал:

– Я велел пистолеты выбросить. Ты где взяла их?

– Там, где ты их выбросил, – парировала Василиса. Не взглянув на мужа, она продолжала нарезать хлеб.

– Если бы промазала? – голос Степана смягчился.

Он видел в каждом движении жены, что та внутренне повинилась за свой рискованный поступок, но ему хотелось навести порядок в семье на свой лад.

– Попала бы, – упрямо пробубнила Василиса и замерла с опущенной головой. Плечи её задрожали, с глаз посыпались тихие слёзы, и всё-таки она не выдержала и рухнула на землю, хватая ртом траву, чтобы забить истерику.

– Ладно, ладно, что было, то было, – Степан оглянулся назад, откуда они приехали, тревожным взглядом осматривая всё кругом, но округа смиренно принимала вновь прибывших. – Цыганок, видно, не

придёт, – продолжил он. – Может, и к лучшему. Нам немного ехать осталось. Нехорошо с цыганом за компанию приходиться.

Степан запряг лошадей, и поехали дальше. Вдали показалось селение. На въезде встречала путников высокая, большая деревянная изба. Она была какой-то совсем особенной постройки – невесёлая, мрачная; чёрные брёвна, сплошь испещрённые от старости трещинами. Стыки брёвен между собою замазаны глиной вперемешку с мелкой соломой, как и сами трещины подмазаны. На крыше, на шестах, тенями, уходящими в небо и надзирающими оттуда идольими головами – скворечни. Во дворе полукругом, перед самым широченным входом в избу, замерли несколько колодцев с отходящими от них длинными деревянными желобами. Желоба одним концом уходили в чёрную колодезную пасть, а другим спускались в вырытую общую рэпу. За избой раскинулись обширные загоны для скота с камышовыми навесами, с тесовыми воротами. Кругом ни одного деревца, никакого признака зелени. Трава вся вытоптана, выбита. Кругом серо, навозно, в воздухе подвис запах сладковатой гари, дёгтя, мочалы и ещё какого-то смердного духа.

– Чем это пахнет? – встревожилась спросонья Василиса.

– Гхе, – в себя усмехнулся Степан. – Пахнет ей, – и стеганул камчой по лошадиным крупам. Лошади отмахнулись хвостами, упёрлись сильнее в землю, лошадиные шеи изогнулись, прижимая морды к широким грудям, ноздри раздулись, сопя, уши тревожно наострились, и из утробы вырвалось глухое, короткое ржание. На животных смрад тоже подействовал, но всё-таки они повернули к колодцам, ища водопою.

Едва кони ткнулись дышлом в плетёную изгородь, Степан соскочил с каруцы и, озираясь по сторонам, направился к колодцам. Мрачное место, пагубное, встретило путников зловещей тишиной. Даже вороны, натканные на штакетнике, и те молча встречали чужаков. Глубинным колодезным эхом отозвалось ведро, грохоча о каменные стены, и шлёпнулось на поверхность воды. Степан с сыном споро тащили ведро, слажено перебирая верёвку. Ведро едва показалось из чрева колодца, а Савва уже ухватил его и притянул на каменную кладку колодца. Кони, почуяв воду, загремели удилами, зафыркали, ноздри их раздулись, больше стараясь выдохнуть зловонный запах, и натужно забили копытами, прядая ушами. Савва разнес коням воду, и они успокоились, пили смиренно, беззвучно. Напившись, кони игриво топчутся, пятясь и толкая каруцу назад, подальше от пагубного места.

– Пр-р-ру! – схватил за узду разнуздавшихся животных Савва, и они успокоились, громко фыркая губами и разбрызгивая пеной.

Напившись, путники отправились дальше. Чтобы попасть в селение, предстояло отыскать брод через заросший камышом водоём.

Пройдя вброд неглубокую, но широкую протоку, каруца Семёна въехала в селение. Рассматривая забеленные стены домов и каменные дувары вымазанные саманом, лица путников просветлялись. Усталость от дальней дороги сменялась успокоительной негой – наконец-то пришли к своим. В укладе селения угадывался болгарский быт.

– Похоже, пришли, – тихо сказала Василиса.

Путники медленно продвигались по укатанной улице и с интересом рассматривали всё вокруг. Где-то на задних дворах, почуяв новеньких, ржанула лошадь. Семёновы кони в ответ наострили уши и запрядали ими. Впереди, на дуваре показалась чья-то голова и тут же скрылась во дворе. Когда Семёнова каруца поравнялась с тем двором, из калитки вышла старуха и помахала, приветствуя. Василиса ответила и тут же направилась к женщине.

– Българи? – одними губами проговорила Василиса, пристально вглядываясь в родное лицо.

– Българи, българи, – заулыбалась щербатым ртом старуха.

– Додахми, – с облегчением выдохнула Василиса, присаживаясь на лавочку у калитки.

Каруца – телега.

Куленце – жеребенок.

Каши – кожаный пояс с медными пуговицами, который носят поверх опаса.

Опас – холстяной, широкий, красный с узорами пояс.

Паралия – суконная шляпа.

Пладнуване – обедание.

Чувал – мешок.

Камча – плётка конюха.

Дувар – каменный глинобитный забор.

Додахми – (болг.) пришли.

Борис ЮДИН

Катастрофа

(из цикла «Фима + Аня = любовь»)

Фима сел завтракать. Аня уже укатила на работу, и можно было расслабиться, вкушая плоды цивилизации. И только Фима приступил к делу, как задребезжал телефон. Звонила Аня:

– Фима! Немедленно ко мне! Я попала в катастрофу.

– Бог мой! – испугался Фима. – Ты в порядке, дорогая?

– Я-то в порядке, но этот козёл разнёс мне машину вдребезги. Быстрей ко мне, пока я его держу живого.

– А ты где, Анечка?

– На выезде из паркинга. Я выезжаю, а он как врежется в меня.

– Бегу, – сказал Фима и побежал. А когда прибежал, то увидел у тротуара две машины, а на самом тротуаре лежал молодой человек с при-

чёрской «ирокез» и плакал. На нём сидела Аня.

Фима осмотрел Анину машину. На боку была небольшая царапина. Других повреждений он не нашёл.

– Сэр! Спасите меня от этого монстра, – взмолился лежащий. – Она ломает мне пальцы, и я не смогу больше играть.

И это было похоже на правду, потому что Аня держала юношу за руки.

– Анечка, – спросил Фима, – этот жлоб тебя ударил?

– Если бы он меня ударил, это была бы последняя секунда перед его мучительной смертью.

– Сэр! – верещал «ирокез». – Спасите меня или вызовите полицию. Она меня раздавит. Послушайте, сэр. Я тихо еду, а она выскакивает как сумасшедшая. А когда я вышел из машины, чтобы осмотреть повреждения, она ударила меня ногой в пах.

– Больно было? – спросил Фима, закуривая.

– Очень!

– Ну это только начало, – пообещал Фима и спросил у Ани: Ты за что его?

– А что он?! Мало того, что ударил мою машину, так вдобавок хотел меня изнасиловать.

– Это неправда! – заорал мужик.

– А что правда? – спросил Фима. – Ты что ей сказал?

– Как обычно. «Фак, фак, фак». А вы бы что сказали на моём месте?

– Я на вашем месте не хотел бы быть. Но если бы и случилось такое, то молчал бы в тряпочку.

– Вызовите полицию!

– Хорошо. Я вызову полицию, и мы заявим, что вы пытались изнасиловать женщину. Судя по вашей причёске, в крови найдут достаточно следов наркоты.

– Нет. Этого не надо. Разберёмся сами. Только снимите с меня это чудовище.

– Поговори мне! – рявкнула Аня и подпрыгнула.

– Аня! – попросил Фима. – Не усердствуй. Он нам нужен живым.

Рядом остановился «Крайслер». Из окна высунулась старушка:

– Что происходит? Может быть, мне позвонить в полицию?

– Не беспокойтесь, мэм, – сказал Фима. – Идёт репетиция эпизода фильма.

– А где оператор?

– Я же сказал, что это только репетиция. Съёмочная группа прибудет позже. Приезжайте через час, и всё увидите своими глазами.

– А я попаду в кадр? – спросила неугомонная старуха.

– Конечно. Если вам повезёт, – пообещал Фима.

– Что-то случилось? Высунулся из проезжающего «Форда» мужик.

– Конечно! – заорала старуха. – Здесь фильм будут снимать. А пока что идёт репетиция. Если приедем через час, то сможем попасть в кадр.

– Хм, – сказал мужик. – Ради этого стоит отпроситься с работы.

И они уехали.

– Анечка! – предложил Фима. – Давай я тебе помогу встать.

– Я испачкала брюки, – сказала Аня, поднимаясь. – Хорошо ещё, что у меня в машине есть запасные.

– А теперь давайте оценим нанесённый ущерб, – сказал Фима, поднимая панка.

– Послушайте, сэр. Я еду на фестиваль в Коннектикут. Только не знаю, как я там буду играть. Эта

дама вывихнула мне пальцы и сломала рёбра.

– Это вы своему врачу расскажете, – посоветовал Фима. – Скажете, что упали с лестницы. Так что там вы говорили о возмещении. Я прослушал.

– У меня с собой восемь сотен. Пять я даю вам, и мы расстаёмся друзьями.

– Хорошо, – сказал Фима. – Это, конечно, не деньги, но вам и без того досталось.

Фима сгрёб купюры и посоветовал:

– Вы уезжайте поскорее. А то Аня сейчас переоденет брюки и выйдет из машины.

– Не надо! – заорал панк и в раскорячку побежал к своему автомобилю.

– Я поехала, дорогой, – крикнула Аня из машины. – Ты вёл себя как настоящий мужчина, защитив слабую, хрупкую девушку.

А через час Фима, уезжая на работу, любовался толпой, которая ожидала начала съёмки фильма, мечтающая попасть в кадр.

Гроза

(из цикла «Фима + Аня = любовь»)

Дождь начался, как всегда, не вовремя. Как раз тогда, когда Фима курил на балконе.

– Что случилось, дорогой? – спросила Аня, отвлекшись на секунду от телевизора.

– Ничего особенного. Дождь пошёл.

– Ах, как это романтично! – воскликнула Аня. – Я так люблю дожди. Помнишь, как мы с тобой познакомились?

– Ну да... – промямлил Фима, – а как же...

– Боже мой! Я живу с человеком, который не помнит ничего хорошего. Так и быть. Я тебе расскажу. А ты наморщи лоб и молча запоминай, что жена скажет. Это тренирует мозг.

Фима постарался.

– Фима! Я тебе сказала наморщить лоб, а не щёки. Впрочем, это всё равно, потому что я уже даром рассказываю. Шёл дождик. Я стояла под деревом. Наверное, под липой. Или клёном. Ты не помнишь?

– Это была ель, – предположил Фима.

– Ещё раз вякнешь и останешься без пива на целую неделю. Так вот. Я стояла под этой сиренью, мокла и наслаждалась запахом. А ты подошёл и отдал мне свой зонтик.

– Это я зря сделал, – проворчал Фима. – У меня потом был насморк.

– Фима! Не приземляй меня, когда я парю в полёте! А потом мы разулись и пошли босиком. Фима, мы с тобой сейчас разуемся, выйдем босиком на балкон и будем, как тогда, шлёпать по лужам.

Фима вздохнул и скинул тапочки. На балконе луж не было. Но дождь становился сильнее и сильнее, и ветром на супругов швыряло холодными струями.

– Анечка! – взмолился Фима. – Пойдём в дом. А то, не ровен час, гроза начнётся. Тебя же гром пугает.

– А ты помнишь, что дальше было?

– Конечно. Я наступил на осколок бутылки и порезал ногу.

– И на твоё счастье рядом оказалась студентка второго курса медучилища Анечка, которая уже умела бинтовать. Она-то и спасла тебе жизнь. Это ты помнишь?

– Конечно. Как можно забыть?! Ты прибинтовала мою левую ногу к правой, а твоя мама при этом советовала привязать меня к батарее парового отопления.

– Фима! Закрой свой рот, иначе будет хуже. А что было потом, ты помнишь?

– Дорогая! Но я же потом на тебе женился, – сказал Фима.

И тут небо разрезал замысловатый зигзаг молнии, и грохнуло так, что задрожали оконные стёкла.

– Бежим! – вскрикнула Аня и рванулась к балконной двери, забыв в второпях, что ей в эту дверь нужно проходить боком. Положение спас Фима, оказав неотложную помощь методом толкания в спину.

– Дорогая моя мамочка! – заплакала Аня, упав на диван. – Неужели ты не видишь, как издевается этот тиран над твоей доченькой? Сначала заманил меня под дождь, а потом включил грозу, чтобы меня убило.

Фима подложил Ане под голову подушку, укрыл пледом и уселся рядом.

– Дорогая! Не бойся, я с тобой.

– А ты меня любишь? – всхлинула Аня.

– Конечно, люблю, – сказал Фима.

– Крепко?

- Крепче не бывает.
- Тогда прекрати эту грозу.
- Не волнуйся, дорогая. Я сейчас позвоню, чтобы они выключили.

И Фима пошёл переодеться в сухое. А когда вернулся, увидел, что грозы больше нет, а Аня спит, приобняв рукой подушку.

– Вот и хорошо, – сказал Фима и отправился на кухню. И только принялся за вторую банку пива, как вошла Аня:

– Вы только полюбуйтесь на этого человека! Сам бросил родную жену, как собаку, умирать от страха, а сам нахально пьёт пиво.

– Анечка! Я тебя не бросил, – возразил Фима.

– Бросил, бросил. И не перечь мне, потому что я лучше знаю. А где гроза?

– Ты же сказала, чтобы я позвонил куда надо. Вот я и позвонил. И они сразу же перестали.

– Интересно, почему это ты месяц назад не позвонил в эту куданаду? Была страшная гроза. Я страдала, а ты спал и храпел при этом. А когда я тебя растолкала, поднял голову, сказав: «Бармен! Ещё пива!», – и снова заснул.

– Дорогая. Я тогда ещё не знал номера телефона.

– А теперь знаешь?

– А теперь знаю.

– Вот и хорошо. И попробуй только в следующий раз сказать, что забыл этот номер. Тогда... Я ещё не знаю что, но время у меня есть, и я обязательно что-нибудь придумаю.

«Эта рота наступала по болоту...»

Дмитрий Вадимович Сошников возвращался с мальчишника в приподнятом настроении. Один раз в году собирались бывшие одноклассники в пивной поболтать о том о сём и вспомнить самих себя школьниками. Вот это действие и называлось в их кругу «мальчишник». Дмитрий Вадимович с некоторой долей лукавства считал себя старым холостяком. Женился он ещё в студенческие годы, но жена ушла от него через три месяца после свадьбы. И хотя Дмитрия Вадимовича это не очень огорчило, но с той поры он остерегался официальной регистрации своих отношений с дамами. В последние годы Дмитрий Вадимович находился в интимных отношениях с чертёжницей их отдела Дарьей Михайловной. Жили они каждый в своей квартире, встречаясь два раза в неделю. Своё нежелание вступить в брак он объяснял просто: «Пуганый воробей и куста боится». И Дарья Михайловна соглашалась подождать.

Хорошее настроение у Дмитрия Вадимовича было не оттого, что он перебрал. Дмитрий Вадимович употреблял алкоголь два раза в году – на Новый год и в мальчишник. Хорошее настроение у него было потому, что он так умело и грамотно осадил болтуна Никольского. Когда бывшие друзья уже хорошо посидели, Симонов предложил выпить за Победу. А Сашка Никольский стал кричать про неисчислимые потери, про бессмысленные жертвы. И даже напел куплет из дурацкой песенки, утверждая, что она народная.

*«Эта рота наступала по болоту,
А потом пришел приказ, и она пошла назад.
Эту роту расстрелял из пулемета
По ошибке заградительный отряд».*

Тут Дмитрий Вадимович не вытерпел и стал говорить о том, что это был критический момент для страны и для народа, что было необходимо укрепить дисциплину, – пусть даже строжайшими мерами, что приказ Сталина «Ни шагу назад» был суров, но справедлив, и что он сам своей рукой расстрелял бы труса и дезертира.

Дмитрий Вадимович был так красноречив, так убедителен, что спорить с ним не стали, а выпили и вполголоса спели «Этот День Победы».

Так вот, заслуженно гордясь собой, дошёл Дмитрий Вадимович до забора, ограждающего непонятное строительство. И тут на него нахлынуло. Дмитрий Вадимович огляделся. Улица была пуста. Тогда он подобрал палку и, стуча ею по штaketнику, стал орать «Этот День Победы...» И у него получалось очень хорошо, несмотря на то, что не имел он ни слуха, ни голоса.

– Этот День Победы... – кричал Дмитрий Вадимович и проводил палкой по доскам, – тра-та-та... По-

рохом пропах... тра-та-та...

Забор трещал пулемётно.

– Это праздник...

В этом месте нужно было ударить по забору, чтобы получилось: «Бах, бах»...

Дмитрий Вадимович изо всех сил стукнул палкой, взяв её двумя руками. Палка подломилась, и он врезался лбом в доски забора. И так сильно врезался, что обмяк, потеряв сознание.

Когда Дмитрий Вадимович пришёл в себя, то с удивлением и ужасом увидел, что сидит на дне глинистой ямы. Рядом валялась большая винтовка, а чуть подальше лежал мёртвый солдат. Дмитрий Вадимович потянулся рукой к галстуку, чтобы ослабить узел. Галстука не было. Был ворот солдатской гимнастёрки.

– Это чёрт знает что такое! – проворчал Дмитрий Вадимович, поднимаясь на ноги и выглядывая из ямы. Впереди он увидел поле. По этому полю прямо на него медленно двигались два танка, а за ними редкая цепочка чёрных фигурок. Грохотали выстрелы, и чёрными фонтанами обозначались разрывы снарядов.

– Вот она, смерть! – прошептал Дмитрий Вадимович и снова сел на дно ямы.

– Пулемёт! – заорал солдат в ватнике, вваливаясь в яму. – Почему молчит пулемёт, мать вашу!

– Да вот... как-то так получилось... – пробормотал Дмитрий Вадимович, ослабшей рукой показывая на убитого бойца.

– Мать-перемать! – среагировал солдат и стал устанавливать упавший пулемёт на краю воронки.

– Что сидишь, Сошников? – захрипел он, взяв с пулемётом. – Стреляй, сука!

– Я не умею, – признался Дмитрий Вадимович.

– Стреляй, трус! – орал тот, что в ватнике. – Стреляй, а то убью!

Дмитрий Вадимович поднял винтовку и попробовал выстрелить, глядя, как танки и чёрные фигурки неумолимо приближаются. Ничего не получилось.

– Никак, товарищ солдат, – сказал он, разведя руками.

– Я тебе не солдат, сволочь! – отозвался ватник. – Я твой командир, лейтенант Гаврилов. А тебя, гадюга, я сейчас пристрелю.

– Подождите. Нельзя же так сразу! – испугался Дмитрий Вадимович и вновь схватился за винтовку. Он вспомнил, что надо сначала передёрнуть затвор, и потянул на себя блестящий рычажок с шариком на конце. Рычажок не поддавался. Дмитрий Вадимович дёрнул его изо всех сил, и блестящая железяка, выскочив из винтовки, оказалась в его руке.

– Так ты, Сошников, ещё и вредитель, – сделал вывод лейтенант. – Я тебя, сука, перед строем расстреляю.

– Товарищ лейтенант! – В воронку прыгнул рыженький и коренастый. – Связь налажена. Вас Первый требует.

– Молодец, Мишин! – похвалил лейтенант рыжего и, опершись рукой на край воронки, одним прыжком выскочил наружу.

Дмитрий Вадимович облегчённо вздохнул. Тут же загудело, завыло... Над самой головой Дмитрия Вадимовича пронеслись самолёты, и загрохотало впереди. Рвалось и гремело долго. Так долго, что, когда наступила тишина, Дмитрий Вадимович даже испугался. Он посидел немного, послушал эту тишину и выглянул наружу. Человечков на поле уже не было. Только дымились чёрным два танка.

– Это мы победили! – обрадовался Дмитрий Вадимович. – Это же надо?!

– Поднимайся, Сошников! – прокричал вернувшийся рыжий. – Лейтенант роту собирает. Сбор на опушке у берёзы.

Дмитрий Вадимович кое-как вылез из ямы и пошёл в сторону леса. Там уже стояла группа бойцов.

– Это все? – спросил лейтенант, подходя.

Никто не ответил.

– Положили роту, – всхлипнул лейтенант. – Роту мою... на хрен!..

– Война, – сказал седой солдат с перевязанной рукой.

Но лейтенант уже отгоревал:

– Получен приказ отойти к Семёново. Пришло пополнение. Короче, их сюда, а нас на переформирование. Так что... Шагом марш.

Дмитрий Вадимович тупо шёл по лесной дороге. Это был уже не прежний торжествующий инженер Сошников. Это был жалкий слепок его. Он не испытывал ни страха, ни горечи и даже не удивлялся про-

исходящему. Просто шёл, куда было велено.

– Повезло нам, Сошников, – сказал идущий рядом седой солдат. – Можно сказать, с того света возвращаемся. А винтовка твоя где?

– Да вот... как-то так вышло... – начал объяснять Дмитрий Вадимович. – На самом деле я не отсюда. Я из будущего.

– Э... – засмеялся седой. – Да тебя, брат, контузило. Совсем тью-тью. Придём, так ты сразу в госпиталь просись.

– А меня лейтенант перед строем расстрелять обещал, – пожаловался Дмитрий Вадимович.

– Отойдёт, – утешил седой. – Он человек вспльчивый – это да. Но быстро отходит.

Посветлело впереди, и солдаты вышли на опушку леса. Перед ними лежало выгоревшее поле, а поперёк дороги стояла эмка. В ней сидел здоровяк с майорскими погонами.

– Стоять! Руки в гору! – прокричали слева.

Дмитрий Вадимович огляделся. Их группу окружали автоматчики.

– Оружие на землю! – надрывался старшина. – Оружие на землю и руки в гору. Иначе стреляю.

Сложили оружие. Лейтенант, чеканя шаг, подошёл к эмке.

– Разрешите доложить, товарищ майор!

– Докладывай.

– Командир третьей роты второго пехотного полка лейтенант Гаврилов, – представился лейтенант и продолжил. – Согласно приказу командира полка вывожу роту к населённому пункту Семёново на переформирование.

– А рота твоя где, лейтенант? – ласково спросил майор.

Живые здесь, – лейтенант кивнул на группку солдат. – Остальные пали смертью храбрых, выполняя приказ командования.

– Ты мне, лейтенант, не заливай, – улынулся майор. – Я не вижу третью роту. Я вижу четырнадцать трусов и дезертиров. И на приказ твоего командира у меня есть Приказ Верховного. Слышал, наверное? Называется «Ни шагу назад». И на основании этого приказа мы вас всех накажем суровой рукой советского закона. Применив высшую меру, так сказать.

– Ах ты, крыса тыловая! – заорал лейтенант. – Мы жизни не щадя... а ты!..

И лейтенант потянулся к кобуре.

Раскатилась автоматная очередь. Лейтенант нелепо взмахнул руками и рухнул навзничь.

– Построиться в шеренгу по одному вдоль обочины! – приказал старшина.

– Братцы! Товарищ майор! Меня стреляйте, а детей не губите! Напишите в похоронке, что пал смертью храбрых. Трое у меня. Карточки отберут – помрут с голоду.

– Фамилия? – спросил майор.

– Мишин. Мишин моя фамилия, – сказал рыжий и упал на колени.

– Хорошо, – сказал майор. – Мы же не звери. Запиши, Шапкин.

– Я запомню, – сказал старшина и пнул рыжего сапогом в бок.

– Закончишь – пошли людей по грибы, пока тихо. Вечером супчик сварим, – распорядился майор.

– Пошли, брат, – вздохнул седой. – Не всё ли равно где?

– Это конец! И почему так глупо? – обречённо подумал Дмитрий Вадимович, подходя к обочине дороги.

И вдруг увидел стоящий посреди поля дом. И не хату-развалюху, а нормальную пятиэтажку. И асфальтированный двор перед ней.

– Пошевеливайтесь! – крикнул старшина.

И тут Дмитрий Вадимович перепрыгнул через канаву и что было сил побежал к дому. За ним неслись крики и автоматные очереди, а он бежал, задыхаясь и плача.

Влетел в подъезд и забарабанил в первую же дверь.

– Спасите! – закричал Дмитрий Вадимович, когда дверь открылась. И упал у ног Дарьи Михайловны.

Через три месяца они отпраздновали свадьбу. И всё хорошо. Дмитрий Вадимович давно позабыл свои приключения. Ну, перепил немного. С кем не бывает? Дарья Михайловна ждёт ребёнка, и Дмитрий Вадимович надеется, что будет девочка. Он заботливый и любящий муж. Дарья Михайловна в нём души не чаёт.

И только... раз в году на День Победы встаёт Дмитрий Вадимович среди ночи, тихонько, чтобы не

разбудить жену, идёт на кухню и выпивает стакан водки без закуски. А потом стоит у окна, смотрит в ночь и шепчет:

*Снег растает, снег растает.
Ручейки сквозь эту роту по болоту потекут.
Но не встанет эта рота...
Командиры эту роту за собой не поведут.*

Считалочка

Два давнишних друга Сергей Сергеевич Иванов и Иван Иванович Сергеев сидели в кухоньке у Сергея Сергеевича и делали вид, что играют в шахматы. Однако шахматная доска с расставленными фигурами была сдвинута к краю стола, а на её законном месте стояли немудрёная закуска и початая бутылка с водкой. И, судя по покрасневшимся лицам друзей, бутылка эта была не первая.

– Ты, Ваня, сам рассуди, – жаловался Сергей Сергеевич, наливая. – Пока я был в почёте и уважении, Нина моя была как шёлковая. А как вышел на пенсию – озверела. Совсем другой человек. Зудит и зудит. Стыдно признаться, Ваня, но я её боюсь.

– Не боится волк собаки, а боится её звяги, – поддержал друга Иван Иванович и поднял стакан.

– Это точно, – согласился Сергей Сергеевич и чокнулся с другом. Чокнулся, выпил и продолжил: – И то ей не так, и это не этак. Сам рассуди – курить выгоняет на балкон. Рюмку с кем-нибудь выпить – скандал на неделю. Обидно, Ваня. Я ведь не хухры-мухры. Я ведь людьми командовал.

Здесь нужно сказать, что работал Сергей Сергеевич мастером на заводике, выпускающем то ли доильные аппараты, то ли дождевальные установки... словом, что-то в хозяйстве ненужное. Работал-то он мастером, но любил себя называть руководителем среднего звена.

– Дал ты ей волю, Серёжа, вот что я тебе скажу, – подвёл итог Иван Иванович. – А женщинам воля во вред. Женщинам и стране твёрдая рука нужна.

– Всё хотел тебя спросить, Ваня, – посерьёзnel Сергей Сергеевич. – А ты почему не женился?

– Скажу тебе, Серёжа, как другу. Не нашлась ещё женщина, способная понять нежную душу офицера. И друзья залились радостным смехом. При этом Иван Иванович похрюкивал, а Сергей Сергеевич повизгивал.

Отсмеявшись, они с грустью оглядели стол.

– Да, – сказал Иван Иванович. – Хорошо бы сейчас портвешком это дело отполировать. А где взять в это время?

– У меня есть, – загрустил Сергей Сергеевич. – Но завтра Нина приедет – житья не будет. Может, сбегает? Я знаю точку.

– И то, – согласился Иван Иванович и достал бумажник. – Твоя идея – ты и гонцом будешь.

– Нееет, – возразил Сергей Сергеевич. – Давай по справедливости. Посчитаемся. Кто выйдет – тому и бежать.

И Сергей Сергеевич затараторил детскую считалочку, попеременно указывая рукой то на себя, то на друга:

*Эники-беники
Ели вареники.
Эники-беники – клёц.
Вышел пузатый матрос.*

И тут дверь холодильника, противно скрипнув, отворилась. Из холодильника вышел мужик в тельняшке с трубкой в зубах. На его бескозырке блестела золотом надпись: «Надя».

Друзья онемели и окаменели. Да вдобавок ко всему в гостиной часы стали бить двенадцать.

– Ну что сидите, как куры на насесте? – спросил матрос и вразвалку подошёл к столу. – Спички есть? А то трубка погасла.

– Зажигалка есть, – угодливо произнёс Сергей Сергеевич и протянул матросу зажигалку.

– Зажигалка – это не дело. Спички лучше, – сказал матрос. Но зажигалку всё-таки взял и раскурил трубку.

Запахло ароматизированным табаком.

- Золотое руно курите? – спросил Иван Иванович.
- Капитанский, – сказал матрос и выпустил клуб дыма. – Так чего надо, короче?
- Как чего? – не понял Иван Иванович.
- Зачем вызывали? – спросил матрос недружелюбно.
- Тут так вышло... – засуетился Сергей Сергеевич. – Мы хотели портвейна немного и...
- Понял, – перебил матрос. – С портвейном проблем нет.

Тут он поднял тельник и расстегнул застёжку-молнию на брюхе. Там оказался целый склад спиртного. Матрос запустил свою лапу в этот склад, вынул бутылку португальского портвейна и, сказав: «Поправляйтесь», поставил бутылку на стол. После этого мигнул, как фотовспышка, и исчез.

Друзья помолчали. А помолчав, закурили.

– Всё, Ваня, – сказал Сергей Сергеевич. – Это трындец. Не знаю, как ты, а я больше спиртного в рот не возьму.

– Ты погоди, Серёжа, – вступил Иван Иванович. – Ты погоди зарекаться. Не могли же мы с тобой одну и ту же галлюцинацию видеть?! Не могли. Значит, тут что-то не то. А давай-ка попробуем его поила.

И Иван Иванович ловко откупорил бутылку и налил в стаканы рубиновую жидкость.

– Ну... – поднял стакан Иван Иванович, – батальон! Делай, как я!

И залпом выпил.

Сергей Сергеевич следом.

Потом посидели молча, прислушиваясь к организму.

– А ничего, Серёжа, нормально, – заключил Иван Иванович и налил по новой.

– Хороший напиток, Ваня. Душевный, – поддержал Сергей Сергеевич. – Жаль, что мало.

– Так давай у этого юнги ещё спросим, – осенило Ивана Ивановича. – Ты же видел – у него в брюхе целый магазин.

– Слышь, Ваня! – застеснялся Сергей Сергеевич. – Может, у него и девушки есть?

– А что? – поддержал Иван Иванович идею. – Может, и есть. Спросить надо. Сейчас бы девку... сисястую такую... неплохо... в самый раз было бы.

И начал считать: «Эники-беники...»

– А сейчас чего? – спросил матрос, выходя из стены. – Нажрались, и на баб потянуло?

– А что? – начал задираться Иван Иванович. – Какой в этом вы видите криминал? Естественные рефлекссы...

– Короче! – перебил матрос и расстегнул пузо. – Выбирайте скорее, а то вас много, а я один.

А в пузе у него оказался прилавок, на котором сидели куклы в чём мама родила. Только живые. И каждая из них делала соблазнительные знаки, обещая небывалое удовольствие.

– Ну, просто, еклмн, – сказал Иван Иванович. – Это же надо, до чего дошла современная технология.

И выбрал из живота щедрого матроса пухленькую блондиночку с бюстом такого размера, что и не верилось.

Тут и Сергей Сергеич осмелел и потянулся к шустрой азиаточке.

Как только куклы очутились в кухне, так тут же выросли до нормального человеческого роста, уселись у друзей на коленях и начали оказывать знаки внимания сексуального характера.

У Ивана Ивановича взыграло ретивое, и он издал сладострастный рык, в котором угадывался незаурядный темперамент самца. Но показать силу этого темперамента Ивану Ивановичу не удалось, потому что клацнул замок на входной двери и раздался женский голос:

– Что ж ты меня не встречаешь, паразит? Не ждал? А накурил-то как! Ну я сейчас с тобой поговорю серьёзно.

Друзья замерли в самых нелепых позах. И тут Иван Иванович проявил армейскую смекалку и зашептал:

– «Эники-беники ели вареники...»

– И что это вам, мужики, неймётся? – спросил матрос. – Чего звали?

– Нам... понимаете... – зашептал Сергей Сергеич. – Мы тут, понимаете... а жена приехала. Она у детей гостила. Только завтра приехать обещала...

– Короче, – сказал матрос и расстегнул брюхо.

– Короче, так, – нашёлся Иван Иванович. – Хотим оказаться в таком месте, где нас живая душа не увидит. С девочками, конечно.

Снова мигнуло ослепительно, и друзья очутились на песчаном пляже. Голубела лагуна, жарило солн-

це, и небольшая группа пальм отбрасывала жидкую тень на две хижинки. Между хижин красовался фанерный домик со знакомыми буквами М и Ж. Значит, цивилизация добралась и в этот забытый Богом край.

Друзья опомниться не успели, как девицы поволокли их в таинственную полутьму хижин.

И тут же из этой полутьмы понеслись сладострастные вопли.

Через некоторое время друзья уселись под пальмами с банками пива в руках и тупо уставились на черепаху, ползающую по раскалённому песку.

– Это было что-то. Вот что я тебе, Серёжа, скажу. – Иван Иванович допил пиво и швырнул банкой в черепаху. – Верить ли, столько лет мужское во мне не просыпалось. А тут...

– Да, Ваня, – поддержал разговор Сергей Сергеевич. – Это было... расскажи кому – не поверит.

– А это уже ваши проблемы, пацаны! – раздался хриплый бас.

Друзья посмотрели сначала друг на друга, а потом на пальмы, от которых этот голос доносился. От пальм шли два качка в шортах.

– Вам, товарищи, чего нужно? – нашёлся Иван Иванович.

– Нам, папахен, капуста нужна, – ответил один из бойцов и достал из-за спины автомат Узи. – А то пить – это мы можем, девок пользоваться тоже. А как за товар платить – так в непонятках.

– Опять же, перелёт со скоростью света, – добавил второй. – Аренда острова... то да сё... Короче, набежало.

– И сколько? – голос Сергея Сергеевича дрогнул.

– До хрена, – утешил его первый качок. – У тебя столько нет. Будешь сейчас хату свою переписывать.

– Дивизия краснознаменная! Армейским опытом богата!.. – запел Иван Иванович песню, намереваясь ринуться в последний бой.

Но над его головой пророкотала автоматная очередь, и Иван Иванович решил отложить исполнение песни на потом.

– Товарищи бандиты, – сказал Сергей Сергеевич. – А можно нам с другом посоветоваться?

– Валайте, – согласился качок. – Всё равно вам отсюда никуда не деться. Остров, напоминаю, необитаемый.

Сергей Сергеевич затянул помертвевшего Ивана Ивановича в хижину и начал считаться:

– «Эники-беники...»

– Ну клиент сегодня – мука, а не клиент! – сказал матрос. – Вам ещё какого рожна нужно?

– Товарищ боцман! – сказал Сергей Сергеевич. – Нам нужно туда, где царит правопорядок. Где вот такой правовой беспредел, как здесь, невозможен...

И друзья оказались в районном отделении милиции у стола дежурного по отделению.

– Так вы, граждане, заявляете, что неизвестные бандиты напали на вас и, угрожая автоматическим оружием, требовали подписать дарственные на ваше жильё?

– Требовали, – согласился Иван Иванович. – Ещё как требовали.

– Там сначала матрос был. Пузатый, – добавил Сергей Сергеевич. – Он брюхо расстегнёт – у него брюхо на зиппере, извините. А там и женщины лёгкого поведения, и выпивка всякая... Одним словом, притон.

– Понятно, граждане, – сказал сержант, окинув взглядом полуголых друзей. – Документов при вас, конечно, никаких. Примем меры. Вы присядьте вон там, пожалуйста. Долго ждать не придётся.

И он не обманул. Не прошло и получаса, как появились санитары и повезли друзей в психиатрическую лечебницу.

– Так вы утверждаете, что у этого матроса живот расстёгивался? – лениво спросил доктор Михальцов, заполняя непонятные бланки.

– Так точно! – рявкнул Иван Иванович. – И это, разрешите доложить, несомненно, происки врагов.

– Понятно, – процедил доктор. – А у ваших родственников психических заболеваний не наблюдалось?

– У моих не было, – сказал Сергей Сергеевич.

– У моего брата триппер был, – признался Иван Иванович и покраснел.

– Хорошо, хорошо, – утешил доктор друзей. – Вы только не волнуйтесь. Мы вас сейчас определим в отделение, и всё будет хорошо.

Доктор Михальцов закончил писать и спросил, иронически щурясь:

– Значит, как только вы эту считалку произнесёте, так матрос и появляется?

– Появляется, – подтвердил Сергей Сергеевич. – Как только, так сразу.

– А сейчас вызвать его можете?

Друзья переглянулись, и Иван Иванович начал:

– «Эники-беники...»

– Какого хрена? – спросил матрос, выйдя из стеклянной витринки с медицинским инструментарием.

– Ну и вахта сегодня. Давайте быстрее, а то мне смену пора сдавать.

Доктор Михальцов молча и старательно протирал стёкла очков полой халата.

– Надо, товарищ адмирал, – сказал Иван Иванович, – как-то всё загладить. Восстановить статус кво, так сказать. И чтобы без последствий.

– Что ж ты меня не встречаешь, паразит? – произнесла Нина Григорьевна, входя в кухню. – Не ждал? На кухне было прибрано. За столом, склонившись над шахматной доской, сидели приятели.

– Конечно, не ждал, Ниночка, – засюсюкал Сергей Сергеевич. – Ты же только завтра собиралась приехать. А мы тут вот с Иваном Ивановичем за шахматиками засиделись.

– Ну, мне пора, – поднялся Иван Иванович. – Как-нибудь потом доиграем.

А в приёмном отделении доктор Михальцов измывался над санитаром Семёновым, пытаясь вспомнить считалку:

– Ты, Семёнов, наверное, думаешь, что я чокнулся?

Семёнов именно так и думал, но сказал:

– Да что вы, доктор!

– Но я же своими глазами видел, как этот матрос выполняет все желания. Что ты скажешь, Семёнов?

Семёнов подумал, что надо бы поменьше жрать казённый спирт, но вслух сказал:

– Доктор лучше знает.

– «Эники-беники» – это я помню... – продолжал Михальцов. – Вышел пузатый матрос – тоже... А вот что в середине? Семёнов! Какая рифма к слову матрос?

– Понос, – сказал Семёнов.

– Дебил! Какой понос? Там что-то другое было.

– Тогда поц, – подсказал Семёнов.

– Сам ты поц!

Храпела и стонала во сне жена Сергея Сергеевича, которой снилось море и жаркий кавказский мужчина.

Лежал на спине, уставясь в потолок, сам Сергей Сергеевич.

Играл сам с собой в нарды неугомонный Иван Иванович.

Тосковал санитар Семёнов, глядя, как доктор Михальцов пытается вспомнить считалочку.

И одна за другой гасли звёзды, предчувствуя рассвет.

Наталья ГАРМС

Продолжение. Начало в №2,3.

Сколько нужно мужчин, чтобы...

Неопознанный венок

В прочем, однозначной уверенности в том, что стрельба эта адресовалась именно мне, не было. Возможно, я не все знала о Вольке. В годовщину смерти на его могиле появился красивый венок. Непонятно от кого. Пытаясь установить «отправителя», я обошла местные ритуальные конторы и нашла ту, где было изготовлено упомянутое изделие, но там ничего не смогли сообщить о заказчике. На следующий год ситуация повторилась. А затем венки сменились букетами белых роз, авторство которых и вовсе нельзя было определить. А что если у Дэма была любовница и ее муж решил отомстить? И теперь безутешная дама сердца шлет цветочки на могилу убиенного возлюбленного?

Эту версию я могла бы обсудить с Ленкой, если б она самым неожиданным образом не исчезла. Всегда и везде опаздывавшая, моя подруга обычно поспевала вовремя, когда действительно была нужна. Но на похоронах Вольдемара Елена не появилась. А потом пошли слухи о том, что из-за рискованной манеры ведения бизнеса у нее возникли серьезные неприятности, и Ленке якобы пришлось срочно продать свое дело и выехать за рубеж. И вроде бы кто-то даже видел ее в Штатах. Но почему она не прислала мне оттуда никакой весточки?! На мои расспросы мать Лены лишь испуганно отвечала: «Я ничего не знаю! И ничего не могу рассказать!» А когда встретилась мне однажды на кладбище неподалеку от могилы Дэма, так шарахнулась, что я решила более не докучать бедной женщине.

И у бывшего Ленкиного мужа Яши что-либо спрашивать было бесполезно. К тому времени Яша сошелся с чрезвычайно похожей на Елену, но гораздо более спокойной и домовитой женщиной. На ее плацindaх-борщах Яша отъелся, заматерел и вдруг пошел в гору. На днях я встретила его на какой-то презентации и даже не сразу признала в хорошо одетом и вновь довольном жизнью и собой персонаже.

Был еще налоговый Гена. Впервые Ленка привела его в наш дом в тот вечер, когда я отбыла с новым знакомым, Кириллом, в ресторан. Выспросив у Глафиры, в чем я отправилась на randevу, Елена велела передать о своем неудовольствии: все-таки это чересчур идти в старой перекрашенной в красный цвет майке, отделанной номерными бирками из прачечной, в одно из самых престижных в городе заведений! Я и сама почувствовала себя замарашкой, оказавшись в помпезном зале со стульями, смахивавшими из-за высоких спинок на троны. Выручил оркестр. Он оказался фантастическим! И я отплясывала так, что Кирилл, похоже, был готов сдирать бирочки от прачечной прямо на сцене.

Выпив вина и кофе, Лена с Геной удалились, оставив в вазе розу. И в следующий раз заявили, уже когда хлопьями валил снег. «Представляешь, снежинки садятся на плечи как огромные африканские бабочки», – восторженно воскликнула Ленка, ласково закругляя каждое слово. Не знаю, как насчет африканских бабочек, но таких огромных глазищ я не видела у нее никогда. Гену тоже шатало, но по другой причине. Мы прошли на кухню, а он лег в комнате на ковер, свернутый рулоном для чистки. Но сначала поразмахивал немного пистолетом. Сотрудникам налоговой службы, оказывается, полагалось табельное оружие. Не понимаю, правда, почему он расхаживал с ним по гостям! (Дема, повторю, уже почти не выбирался из командировок.)

Перед уходом Лена разбудила мирно похрапывавшего на ковре Геннадия. И тот первым делом опять схватился за пистолет. Поскольку у большинства советских мужчин не было возможности наиграться с оружием, впоследствии, вероятно, многие из них спешили наверстать упущенное – с самозабвением обалдевших мальчишек. В коридоре Ленка старательно почистила своего налогового щеткой, и он терпеливо выстоял эту процедуру, поворачиваясь то спиной, то боком. Сцена выглядела настолько интимной, что я вышла, оставив их вдвоем.

Отйдя после похорон, я попробовала найти и Гену. Но как сообщили сослуживцы, Ленкин знакомый тоже неожиданно уволился и уехал. Куда да зачем, они не знали.

Патефон под черешней

И Кирилл (после гибели Дэма он все чаще стал захаживать в наш дом) тогда успокаивал, объясняя, если человек столь неожиданно исчез, значит, иного выхода не было. И весточку он теперь прислать не может также по соображениям безопасности. В Кирилловой среде подобное случалось не редко. Вот

только поднялся человек, открыл офис в центре Кишинева с непременно коврами дорожками, затеял какой-то громкий проект, нараздавал интервью и обещаний, как, бац, и сгинул вместе с ковриками. А потом выяснялось, что он набрал кучу долгов, да еще у односельчан из собственного родного села немало денег позаимствовал (и это напрасно, конечно, потому что отныне туда ему путь был закрыт, а так мог бы в тяжелую пору отсидеться у родственников, подобно Кирилловому деду, который в войну прятался от румынской и советской мобилизаций в колодце, куда жена приносила по ночам еду).

Кирилл пару раз даже свозил меня на левый берег, когда я спешила на очередной «горячий» репортаж, а транспорт не удавалось найти. Однажды вот так же, подбросив меня в Дубоссары на интервью с председателем Совета народных депутатов, остался ждать в приемной. И когда я вышла из кабинета, бледный Кира, выпрямившись на стуле, выговаривал раскрасневшимся охранникам, что он сам молдаван и многие из них молдаване и не должны отрываться от своих корней. Еле его утащила!

«Кира», кстати, ему категорически не нравилось. Он сердился: «Скоро ты меня вместо «Кирушечки» «Рюшечкой» окрестишь?! И вообще, что за манера – при наличии нормального вполне имени называть человека каким-то другим! Ну почему «Аглаю» непременно надо было переделать в «Глашку»?» Наш союз он скрепил подходящим парным обозначением: себя предложил именовать «Рики» («Все лучше Рюшечки!»), а меня – «Ро» (от «Монро» – говорил, что хотя я и не платиновая блондинка, но такая же яркая). Я и стишок сразу сочинила: «Ах, зачем только Рики так полюбила Ро!»

Хотя в действительности достаточно долго не воспринимала его всерьез. Но однажды мы съездили в гости к его знакомым все под те же Дубоссары, где утром проснулись на деревянной кровати, стоявшей в саду под черешней, а дальше под обрывом серебрился на солнце Днестр. На фоне умиротворяющего этого природного благолепия тем более причудливо смотрелись два случайных, в общем-то, друг для друга человека – в кровати, у всех на виду! «Сюда б еще патефон с шампанским для полноты картины!», – засмеялась я.

В следующий раз на шатком столике рядом с кроватью уже сиял патефон – и где только Кира его отыскал! Он привел в действие раритет и потянул танцевать между кочками. Я спотыкалась, но Кирилл крепко держал меня, ощипывая губами нацепленные мною на уши черешневые гроздочки. Шампанское мы отхлебывали прямо из бутылочного горлышка, и оно, пузырясь, рвалось наружу вместе со смехом.

Естественно, Кирилл был женат. Но не слишком обременительно. Как объяснял, бизнес-вумен-супруге сейчас просто не до него. Подружка Наташа, правда, советовала не верить этому, мол, все женатики что-нибудь подобное придумывают для свободы маневра.

Но и мне долгое время было не до него. В промежутках между работами я хваталась за Глашку, спеша, с разбегу исполнить за двоих (за маму-папу то есть) родительские обязанности. Да понемногу еще флиртвала, но не очень активно, поскольку вставшие к тому времени у руля представители Аграрной партии из бывших председателей колхозов норовили по-хозяйски прибрать «журналисточку» к своим рукам, в том числе, в буквальном смысле. Приходилось быть настороже и строже.

Впрочем, и с политически-умеренными агроруководителями вскоре наладились вполне конструктивные отношения. Хотя один партфункционер-таки заставил понервничать. Воодушевленный складно изложенным накануне в «ОВ» собственным комментарием, он громко приветствовал меня на каком-то рауте: «Я никогда не думал, что в таком хрупком теле может скрываться, да, может скрываться...» И тут, запутавшись в словах, застрял. Услышав про «тело», окружающие начали подтягиваться поближе. И я на миг малодушно пожалела, что явилась на светское мероприятие в «винтажной» кружевной кофточке, разумеется, без бюстгальтера. Узрев отсутствие названного предмета, собеседник встрепенулся и наконец завершил: «Да, никогда не думал, что в таком хрупком теле может скрываться такой большой ум». Мы оба с облегчением вздохнули. И я не стала даже напоминать, что ум, уж если где-то и присутствует, то все же в голове.

Разумеется, среди молдавских политдеятелей встречалось немало образованных здравомыслящих людей. Но до сих пор погоду в республике определяли не они.

А что до жен моих любовников, то я полагала: не со мной, так с другими их мужья все равно бы изменяли. Сама я никогда не навязывалась и уж тем более в семью не лезла, домой не названивала и в трубку не сопела. После Павлова, к слову, дала себе зарок – не спать с мужьями своих подруг и не уводить отцов от маленьких детей. Его исполнение со временем упрощалось – детишки неуклонно подрастали. К тому же «половины» подружек меня вполне устраивали в своем законном качестве, и разве только с одним я не отказалась бы закрутить роман. И потому держалась от него подальше. А случаи, когда супруги бывших ухажеров сами старались со мной сблизиться, дабы наверняка обезопасить, не в счет.

С иными, правда, мы впоследствии настолько сошлись, что изначальные причины нашего знакомства утратили свою актуальность. По крайней мере, так это выглядело на момент повествования. И нужно ли было отлистывать назад страницы?!

Деньги в банке (из-под кофе)

Как-то Кирилл заскочил уже под утро, сообщив, что срочно уезжает в Болгарию. Оставил набитую деньгами сумку и попросил: если с ним что случится, две трети общей суммы передать его сыну, а одну взять себе.

– Но почему ты не оставил эти деньги жене? – удивилась я.

– Она может вложить их в дело и не отдать сыну, – пояснил Кира. И отбыл.

Но тогда – обошлось.

Такая была пора: деньги хранились в сумках, банки только создавались, и системы денежных переводов (недорогой и надежной) на бывшем союзном пространстве практически не существовало. Рики, к примеру, пришлось привезти «на себе» несколько сотен тысяч долларов из Казахстана, где он с месяц старательно жевал конину, которой там потчуют почетных гостей. Опасаясь, что, несмотря на конину, от партнеров все же можно ожидать подвоха, Кирилл в ожидании самолета на Кишинев в московском аэропорту старался держаться на виду, бродил между киосками и даже в туалет не заходил. В одном из ларьков и купил для меня шляпку-цилиндр из черного бархата.

«Не правда ли, чудесная шляпка?», – спросила я у заезжего московского коллеги, провожавшего меня после какого-то мероприятия русской общины. «Шляпа у тебя прекурацкая!», – мрачно ответил тот. И добавил: «И вообще, сама ли ты пишешь свои статьи?»

Замечательную эту фразу я потом пересказала Дзержинской, когда мы, «отстрелявшись» с текстами, выпивали на ее кухне густое красное вино).

А однажды Рики предложил съездить в Москву, посулив оплатить расходы. В белокаменную, конечно, хотелось, тем более что туда как раз вернулся из заграничного вояжа Сударушкин. Задание мне при этом было дано такое: забрать в одной столичной компании 50 тысяч долларов и из них 20 тысяч отвезти в другую фирму, а 30 доставить в Кишинев. «Я бы сам сгонял, но зашиваюсь – новый контракт на подходе. А компаньон запил», – объяснял Кирилл.

В Москве отсчитывавшая купюры бухгалтер заметила: «Надеюсь, вы не одна, на машине?» Я утвердительно кивнула и, выйдя из офиса, быстро перебежала дорогу и заскочила в метро. Там, сев в поезд, вышла в последний момент на второй остановке, что проделала еще пару раз. И затем, удовлетворенная предпринятыми мерами предосторожности, отправилась в гостиницу при молдавском посольстве, где остановилась. Дипмиссия охранялась – здесь я была в безопасности. Но где хранить «зеленые»? Заранее заготовленная большая банка из-под кофе все пачки не вмещала. Уложила их в платок и повязала его на себя под платьем модного покроя «принцесса».

Отвезти меня на следующее место встречи попросила Сударушкина. «А сколько денег ты должна передать?», – уточнил он, выруливая в потоке машин по мосту.

– Двадцать тысяч, – ответила я.

– Двадцать тысяч чего? – переспросил он.

– Долларов, конечно.

Он затормозил и стал перестраиваться в крайний ряд, ближе к повороту.

– С ума сошла?! Не знаешь, что сейчас за гораздо меньшие суммы убивают?! Моему тбилисскому знакомому нужно было получить в Москве пару тысяч долларов, так он прилетел с другом. Перезвони и скажи, чтобы приехали за деньгами к тебе в гостиницу.

За этим последовала череда телефонных переговоров – бесплодных. Директор второй фирмы наотрез отказался куда-либо ехать, и Кирилл попросил: «Да отвези ты ему эти бабки! Все будет в порядке! Ребята проверенные!»

Сергей, накануне строго предупредивший, что не намерен участвовать в подобных безрассудных затеях, все же подвез меня, и я без проблем отдала деньги скучному лохматому парню в темном зипуне. Пересчитав купюры, он оживился и бодро скомандовал в трубку: «Баксы прибыли – запуская механизм, Ванек!» И далее продолжал названивать, не обращая на меня внимания. Кажется, его фирма занималась железнодорожными перевозками.

Потом Сударушкин подкинул меня в аэропорт. И всю дорогу ругал. А я сидела, помалкивая, с оставшимися 30 тысячами. Бархатный цилиндрик выручил и при досмотре – таможенники только улыбались.

В самолете в соседнем кресле ерзал представительный дядечка с ошалевшими глазами и перекрученным галстуком. Ухватив с подноса стюардессы сразу два бокала вина и выпив, наконец рассказал, что его мучило. Нет, дело было не в том, что он боялся летать. В златоглавой сосед впервые увидел порнуху. «Понимаешь, я до этого много лет проработал секретарем райкома. А сейчас строю табачный бизнес. То есть сначала было нельзя, а потом тоже не до того. А тут в переговорах возникла пауза. И я пару дней провалялся в Москве на диване, отсматривая записи по видео», – придвинувшись к моему плечу, заговорил он на «ты» по начальнической привычке.

– И оказывается, – жарко зачистил он дальше, – женщину можно иметь не только известным, ну, ты знаешь, традиционным способом! Но и разными другими! И в самые различные места! Ты представляешь?! Можно – всюду! Даже в попу!

– Но это не всегда комфортно для дамы, – не удержалась я от ответной реплики.

– А, ерунда! Мне объяснили, можно использовать вазелин, – торжествуя выпалил сосед, обалдевший от свалившихся на него открытий. И посмотрел на меня оценивающе.

– Пожалуй, вздремну. Знаете, день был очень напряженный, – я отодвинулась к иллюминатору, за которым невинными барашками кудрявились облака, и закрыла глаза. А когда открыла (я давно приучилась отсыпаться в дороге), обнаружила, что сосед тоже задремал, крепко прижав к моей ноге свою. Нога подрагивала, как будто отстукивала ритм. И отпихнуть ее удалось не сразу.

По прилете сосед ринулся к выходу в числе первых, не успев сказать мне «До свидания».

А Сударушкин после истории с долларами, кажется, заподозрил меня в связях, если не с мафией, то со спецслужбами. Надеюсь, он недолго так думал. Тогда как мне, по крайней мере, следовало бы задуматься: возможно ли столь безоглядно доверяться человеку, легко подвергающему опасности и меня, и себя. Но я лишь предупредила Кирилла, что более «почтальоном» работать не буду.

Время и в самом деле было лихое, когда все – через край, пугающе и немного опереточно. С теми же деньгами возникла такая катавасия! «Осколки» империи обзавелись собственными валютами, их курсы то взлетали, то падали, и обменные операции слыли делом непростым. Мы с матушкой раз, торопясь, зашли в обменный пункт, а его взяли да закрыли. Но тут же возник приятной наружности парень и предложил свои услуги. И едва мы сговорились о процентах, как появился страж порядка. Наш «помощник» быстро вернул маме взятую было 100-долларовую купюру и сказал: «Подождите минуту». Этой минуты хватило, чтобы понять – нам подсунули бумажку, отпечатанную на ксероксе. И мы чрезвычайно рассердились на себя за ротозейство!

Полицейский, к которому мы потом обратились, разъяснил, что наш случай не единственный. Число потерпевших растет, но задержать мошенников пока не удастся. И мы с матерью решили самостоятельно поймать злодеев. Переоделись (мама в платке и моей длинной юбке до пят, а я в ее широком платье да в домашних шлепанцах – «косили» под деревенских) и вышли «на охоту». У обменного пункта мы проболтались дня два, более всего опасаясь встретить – в этом виде – знакомых. Но никто не попался, в том числе и наши обидчики. Более дежурить мы не могли и операцию свернули.

Из-за этой истории, наверное, я, вот так же потом вляпавшись, подралась с цыганками. В обеденный перерыв выскочила на базар за недостающим сахаром для варенья. Молдавских леев уже не осталось, а ближайший обменник, разумеется, закрыли у меня на глазах. Время поджимало, и какая-то женщина вызвалась помочь. Но едва я протянула ей купюру, нас окружила толпа цыганок. Тут, правда, я сразу схватила ее за руку и заорала: «Отдай мои деньги!» «Не надо так кричать! Давай все спокойно уладим», – увещевали цыганки, подталкивая ко входу ближайшего кафе. И в холле заведения сразу начали крыть матом, а я к подобному обращению не привыкла.

(С доисторических детсадовских времен усвоила, что обычно предшествовавшие драке ритуальные запугивания «Ах, ты такой!... Сам сякой, сейчас я тебе покажу!» мне противопоказаны. Оказалось, у меня глаза очень нервные. Едва кто-то взмахивал кулаком, мои веки начинали мелко-мелко моргать.)

«Да ты трусиха!», – ухмыльнулся, уже имевший два коренных зуба и третировавший нашу подготовительную детсадовскую группу, Генка, вот также, для начала, демонстративно махнув перед моим лицом пятерней с обгрызанными ногтями. И я, не целясь, смазала его костяшками пальцев по носу. Из носа закапала кровь. Генка взвыл.

И воспитательница, озвучив дежурную сентенцию о том, что приличные девочки никогда не дерутся, отправила меня в угол. Она была большая и рыхлая и излишне обсыпана пудрой, как кулинарная котлета панировкой.)

Деловито убрав свои солнечные очки в замшевый бежевый портфельчик, я, без прелюдий, пошла

молотить им, как битой. Цыганок было штук пять, и, наверное, они разбежались бы, если б заскочившая за нами следом прожаренная на солнце блондинка-табуреточница (продававшая у входа сигареты с табурета) не закрыла двери. «Я здесь прикрою. Давай, разберись с ними!», – подбодрила она.

Будучи девочкой из хорошей семьи, напомним, я дралась разве что в несознательном детстве, но тут рассвирепела. Мной овладело не бешенство, которое заставляет тебя истошно орать, по-бабьи топтать ногами и совершать прочие бессмысленные вещи, а холодная ярость: когда мозг реагирует на происходящее быстро и четко и действия твои расчетливы и решительны.

Разумеется, любой конфликт нужно попытаться решить миром, добиваясь компромисса. Но если дело дошло до драки, то в ней главное не сила даже, а ярость. Непременно расскажу когда-нибудь об этом своему сыну.

А пока я гонялась за цыганками по безлюдному кафе и методично лупила их портфельчиком. Наконец загнала забравшую у меня деньги тетку между столиками. Она схватила с салфетки сервировочный нож, а я расхохоталась, пригрозив наколоть ее жирную тушу на вилку. Но вместо вилки приподняла за спинку стул – он оказался не очень тяжелым. И только когда события приняли разрушительный для интерьера заведения оборот, из служебного входа выплыла администратор с полицейским. Последний бесстрастно приказал цыганке: «Отдай ей деньги, живо!» Ощерившись золотыми зубами, она достала из широченной юбки сложенную квадратиком купюру.

Выйдя из кафе, я хотела поблагодарить блондинку за поддержку, но та исчезла вместе с табуретом. И я отправилась искать открытый обменный пункт, чтобы все-таки купить сахар для варенья. Прохожие как-то подозрительно поглядывали на меня, и лишь дома, посмотрев в зеркало, я поняла, почему: на скуле ссадина, под глазом синяк и кофточка на плече разодрана. На историю с дракой Дзержинская отреагировала неоднозначно. По ее мнению, для российского собкора драться из-за денег с цыганками было перебором. «Да не в деньгах дело!» – горячилась я. Впрочем, вина она мне налила.

Кирилл же рассердился чрезвычайно: «Зачем ты вообще меняла валюту на улице! Ведь вы уже прокололись недавно с матерью! Ты представляешь, если б кто-то из знакомых увидел эту битву?! Ну позвонила бы мне в конце концов, и я бы дал тебе эти деньги!» Кирилл еще не оставил попыток сделать из меня леди. А я не противилась и с удовольствием носила подаренный им ретро-костюмчик с белой шляпкой.

Но в леди ведь главное не то, что она сумеет бесстрастно отфутболить неловкому официанту оброненную на ее колени жареную курицу, а то, что не перекинет жар-птицу на брюки соседа. А я, увы, совсем недавно уронила на приеме венгерского посла.

С чашечкой кофе в руках направилась в угол зала, чтобы переварить реплику предыдущего собеседника. «Военные эксперты в нашей газете утверждали, что Москва напрасно решила закрыть военные базы на Кубе и во Вьетнаме. Они правы?», – мимоходом поинтересовалась у знакомого из российского посольства. «Вы хотите, чтобы я ответил как рядовой гражданин или как государственный служащий?» – переспросил дипломат. И рассмеялся: «Хотя, кажется, я уже ответил».

В углу за кадкой с фикусом, как оказалось, устроился с такой же чашкой не замеченный мною глава дипмиссии Венгрии. Я споткнулась об него, и он галантно попытался поддержать меня под руку. Но я продолжала падать и, ухватившись за фикус, обрушила посла и цветок на пол. Кадка захлопотала, земля рассыпалась, посол перепачкался. Все обернулись: в разодранных колготках я меленькими глоточками допивала чудом уцелевший кофе. И только потом попросила коллегу проводить меня до такси.

Выглядела ли я в тот момент как леди? Я не стала спрашивать об этом у Кирилла, решив умолчать об эпизоде с фикусом. Но потом, кажется, проболталась. Впрочем, дело даже не в после и не в курице – леди, в принципе, не вправе упасть лицом в грязь. Тогда как в вечно затемненном Кишиневе, в котором и центральная улица, бывшая Ленина, а ныне Штефана чел Маре, зачастую освещалась лишь рекламными огнями да фарами авто, с моим-то «куриным» зрением не упасть на каблуках с невидимых ступенек, не споткнуться на шербатых дорожках и не полететь в заботливо открытый люк, было сложно.

В ожидании сумерек

К известному в Москве офтальмологу меня отвел Сударушкин. Профессор, рыжая поджарая быстрая, не глядя на меня, выписала направление на обследование. Лечащий врач, Зелинская, полная пожилая медлительная, дотошно исследовала мой организм и не без внутренней гордости вывела неслыханный доселе диагноз: синдром такой-то – по наследственной, должно быть, линии.

(А мне молдавский доцент, к которому матушка пробилась на прием, наивно рекомендовал налегать

на морковку! Матери из-за наследственной линии я потом попробовала было закатить истерику, но она заплакала и пришлось ее утешать.)

По словам Зелинской, на практике упомянутый синдром выражается в ухудшении бокового зрения, которое со временем все более сужается, пока не обрушится центр.

– И что тогда? – осторожно спросила я.

– Тогда наступит слепота. Мне очень жаль, – ответила она, прямо глядя в мое лицо красивыми большими глазами.

– И когда, когда это может произойти? – меня подташнивало.

– Лет через десять. Хотя, возможно, и раньше. Ситуация запущенная.

– Но разве нельзя попробовать какие-то новые средства?! Проконсультироваться у врачей в других клиниках?

– Если вам это поможет, конечно, посоветуйтесь с другими специалистами. Но данная патология достаточно известна и, к сожалению, пока не излечима. Хотя мы с вами, разумеется, продолжим активное лечение. Я поэтому и рассказала вам об истинном положении дел, чтобы вы осознали сложность ситуации и взялись за себя со всей серьезностью.

– Лечиться буду, естественно. Но что мне, в принципе, делать в эти десять лет?

– Жить, – пожалала она округлыми плечами, все так же не отводя в сторону выразительных глаз. И дальше заговорила о том, что опробует на мне новый метод лечения электрическими разрядами, а еще нужно будет задействовать лазер для устранения прочих побочных дефектов... В конце концов даже со слепотой жизнь не кончается: в их отделении недавно лежал парень, ослепший при разрыве гранаты в армии, теперь он женился и жена уже беременна...

– И я хотела еще выйти замуж и родить второго ребеночка, – жалобно протянула я.

– Замуж можно. А ребенок нежелателен – от неизбежной гормональной встряски процесс может ускориться, – откликнулась доктор.

– Но я мечтала, по меньшей мере, о двух детях! Да и замуж как я теперь смогу выйти – при таком диагнозе?

– А вы не говорите никому, – посоветовала она и впервые улыбнулась.

После этого разговора мне часто снилось, как я с «бандитским» чулком на голове, но без привычных прорезей для глаз, пытаюсь перелезть с балкона верхнего этажа на крышу, срываюсь и падаю. Правда, я успевала проснуться до прощального крика. И потом мне снился другой сон: как я плыву в море, по размеченной, как в бассейне, «дорожке», и следующий рядом на лодке тренер мерно постукивает меня по голове длинной палкой с наконечником из пробки, если гребу не туда.

Я очень люблю плавать в море! Даже больше, наверное, чем плясать. К тому же плаваю я отлично и в большие волны, а танцевать, честно говоря, не умею – просто двигаю радостно руками-ногами как душе захочется. Про танцы мне ничего не снилось. Лишь однажды привиделось, как в пышной юбке с оборками я спускаюсь в клубе по ступенькам на сцену, а в каблуках моих сапожек горят лампочки.

О диагнозе я рассказала только матери. Да Сударушкину.

Весеннее солнце залило все вокруг радостным светом. Шершавыми от реактивов руками Сударушкин расслабленно держался за руль. После очередного курса лечения у меня в пол-лица багровел синяк (при уколе врач попал в сосудик под глазом, такое нередко случается). Сергей подшучивал над моим «бравым» видом. И вот тогда, нервно посмеиваясь, я сказала, что лет через десять вообще могу ослепнуть, но, конечно, не хочу, да и кто б захотел, и если он услышит о каком-нибудь чудо-враче или новых технологиях (ведь десять лет – немалый срок!), пусть непременно даст мне знать. Сударушкин смотрел на дорогу, и было не понятно, слышит ли он меня. Иногда я этим пользовалась, выговаривая накопившее, как в дупло дерева. Но сейчас было важно, чтобы он услышал.

– Ты скажешь, если появятся какие-нибудь новости?

Он кивнул, не повернув головы.

Все с тем же синяком я столкнулась случайно с Середой неподалеку от киноцентра на Красной Пресне (куда повадилась бегать, спеша пересмотреть шедевры мирового кинематографа, до той поры, пока...)

– Что, опять подралась с цыганками? – весело спросил он. И я заметила нехотя, что цыганки тут ни причем и, в общем, это неважно.

– Неужели причиной такого роскошного фингала стал другой мужчина, нехорошо! – поддел Павел. – И куда ты в таком виде направляешься?

И что, мне нужно было рассказать – про шедевры кинематографа?! Ответила, что иду в зоопарк, рас-

положенный, кстати, здесь же, через дорогу. И он помрачнел.

Несколько месяцев назад, зимой, еще до вердикта Зелинской, мы встретились с Середой в аэропорту.

– Домой, – скомандовал он шоферу, сев в редакционную машину. И когда я занервничала, рассмеялся: «Не дергайся! В редакцию едем!» А потом добавил: «Кстати, могу обрадовать – мы с женой развелись. Пойдешь за меня замуж?» Потом мы сидели в «Золотом фазане» – отмечалось пополнение в семье его приятеля Бричкина. И Бричкин, похохатывая, рассказывал, как беременная жена Тонька, «вот такая пузатая уже!», устроила в «Сайгоне» скандал, застав его с сидящей на коленях любовницей Танюшей. Скинутая ею с супружеских колен, Таня хотела было вцепиться в Тоню («А между ними и разницы, что одна буква в имени!», – уточнил рассказчик), но Бричкин не допустил – все же баба на сносях, понимать надо. И затем отправил обеих на разных такси по домам, оставшись с приятелями обговорить открытие нового журнала.

Журнал потом действительно открыли, но руководящие посты в нем успели захватить «эти недокормыши-демократы». И здесь кто-то предложил выпить за то, чтобы «наши враги нас в зад целовали!» А потом еще «за державу» тост подняли и «за любовь», разумеется. И Середа поглядывал на меня парадным взором.

Утром в только что полученной им полупустой служебной квартире (прежнюю он оставил жене с сыном) Павел, чертыхаясь, пытался отыскать чистую рубашку в расставленных вдоль стен коробках. Наконец нашел и проворчал: «Взяла бы у меня деньги да купила б нормальный шкаф, что ли! И вообще, переселялась бы ко мне. Хочешь, привези в гости дочку. Сходим с ней в зоопарк, например, посмотрим, как она ко мне отнесется?» Я поцеловала его кривой нос и спросила: «А кофе у тебя есть?» «Кофе нет. Не люблю его на самом деле. Есть чай. Вот только куда я его сунул?», – и он, поморщившись, стал рыться в кулках на столе и подоконнике. Потом уехал на службу.

А я целый день болталась по городу, отогреваясь в пирожковых и универсамах. Думала. Не сразу, конечно, но со временем его первоначальная влюбленность притупится, и тогда мне, как и Тоньке, «засветят» бесконечные рестораны и пирушки, и сонмы нетрезвых приятелей Середы, и любовницы на его коленях. И чтобы хоть как-то удержать ситуацию под контролем, понадобится стальной характер закаленной в семейных битвах стервы, каковым я не обладаю. К тому же подобный образ жизни наверняка не воспримет Глашка, которой, несмотря на бурную окружающую действительность, мы старались обеспечить упорядоченное домашнее воспитание. «И станет ли нам с Аглаей лучше в результате такого замужества?» – целый день я пыталась ответить на вопрос, ответ на который подразумевался изначально. Опыта семейной жизни с Павловым для этого вполне хватило.

Но Москва? Но столичные перспективы? Возможность новой работы? Положение замужней дамы?

Вконец обессилив, поехала на Киевский вокзал и взяла билет на Кишинев. Потом отправилась на улицу Правды. В холле, вызвав Павла, сбивчиво стала объяснять, что срочно должна уехать, так как с Глашкой возникли проблемы: в школе девочки почему-то объявили ей бойкот, и она рассорилась с бабушкой и ушла из дома, кажется, к Павлову с его новой подружкой. Короче, мне крайне необходимо вернуться, но потом я обязательно позвоню и приеду. Он внимательно посмотрел на меня и заключил: «То есть на мое предложение ты отвечаешь отказом? Ну ладно, мне пора работать». Развернулся и зашагал, не оглядываясь, к лифту. Я смотрела на его прямую спину и понимала, что он, во всех смыслах, от меня уходит.

Уже перед поездом позвонила ему и разревелась в трубку. «Ликуся, милая, чего ж ты хочешь?!», – переспросил Павел обмякшим голосом. А я не в силах была объяснить, что хочу, в общем-то, вполне возможного, но в данном случае недостижимого.

И вышло: мы расстались с Середой из-за того, что он позвал меня замуж. Забавно, не так ли? Хотя на самом деле очень не хотелось бы терять тех, кто дорог. Ну и пусть – любила б я всех понемножку, раз не получилось любить кого-то одного!

Горечь Дюшеса

С Глашкой, вступившей в переходный возраст, и впрямь возникли проблемы. В детстве она была спокойным, не доставлявшим особых хлопот ребенком. И я расслабилась, наверное, надеясь, что так будет всегда. Маленькая Глафира, кстати, очень походила на важного толстенького совенка с ярко-голубыми глазами под ровным полукругом бровей. Точь-в-точь как Дюша, мой младший брат. Светленький и вальяжный братец Андрей оказался ни на кого не похож: отец с матерью и я были темноволосыми, худощавыми, подвижными. Только у папы глаза были карие, у мамы – темно-зеленые, а у меня – свет-

ло-серые (что при темном окрасе бровей и шевелюры поклонники полагали признаком породы, и я не разубеждала их в этом).

Первой на несходство обратила внимание Мошечка, легкомысленно заметив, мол, Андрюшенька в соседа пошел. И отец посуровел. Я потом не раз перехватывала его внимательный взгляд, обращенный на барахтавшегося в кровати, коляске, песочнице ли светлоперого, неправдоподобно голубоглазого «совенка». Папа все более мрачнел и все чаще ссорился с мамой. А поленький, сладенький Дюшес, от которого вечно пахло карамельками, неотступно ковылял повсюду за отцом. Он обхватывал его пухлыми ручками за колени и смеялся скрипучим, как несмазанная калитка, смехом. И папа, застигнутый врасплох, боялся пошевелиться. В итоге к Андрюшке он чрезвычайно привязался, а от мамы отдалился. И все чаще стал один уезжать в Лугу к Мошечке.

И только когда родилась Аглая, столь же удивительно непохожая на всех нас, но зато оказавшаяся вылитым маленьким Дюшей, стало ясно, что дело было не в чужом соседе, а в некоем собственном предке, обогатившем потомков особыми внешними приметам. Но было поздно, отношения между родителями давно разладились. Что не помешало им, правда, с учетом новых геополитических реалий вдвоем обосноваться в Луге – в соседних домах. В отцовском при этом хозяйки периодически менялись, по поводу чего мама сердито фыркала. И соединялись они теперь, лишь ожидая меня на перроне под зонтом.

А Андрюша как-то очень быстро вырос, выучился в Ленинграде на нефтяника (на его выбор, несомненно, повлияло геологическое прошлое Дэма, которого он любил, осуждая меня за ветреность) и уехал на севера. И пока мы барахтались в политических бурях на юге, Дюша сколотил небольшой, но крепкий капиталец и затем перебрался в Питер с румянной, круглощечкой женой Ариной и тремя (!) круглощечками же детишками, ярко-голубые глаза которых весело выкатывались из-под округлых бровей. Помимо сверкающего авто и квартиры на Литейном, у Дюши также имелись блестящие лаковые башмаки. Иногда, под настроение, он их обувал и под старые записи наяривал дома чарльстоны и буги-вуги на специальном квадрате пластика, в прочее время хранившемся за шкафом в прихожей. А детишки радостно скакали вокруг.

Только в этом мы с ним оказались похожими. К моим романам, большинство из которых от него, как и от Глашки, я старалась скрыть, он относился критически. А когда узнал о Кирилле, добровольно взявшем на себя наше финансовое обеспечение (зарплаты в «ОВ» были скудными и без Рикиных взносов жизнь выглядела бы гораздо менее насыщенной), Дюшес, прихлебывая клюквенный морс, констатировал: «То есть ты теперь стала содержанкой». Подавив в себе желание немедленно запустить в него стакан с джин-тоником, я допила напиток, осторожно поставила сосуд на стол и только тогда ответила: «Если мужчина желает и способен облегчить жизнь любимой женщины, это можно только приветствовать. И в любом случае это лучше, чем пытаться жить за счет жены и сестры». Последнее относилось к брату Арины, бездельнику и альфонсу, чрезвычайно раздражавшему Андрея, и было сказано для того, чтобы отвлечь брата от неизбежного обсуждения следующего вопроса: «Но если ты любимая женщина Кирилла, почему он женат на другой?»

Дюша вовсе не был занудой. Он являл собой типичный образец приверженца консервативных ценностей в эпоху перемен, когда резко возрастает значимость традиций и хрестоматийных норм, в неустойчивую пору способных стать спасительной опорой – пусть и не для всех. «В наше сволочное время тем более важно самому не стать сволочью», – наставлял Дюша. Он исправно посещал Храм и следил за тем, чтобы его домочадцы не пропускали положенных церковных церемоний. И мне настойчиво рекомендовал окрестить наконец Глафиру, вызвавшись в крестные. В один из последних его приездов в Кишинев мы с Аглаей обе и покрестились в маленькой и уютной Свято-Георгиевской церкви, единственной, где еще продолжают службы на русском языке.

В эту церковь я пришла однажды днем, когда она была закрыта. Но за пустяковый денежный взнос служительница отперла двери и впустила меня в гулкий безлюдный зал. Переходя от иконы к иконе и зажигая поочередно свечи, я молила Бога не лишать дарованного мне (уж какое есть!) зрения и возможности созерцать и далее красоту сотворенного им мира.

Я просила об этом Господа, когда плыла в Болгарии по лунной «дорожке» в море и руки в черной воде казались залитыми нефтью, а Кирилл стоял на берегу, покрикивая, чтобы я не потеряла ориентир. И когда, подлетая с ним к Майорке, увидела на рыжей земле множество донкихотовских мельниц, для маскировки задействованных в ирригационной системе. И когда рассматривала первую снятую Сударушкиным с воздушного шара серию «Купола», где разнокалиберные церковные маковки нестройно-весело

тянулись ввысь, как на полотнах Лентулова. И когда папа, усевшись на ступеньках своего дома, восклицал, глядя на клубившиеся белым по синему облака: «Посмотри-ка, Милка, какое у нас небо красивое!» («Милкой» он меня называл крайне редко).

После того как папа умер, я вообще на небо долго не могла смотреть. Физически очень крепкий, он не сразу заметил недомогание. Заболел так же, как и Мошечка, и лечился почти столь же бестолково, однако, упорно заставляя себя подниматься после очередной операции. В самый последний месяц Дюша, перепоручив текущее управление фирмой партнеру, перебрался к отцу и обихаживал его лучше всякой медсестры. Мыл, переодевал, кормил и поил почти бессмысленными уже лекарствами. А тот крепился все и говорил, что когда выздоровеет, наконец доведет до ума собственную машину.

В последние годы папа зарабатывал ремонтом автомобилей. Но преуспел не слишком, поскольку мог отказаться, к примеру, от заказа Антохина с Пятой Заречной из-за того, что тот плохо обращался со своим отцом. Как все самодельные люди, он был максималистом. О том, что в послеблокадном Питере мой папа в составе подростковой банды промышлял воровством, я узнала, кажется, уже родив Глашку. В детстве папа был щуплым и ловким, и ему поручали забраться в форточку, чтобы изнутри открыть дверь пустующей квартиры. Свой срок он доматывал в Казахстане, где зону держали чеченцы. К тому времени, подросший и поднакачавший мускулатуру в самостоятельных занятиях боксом, отец объединился с такими же, как и он, крепкими молодыми парнями. В итоге «чечены» оставили их в покое, но нескольких товарищей они в баталиях потеряли – об этом папа вскользь упомянул, подвыпив после похорон лужского своего друга, здоровяка дяди Пети, который, по рассказам, мог руками «Волгу» приподнять за бампер.

И о блокаде папа никогда не вспоминал. Только раз привез нас с Дюшей на Васильевский остров и показал Ростральные колонны, по которым лазал в детстве. И еще сказал, что в их дворе-«колодце» до войны было очень много детей. Наверное, с сотню. А выжили только он да одна девочка. Прабабка Женя, аристократка, смахивавшая на звезду «немного кино», тогда работала санитаркой в госпитале. Там раненым офицерам полагался витаминный раствор. Посуду из-под раствора прабабушка потом ополаскивала кипятком и уносила «витаминизированный напиток» домой.

Когда папу освободили, Мошечка с огромным трудом и коварством, задействовав также водку, все же вынудила очередного мужа, симпатичного инженер-полковника Бембу, оставить большую питерскую квартиру и переехать в рубажную для бывших эзков Лугу. И Бемба, хотя и не испытывал, понятное дело, к Мошечкиному сыну нежных чувств, все же не препятствовал проживанию в доме его новообретенного семейства с вскоре народившейся мною.

Сообщив по телефону о папиной смерти, мама попросила не затягивать с приездом, так как в лужском морге нет холодильника и даже обложенное крапивой тело быстро начнет разлагаться. Я выехала в тот же день, прихватив несколько бутылок коньяка. И всю дорогу отбивалась от сменявших друг друга разномастных таможенников, претендовавших на «похоронные» бутылки. «А где телеграмма, подтверждающая, что вы едете хоронить родственника?» – допрашивали они. И я монотонно объясняла, что мне позвонили по телефону, а на оформление такой телеграммы потребовалось бы время, которого не было. И еще про морг без холодильника и крапиву. И грозила, что бутылки не отдам, а лучше вылью все, к чертям собачьим!

Лежавший в гробу с перевязанными для чего-то бинтиком руками, похудевший и состарившийся, папа очень походил на Мошечку. А стоявший у гроба Дюша вдруг неуловимо стал похож на отца. И мысль о том, что папа, который чрезвычайно обрадовался бы такому обстоятельству, никогда этого не увидит, не давала мне покоя весь день. Вечером, когда все уже разошлось и мы курили с Андреем на веранде, то есть я дымила, а он рядышком дышал дымом, Андрей уточнил: «Отец завещал все имущество маме. Ты не знаешь, почему они разошлись?»

– Да из-за тебя, – выдала я семейную тайну. И рассказала про Мошечкино неосмотрительное замечание, непохожего на свое семейство «совенка» и последующее появление такой же Глашки, реабилитировавшей маму с Дюшей, увы, слишком поздно... Андрей молча выслушал, перехватил у меня из рук дамскую сигаретку, докурил и с силой загасил «бычок» в старенькой пепельнице.

В следующий приезд мама встречала меня на лужском перроне под зонтиком уже одна.

– *Маш, нам давно пора выпить за родителей!* – вдруг спохватился Василий. И я вздрогнула: в подзорную трубу он что ли подглядывает за мной из-за океана?!

«Передавай приветы!», – добавил Василиса. И мне показалось, что он знает о смерти моего отца.

– *Ну а теперь, конечно, за здоровье! Кстати, как у тебя со зрением, все так же?*

И я озвучила привычную реплику, мол, лучше уже не станет, главное, чтобы не было хуже.

– Тогда за ваши и наши надежды! – незамедлительноотреагировал Васька. И я взялась за вторую бутылку.

Страусиное перо

Свободные отношения с Кириллом устраивали еще и потому, что я так и не определила для себя, а есть ли вообще у меня будущее? Это был период, когда я лихорадочно за все подряд хваталась, но вскоре забрасывала. Записалась наконец на курсы английского языка, но походила на занятия с полгода и бросила. Задумала было книжку написать, но, вымучив страницы две-три, решила, что не успею сочинить шедевр. По этой же причине отказалась и от идеи защитить диссертацию по конфликтологии, которой на миг загорелась. Задумала еще научиться танцевать, но порекомендованная знакомыми экс-балерина удивилась: «И в вашем возрасте вам нужны уроки танцев?!»

А теперь обо всем сожалею: и язык мне пригодился бы сегодня, и диссертация с книжкой не мешали бы, и танцы наверняка помогли бы поддержать форму. Что же до Кирилла, то наш роман явно подходил к концу, хотя он даже переселился к нам на какое-то время. И тогда я впервые поймала его на вранье: Рики убеждал, что только прибыл из аэропорта, но билеты, оставленные им на столе, свидетельствовали – в Кишинев он прилетел три дня назад. «И где же ты провел это время?», – наступала я с настойчивостью законной супруги. И он, наверное, тоже вспомнив о жене, воровато сунул билеты в карман брюк и сочинил на ходу какую-то успокоительную ерунду.

Да, похоже, мне не суждено было обрести покой с молдаванином на склоне лет, подобно старухе Изергиль! Что Кириллу, который даже в городской квартире выходил по утрам на балкон, оперев руки в бока и зорко оглядывая окрестности, как крестьянин свое хозяйство, должна составить пару иная женщина – не я, было ясно изначально. Я не могла, например, подпевать вслед за ним молдавские песни, как его тетки, и печь многослойные плацынды, так и таявшие всеми своими слоями в набитом рту, какими радовала его мать. По здешним меркам, кстати, я вполне прилично готовила. Но на юге республики, откуда прибыла Кириллова матушка, стряпухи демонстрировали наивысший пилотаж.

Вдобавок, несмотря на все свои попытки превратить меня в леди, Кирилл в конце концов констатировал, что я «непутевая».

– Ты непутевая! – выговаривал он. – Вчера вечером к тебе опять ломился твой пьяный друг Старик. К приличной женщине мужчина в таком виде не явился бы!

– Просто – друг Старик.

– Не понял?

– Он не «пьяный друг Старик», а просто «друг Старик», который, правда, иногда бывает нетрезв.

– Но я ни разу не видел его трезвым!

– Да вы с ним всего пару раз и встречались!

– А недавняя эта история, когда мне пришлось едва ли не силком вытаскивать тебя из номера латышского стрелка-профессора!..

(Профессор был выходцем из Литвы. Но давно преподавал в Голландии. Его интересовала информация о здешних нацменьшинствах и, в частности, о Гагаузии. Пригласил на обед в ресторан при гостинице. И когда привстал из-за столика мне навстречу, оказалось, что ростом он почти с Сударушкина. Я с энтузиазмом принялась излагать последние гагаузские события вперемешку с приднестровскими, однако, следя за тем, чтобы официант не унес мое блюдо не тронутым. Недавно, вот так же, встретившись за ужином с немецкими телевизионщиками и увлекшись рассказом, я в итоге обнаружила, что осталась голодной – официанты успели убрать все мои тарелки.

Покончив с местными перипетиями, не удержалась от факультативной проблематики.

– А как вы оцениваете нынешнюю ситуацию с положением нацменьшинств в прибалтийских государствах?

И в ответ на дипломатически расплывчатую его реплику наконец изложила все, что думала по этому поводу. На самом деле в советские времена мы восхищались Прибалтикой и ездили туда, как за границу, чтобы потом с восторгом рассказать друзьям, например, о таллинских пожилых дамах (язык не поворачивался назвать их «старушками»), которые по утрам в светлых платьях встречались в кафе, чтобы выпить кофе со сливками.

– Мы считали вас самыми продвинутыми! Но когда СССР рухнул и прибалты обрели свободу при поддержке, в том числе проживавших рядом русских, вы первым делом начали уничтожать недавних своих

союзников, зачислив их в разряд «имперских оккупантов», – частила я. – Вы оказались примитивными жлобами! И так разочаровали нас! Даже молдаване не дошли до введения статуса неграждан для жителей своей страны. Хотя, возможно, их заставили притормозить приднестровцы.

– Да, мы тоже думали, что мы особенные. А оказались обычными ворами, – неожиданно откликнулся собеседник, рассеянно разглядывавший парк за окном.

– Гениальная фраза! Можно я кому-нибудь ее перескажу?

– Не хотелось бы, чтобы вы восприняли мои слова излишне буквально, – спохватился профессор. И посмотрел на часы. – Извините. Мне скоро должны позвонить в номер. Быть может, мы поднимемся ко мне и продолжим беседу?

У него была хорошая интеллигентная улыбка. И он явно играл в теннис или во что-то еще – я не успела выяснить, как поддерживают форму голландские профессора. Первым в номере раздался звонок Кирилла.

– Немедленно спускайся в холл! Или я поднимусь за тобой, – произнес Кира ледяным тоном.

И точно устроил бы сцену.

Я глянула на профессора. Тот вежливо улыбнулся. «Мне очень жаль!», – пробормотала я.

Потом профессор перезвонил и спросил, все ли в порядке. И я ответила, что обошлось и меня не били ногами. «В каком смысле?», – не понял он. Пояснила, что в общем все нормально, хотя жаль, конечно, что нам не удалось еще пообщаться. И выразила благодарность за обед и интересную беседу, и за подаренную им замечательную фразу. «Надеюсь, вы не восприняли ее буквально», – вновь повторил профессор. И я пожалела даже, что ему уже нужно уезжать.

– Как ты меня нашел? – поинтересовалась потом у Кирилла.

– Аглая рассказала, что ты пошла обедать с каким-то залетным профессором. Его фамилию ты записала на листке у телефона. А людей с литовскими фамилиями, как понимаешь, в кишиневских гостиницах не много).

К моим недостаткам, помимо прочего, также следовало отнести неспособность внимать с восхищенным взором, когда Кирилл вдруг раздражался путаными политическими сентенциями.

«Ты, Рики, вроде неглупый мужик, но о политике, прости, рассуждаешь, как те тетки в тапках, которые сбивают гоголь-моголь на площади», – заметила я в сердцах однажды, когда мы вновь заспорили на какую-то общественно значимую тему, возвращаясь из Болгарии вместе со старшим Кирилловым компаньоном и его подружкой. И Кирилл, рассердившись, пригрозил, мол, если я не поддержу в своей газете рекомендованную им партию в начавшейся избирательной кампании, он окажет финансовую помощь ей, а не мне. А я ответила, разумеется, что и всегда-то старалась соблюсти нейтралитет и теперь тем более не собираюсь продвигать новую радикал-группировку, вновь грозящую взорвать несколько подуспокоившуюся ситуацию в республике.

Сменивший Кирилла за рулем, компаньон посмеивался над нашей пикировкой и, наверное, расслабился. Как вдруг из-за поворота выскочила огромная бело-сине-красная дальнобойная фура: она неслась прямо на нас, в лоб, и компаньон, представьте, бросил руль, а его подружка, до тех пор хохотавшая рядом со мной на заднем сиденье, истошно закричала. Но в самый последний момент сидевший рядом с водителем Кира успел перехватить и вывернуть руль. Наш старый «мерс» дернулся, отпрыгнул в сторону и замер на краю обрыва. Фура умчалась. И Кирилл тихонечко стал отруливать назад, от зеленевших внизу деревьев, в цветовую гамму которых вполне могло вписаться бутылочного окраса наше авто. И когда, доехав до первого поворота, мы смогли остановиться и выйти из машины, Рики, не глядя на побледневшего компаньона, завопил, что из-за моих политических бредней мы все едва не погибли! И я не сразу рискнула подойти и обнять его. И пока мы стояли, обнявшись, думала, что у нас у всех дети и нам никак нельзя было умирать.

(В какой-то момент, вновь осознав, что теряю почву под ногами и изрядно приуныв по этому поводу, я наконец решила прибегнуть к испытанному средству. А средство, вот оно, само двигалось мне навстречу по оживленно-летней Штефана чел Маре (летом на юге градус жизни всегда повышен), когда я вышагивала в цветастом платье на каблуках по размягченному асфальту с огромным пакетом винограда, купленным по дешевке перед закрытием рынка. Тут кто-то закричал и замахал мне рукой из проезжавшей навстречу машины. И я на всякий случай тоже помахала в ответ. И уже через несколько минут мы сидели в ближайшем ресторанчике с перехватившим меня Тарасом. Ну да, вроде бы мы были представлены друг другу на каком-то празднестве: я прибыла туда с Кириллом в черном платье, к вырезу которого прикрепила огрызок оставшегося от Мошечки страусино пера, и этот парень не сводил с него глаз.

– Вы любите виноград? – прозорливо уточнил он, устраивая на соседнем стуле мой пакет.

– О, да, обожаю! Когда в студенчестве нас посылали осенью на уборку урожая, я, наверное, поглощала виноград тоннами, прямо с куста, невымытым, а после обеда еще споласкивала под краном пару гроздей – на десерт.

Затем он сообщил, что через пару дней едет в Бухарест. А я добавила, мол, румынские крестьяне продают по дорогам очень вкусный виноград – такие килограммовые грозди с крупными продолговатыми ягодами. Но, заметив, что развесистого винограда излишне много уже в нашей беседе, перескочила на полюбившуюся также в Румынии чорбу де бурте, похлебку из желудков, которая, говорят, особенно хороша, если ты перебрал накануне.

Тарас улыбнулся, сдержанно сверкнув белыми зубами (и весь он был начищенный да наглаженный!). Заказал шампанское. И осведомился о том, как поживает Кирилл. Это был ключевой вопрос. Я поблагодарила, мол, спасибо, вроде бы Кириллов бизнес продвигается неплохо, но сейчас его нет в городе – очевидно, появится через неделю, хотя не наверняка. Мы чокнулись, и он, не опуская свой бокал, спросил: «Хотите, возьму вас в Бухарест? Поедете?»

Я хотела сразу сказать «да», чтобы не передумать. Но удержалась, выдав искомый ответ уже перед своим подъездом, к которому он доставил меня вместе с пакетом. Как оказалось, сам Тарас с Украины, но женился на венгерке и живет в Будапеште. А в Молдавию изредка наезжает по делам. Прекрасно – потом с глаз долой, из сердца вон! Глашки и Кирилла как раз дома не было, и по работе вполне возможно выкроить пару свободных дней в каникулярную летнюю пору.

Но перед самым моим отъездом вдруг объявился Кира – веселый, с цветами и огромным арбузом. И мне так захотелось остаться, что мои сожаления по поводу неожиданной командировки оказались вполне искренними. А когда села в Тарасов «фольксваген», совсем запаниковала – и что теперь буду делать с чужим, абсолютно, мужиком?

Чтобы избавиться от изводившего меня всю дорогу этого вопроса, оказавшись в номере, сразу отправилась в душ и легла в постель. Вот так, по-деловому и без комплексов! «Иди сюда, дорогой». Он посмотрел на меня с некоторым сомнением, однако подчинился. И когда встал потом с кровати, неловко нащупывая ногой шлепанец, и отошел к окну, кажется, у него задрожали губы.

Он так старался! Приготовил в дорогу бутерброды и фрукты, шампанское и даже кофе в термосе. И захватил с собой, помимо шлепанцев, парадный костюм, обеспокоившись, взяла ли и я вечернее платье. А я... Да что я? Конечно, все испортила! Ну разве можно так начинать романтический вечер – бросаюсь на кровать, как на амбразуру?!

Тем не менее Тарас держался. И когда я встала рядом с ним на каблучках перед зеркалом (мой спутник оказался ниже меня на полголовы), вдруг увидела, что он с восхищением смотрит на «то самое» черное платье с клочком страусиного пера, которое некогда, вероятно, и ввело его в заблуждение на мой счет. Все понятно, добропорядочному семьянину захотелось дополнить биографию флиртом с «роскошной женщиной». Ну, Мошечка, ну удружила!

В ресторане все было очень торжественно. Говядину «баден-баден» официант в белых перчатках подал в блестящей металлической посудине с куполообразной крышкой, открыв ее витиеватым жестом фокусника. А потом подошла с корзинкой цветочница, и мне купили, конечно, розу. А скрипачу заказали «Подмосковные вечера», и на соседней терраске, скрытой цветами, немедленно заплодировали – ну а как же здесь без нас, без русских?! И я с трудом удержала себя от порыва отправить невидимым соплеменникам бутылку вина. Да, все было на высшем уровне, и Тарас сиял.

– Слушай, а давай съездим на дискотеку! Мне очень ее рекомендовали.

Он заколебался. Вероятно, дискотечный пункт не вписывался в «роскошный» сценарий. Но если я роковая женщина, то мне в конце концов нельзя отказать!

И вскоре мы тряслись под разноцветными бликами в перекрестье лучей прожекторов. А затем «в притирку» танцевали медленный и я аккуратно развязывала галстук на его крепкой шее. И далее плясала, размахивая над головой трофейным аксессуаром так, что и прочие румынки тоже стали раздевать своих партнеров. Потом, правда, я кому-то из них наступила на ногу да перевернула стоявший неподалеку столик, и это обрадовало не всех. Во избежание скандала Тарас сразу сунул несколько купюр подбежавшему официанту, а я позвала танцевать одного из сгруппировавшихся у злополучного стола парней – того, что был в белой рубашке (единственной, еще различавшейся мною). Ориентируясь на фосфоресцировавшую в свете прожекторов рубашку и никого более не повредив, я исполнили с новым партнером танец дружбы между народами. Когда наконец мы выкатились и с дискотеки, Тарас был

вполне счастлив. И в постель нырнул с samozабвением мальчишки, который вырос на реке и впервые увидел море.

Утром он спросил: «Но что ты делаешь, оказавшись ночью в незнакомом месте одна?» «Ага, сообщила, что поднимать за мной опрокинутые столики не всегда приятно!», – отметила я про себя. А вслух рассказала историю о том, как попала с одним приятелем в гости к другому приятелю, из бывших ухажеров, и они заскандалили, и когда я выскочила из дома в темный двор, то сразу налетела на какую-то тумбу (это был вход в бомбоубежище). Проковыляла назад в подъезд, поднялась на лифте до нужного этажа и повернула к бельесушке, на которой мы недавно курили. Тут на площадку выскочил хозяин, прокричав моему спутнику, что я как слепая курица ничего не вижу в темноте. Они протопали вниз. А я подложила под себя на перевернутый ящик потрепанный замшевый портфельчик, прислонилась к шершавой стене и задремала.

– И что было потом?

– Когда совсем рассвело – хорошо, что дело было летом – я сразу пошла на работу. И сварила себе кофе. Сначала позвонил, помолчав в трубку, один, а потом и второй – поинтересовался, нормально ли я добралась домой.

Перед Новым годом Тарас надиктовал на автоответчик поздравление на венгерском языке.

– Кто это тебя поздравляет? – бдительно спросил Рики.

– Наверное, из венгерского посольства. Очевидно, еще не забыли, как я сшибла с ног их посла.

Я не могла перезвонить Тарасу, так как потеряла будапештский его номер телефона. Да и что бы я могла ему сказать – на венгерском?)

– Куда ты смотришь?! Говорят, Кирилла видели в казино с какой-то «барби», – выговаривала мне, сама похожая на куклу, большеглазая фигурно вырезанная, подружка Рикиного компаньона Аурика. И похвастала, что на днях купила себе на деньги приятеля квартиру на Рышкановке.

– И как тебе это удается? – искренне восхищалась я. – Мне Кирилл, конечно, тоже денежку подбирает, но на большие покупки этого не хватает.

– А он мне и не дает. Я все сама беру у жизни.

– Как это?

– Элементарно, Милица. Вот сегодня мы почему в ресторане оказались? Правильно, отмечаем успешно завершённую сделку. И если я этой ночью позаимствую у милого из той пачки, что топорщится сейчас в кармане его брюк несколько зелененьких бумажек, он и не заметит. Мы женщины, как существа слабые, должны позаботиться о себе, если представителям сильного пола это не приходит в голову.

– Нет, для меня подобный вариант исключен!

– Глупости! Перехватит его потом молодая да ранняя, и будешь локти кусать, жалея об упущенных возможностях. В конце концов вы столько с ним встречаетесь, а ты останешься ни с чем? Все решено, этой ночью мы обе займемся делом! За удачу! – взмахнула бокалом Аурика.

Из ресторана мы отправились в стриптиз-бар. Здесь, пройдя сеанс подзарядки у металлического шеста, стриптизерши затем разбредались по полутемному зальчику с посетителями. Одна из них угнездилась на коленях у туго накачанного парня с золотой перевязью на шее, и его спутница со скучной улыбкой наблюдала, как тот залатывал купюрами кружевные стриптизершины трусики.

– Мне это не нравится! – громко сказала я. – Здесь полно одиноких мужчин! И если она полезет к тебе на колени, я сама положу деньги в ее трусики. И пошевелю там пальцами – вот так.

– И, конечно, выйдет скандал! – мрачно ответил Кира. – Давай обойдемся без фокусов! И не будем никому портить настроения!

В тот вечер Кирилл был особенно хорош: с блестящими веселыми глазами (они казались черными из-за отливавших синевой белков), загорелый и крепкий, в свободной светлой сорочке, скрывавшей уже наметившееся «автомобильное» брюшко. Из нагрудного карманчика его рубашки я выудила банкноту и зажала в руке в ожидании гостя. Кира напрягся. Но стриптизерша, миновав наш столик, присела за соседний.

– Какая муха тебя укусила? – удивилась Аурика, когда мы вышли с ней в туалет.

– Отчего-то не захотелось, дура-дурой, ожидать, пока по моему кавалеру поелозит полуголая девица!

– И напрасно! Ну посидел бы он немного гоголем – меж двух дам. И на ночь, точно, не стал бы дежки пересчитывать!..

Ночью, выждав пока Кирилл заснет, я вышла тихонько в столовую. где он оставил одежду и дипломат. Нас было двое: одна наблюдала, а вторая включила свет. Нашупала карман брюк, там и в самом

деле топорщилась перехваченная розовой резинкой пачка банкнот. Постояла над ней. Подошла к холодильнику и налила оставшееся с вечера шампанское. Выпила. Напиток показался излишне приторным. Налила и выпила еще. Убрала пустую бутылку за шкафчик. Аккуратно повесила брюки на стул и вернулась в комнату. Нырнула под одеяло. И Рики привычно обнял меня, подтянув к подмышке. «Я так и знала! Тоже мне – чистюля!», – усмехнулась та, первая.

Кажется, это была последняя успешная сделка. А затем Кириллов бизнес полетел под откос. Решив кардинально исправить ситуацию, он условился поставить московским «афганцам» состав с вином. Деньги одолжил под большие проценты. В том числе у моей приятельницы Ренаты, которой не хватало сколько-то тысяч на покупку квартиры. Но то ли «афганцы» кинули, то ли кто-то еще, а в итоге Рики остался без вина и денег, и с повисшим на нем огромным долгом. Кредиторы оказались людьми серьезными: Кирилла «поставили на счетчик» и он исчез. Объяснив, что я намеренно втянула ее в эту кошмарную историю, похоже, готова была наслать на меня бандитов и Рената. Но мы, две идиотки, даже не удосужились, как далее выяснилось, оформить нормальную расписку!

Пару раз потом какие-то типы звонили, передавали от Киры приветы, и я вежливо напоминала им о невыплаченном Ренате долге. Более новостей не последовало. А для нас с Глашкой настало трудное время. Помню, прежде я жаловалась соседке, что покупаю самое необходимое, а деньги уходят мгновенно. Теперь же вновь пришлось убедиться, что набор насущного может быть куда более скромным.

Стала подрабатывать также на местную газету и условилась было строчить еще в одну. Но потом оказалась. В отличие, скажем, от физического труда, который возможно заставить себя исполнять, даже будучи вконец усталой, через «не могу», работа умственная требует ясной и свежей головы. И потому следовало грамотно рассчитывать предельную нагрузку – это, если, конечно, не халтурить. Но халтурить я себе не позволяла: занижая планку, ты рискуешь быстро растерять годами нарабатывавшийся профессиональный уровень.

Болгарский сундучок

В середине сентября, осознав, что совсем перегрузила организм, заложила у знакомой в ломбарде подаренные Кириллом серьги с кольцом и укатила последним тур-автобусом в Болгарию. Мне посоветовали остановиться в тихом Обзоре в частном отельчике «Студень кладенец» («Холодный колодец»). Память на лица и наименования (но не на цифры и факты) у меня и в самом деле плохая, а эти два названия помню до сих пор, потому что водители автобуса забыли о моей просьбе разбудить меня и высадить в Обзоре, куда мы прибывали ранним утром, и я проснулась лишь перед конечным пунктом маршрута.

Впрочем, и в Несебре, оставив на время сумку у продавца мороженого, без особых проблем нашла жилье в частном секторе. Денег было впритык. И я постановила, что буду вести здоровый образ жизни, побольше плавать и гулять по берегу, позволяя себе в день не больше одной кружки пива и почитывая по вечерам захваченные для мозговой разгрузки детективы.

Мои благие намерения пошли прахом в первый же день. Вдоль побережья всюду тархтели «водные мотоциклы». Плавать в море, беспрестанно оглядываясь, опасаясь, что на тебя налетит какой-нибудь мото-обормот, не хотелось. Свободное пространство нашлось за пределами пляжей. Миновав одну небольшую компанию и не дойдя до другой, более многочисленной и шумной, я расстелила на песке синее полотенце.

– Работаем? – громко спросила присевшая рядом на песок толстуха из первой компании.

– Отдыхаем, – лениво отозвалась я, приподняв с лица накиннутую косынку.

– Так ты не проститутка? А почему тогда одна лежишь, рядом с нудистами?

– А где тут нудисты-то? – я внимательнее оглядела соседей. И точно, купальными костюмами их гардероб отягощен не был, а ограничивался кепками на голове да шлепанцами на ногах – ну не смешно ли?!

Краснобокую толстуху звали Зиной. Она жила в Мурманске и работала на железной дороге, а на болгарское побережье попала по профсоюзной путевке с группой своих коллег. Предупредила, что после купания петербургский стоматолог Шурик выставляет компании пиво с цацей. «Цаца», я знала, это жареная килька, наваленная щедрой горой на блюдо, но какое отношение я имела к Шурику? «Так это ж он меня и послал – с нами здесь еще трое ребят тусовались, но они вчера уехали. И Шурик предложил, мол, давай позовем новенькую, чтобы скучно не было. Ты как? Перебирайся к нам поближе!»

Последнее было на руку, так как можно было безбоязненно оставить вещи и уплыть в море. «Мы думали, ты уже не вернешься!», – засмеялся Шурик, когда, так и не доплыв до видневшихся вдали рыбацких лодок, я упала рядом на песок.

Затем мы пили пиво, и «цацу» действительно навалили горой. Дело происходило до вступления Болгарии в Евросоюз – сюда пока не нужно было оформлять визы и болгары еще не экономили на порциях. Позднее к нам присоединился местный Шуриков знакомый Волен, невысокий крепыш с грудной клеткой – шириной в рост. Зина сразу заподозрила неладное. «Мила просто выглядит молодо! Хотя у нее дочка почти взрослая уже!», – предупредила она Волена. Если б не это, я, может быть, и не повелась бы. Глупо, конечно!

Потом мы с Воленом поехали на «джипе» в новый ресторан его друга попробовать какую-то похлебку. Я уже не удивлялась этой привычке здешних мужчин, способных отправиться в отдаленный ресторанчик, чтобы заказать некую особенную колбасу, которую изготовили из особого мяса и высушили на какой-то особенной горе: в ожидании заказа они почти не разговаривали друг с другом, рассеянно поглядывая вокруг. Я рассказала об этом Волену. И он предложил выпить белое вино, которое делают из винограда, растущего у границы с Грецией. Кажется, «Керацуда». Первая бутылка с яркой желто-голубой этикеткой ушла на удивление быстро. Прихватив вторую, мы завернули на берег.

Я сидела у него между ногами, прижавшись спиной к его груди, в которой гулко бухало сердце. И мы поочередно отхлебывали вино, не поворачиваясь, передавая бутылку друг другу. «Мы знакомы всего несколько часов, а как будто знаем друг друга вечность!», – выдохнул в мой затылок Волен.

Когда-то он учился на инженера, но выяснилось, что инженеры теперь не нужны, и Волен пошел в официанты. Скопив деньги, открыл небольшой бизнес – магазинчик да киоск с напитками возле гостиницы, то-се. Недавно женился.

– Жена красивая? – поинтересовалась я.

– Красивая, но строгая.

– И почему же ты от красивой да строгой супруги все налево бегаешь? Нуждаешься в дополнительном подтверждении своих мужских достоинств?

Не ответив, он вернул мне бутылку.

– Сюда из многих стран сейчас туристы приезжают. Ты дам какой национальности предпочитаешь? – продолжила я беседу, реализовав свое право на очередной глоток. – Неужели русских?

И Волен замотал головой. Однажды, когда Кирилл вел переговоры с болгарскими партнерами, они вот так же все время качали головами, и от этого бесконечного единодушного отрицания, по-болгарски означавшего согласие, наверное, можно было чокнуться.

– Ну а немки, англичанки? Их здесь тоже теперь немало. Как они тебе?

И так как он не хотел удовлетворить мою любознательность, пригрозила, что укушу его за коленку. Колено выглядело таким гладким и крепким, что угроза представлялась абсолютно зряшной.

– Они очень развратные, – нехотя ответил Волен и в отместку слегка сжал меня ногами. Зажал слегка, а показалось, что очутилась в тисках. И тут зазвонил мобильный. «Красивая и строгая» настаивала на немедленном возвращении супруга домой.

– Ладно, – поцеловал он меня сзади в шею, – потом договорим!

Возвращаясь, мы встретили Зину, громко проклинавшую «этот чертов город, по улицам которого наткано столько столбов, что честному рабочему человеку и не пройти!» Пришлось подбросить до гостиницы беспокойную железнодорожницу.

На следующее утро Шурик уже уехал, а Зинино тело маялось на песке рядом, тогда как душа ее, обескураженная вчерашними, непосильными, как выяснилось, возлияниями, пока держалась на безопасном расстоянии. Так и повелось. Днем я с Зиной загорала и плавала, а по вечерам договаривала разговоры с Воленом. В последний перед отъездом в Мурманск день Зинуля вдруг закрутила с обихаживавшим нудистов массажистом, который давно лепился к ней как изюм к булке. «Он мне до лампочки, конечно! Но надо же что-то на память сотворить!» – не без укоризны глянула она на меня большими коровьими глазами.

Потом и Волен отбыл по делам в Софию. И мы остались с нудистами одни. Они выглядели безобидными и в большинстве своем какими-то кургузенькими. Было не совсем понятно даже, отчего вдруг им вздумалось оголять то, что разумнее, казалось бы, было прикрыть? Люди там подобрались разные: от пожилого итальянского профессора до местного бездельника, зачем-то из жгучего брюнета перекрасившегося в блондина. Именно ему и поручили затем переговоры со мной.

– Послушай, вот ты несколько дней возле нас загораешь и все в купальнике, когда мы раздеты. Разве это правильно? – подступил он ко мне, и я целомудренно отвела взгляд на море.

– У нас демократия теперь, ты разве забыл? И каждый делает то, что считает целесообразным. И если

я от вас не требую одеться, то и вы не должны приставать ко мне с просьбами что-либо снять. Понял?

Он кивнул своей перекрашенной башкой, а я, во избежание дальнейшей дискуссии, побежала к морю. Впрочем, я знала, они не будут более мне докучать. Собственно в Болгарию потому и поехала: здешние улицы по вечерам не такие темные, как, скажем, в Сочи, и, в общем, я могла здесь чувствовать себя в безопасности и на суше, и в море.

А в Сочи, помнится, я как-то плыла безмятежно в бирюзовую даль, пока меня не окликнули со спасательного катера. Два спасателя потребовали подняться на борт, нарочно мотая свой катер у меня перед носом. И когда я поднялась, тот, что подал руку, поганенько эдак улыбнулся. Если ты не пьян, то можешь трезво оценить свои шансы: один из них был занят управлением, а со вторым я была в состоянии справиться. Подобрала брошенный под скамьей жестяной черпак. «Послушай, дитя гор. Мой папа говорил, что мужиков, если они без повода пристают, нужно бить по яйцам. Но проще обойтись без членовредительства. Я журналист и могу устроить на берегу грандиозный скандал. И если вам не нужны неприятности, разумнее всего спокойненько доставить меня на берег», – заключила я, перехватив удобнее черпак. И спасатели тоже трезво оценили свои возможности.

Когда катер приблизился к пирсу и мотор заглох, я, оттолкнувшись посильнее, сиганула с бортика в сияющую бирюзу. И, вынырнув уже далеко от закачавшегося катера, не стала вслушиваться в то, что кричали мне вслед спасатели, от всей души, вероятно, желавшие мне счастливого пути.

Утром после очередного, смутного какого-то, разговора с Глашкой я решила уехать не во вторник, как предполагала прежде, а на завтра – в субботу (поезд из Варны в Кишинев шел только в эти дни). И из моря почти не вылезала, даже отдыхала, сидя на ракушечной крошке в путавшихся волнах. Здесь меня и окликнул Ганс. Или Генрих? У него было типичное немецкое имя, выгоревшая на солнце грива льва и рюкзачок за спиной, с которым он притопал с Солнечного берега. Ганс немного говорил по-русски. Да, изумительное море и хорошо бы искупаться! Он отнес рюкзачок к моему выцветшему полотенцу и поплыл, красиво держа над водой львиную голову. И едва я обогнала его, замахал руками, требуя вернуться. Я все же проплыла еще немного вперед и погребла обратно. Он предложил поужинать вечером вместе.

Пару раз и я не избежала истерии синдрома «последнего отпускного дня» и наутро неизменно сожалела об этом. Но тут, прислушавшись к себе, успокоилась – нервических настроений не наблюдалось. И почему бы действительно что-то еще не сотворить на память?

За ужином Ганс рассказал, что занимается антиквариатом и живет в Мюнхене. И если я буду хорошей девочкой, он пригласит меня в гости. Прошлой зимой, например, у него побывала уже Таня из Белоруссии. Она была хорошей девочкой.

– Очень хорошей? – рассмеялась я.

– Да, – серьезно ответил он и, быстро доев свою отбивную, посмотрел на мою.

– Можешь взять, я больше не хочу.

В миг не стало и моей отбивной. Потом Генрих поймал такси, и мы поехали в его отель на Солнечном берегу. Он спешил проверить, достаточно ли я хорошая девочка.

В номере Ганс деловито достал из шкафчика пачку презервативов.

– Это правильно, – одобрила я. – Но сейчас не нужно.

Взяв его руки в свои, стала поглаживать ими у него в паху. Со стороны это могло напоминать операцию, выполняемую хирургом посредством специальных манипуляторов. Далее направила «манипуляторы» на набухший пенис. А когда Генрих попробовал все же переключиться на меня, сердито замотала головой – «Нет, сейчас нельзя!» – и указала «манипуляторам» на новый предмет забот. Чтобы удобнее было засунуть палец в задний проход, Ганс задрал ноги. Пятки у него были гладкие, и ногти аккуратно обработаны.

Этот полпред цивилизованного мира, вероятно, рассчитывал, что дикая русская азиатка сейчас научит его новомодной «фишке». Я была в белом лифчике и плавках, и от загара мои глаза казались еще более узкими. Когда Генрих кончил, усердно поработав над собой, я подняла с пола брошенную майку и вытерла его вспотевший лоб.

– Хотелось бы нормального секса, – виновато пробормотал Ганс.

– Когда-нибудь, – я натянула платье.

Он тоже оделся. Проворно растасовал на несколько кучек левы и рассовал их по разным карманам. Посадил в такси, заплатил водителю и протянул мне в окошко деньги. Тут я даже ощутила некоторое расположение к нему. Отклонив руку с купюрами, потрепала слегка его гриву. Автомобиль тронулся, и я

пожалела, что никогда не узнаю, сколько же Генрих собирался заплатить мне за это безобразия?

– Василиса, а ты о Чудном слышал что-нибудь?

– Мы даже виделись с ним года полтора назад. В Италии. Поначалу, правда, из Союза Серега в Голландию попал. Но, как объяснял, среди тамошних женщин не нашлось родственной души. И при этом не хватало солнца. Похоже, совсем хреново было! Он, кстати, тогда свои барабаны забросил и попытался новую, ритмическую, прозу сочинять.

– Хотя бы со знаками препинания?

– Что? Да, со знаками. Наверное. Но как ты понимаешь, тексты на русском языке, пусть даже и ритмические, оказались не слишком востребованы голландской публикой. И когда он перебрался в Италию, то сначала устроился музыкантом в кабаке. Но хозяин ресторанчика неожиданно умер, и Серега не смог отказать в утешении скорбящей вдове. Так они и сошлись.

– И он доволен?

– Вроде, да. Утверждал, что для нынешнего его итальянского периода жизни водка не подходит, а только вино. «Поживешь здесь немного, осмотришься, и сам все поймешь», – говорил. И о прошлом вспоминал без надрыва. Да, помимо прочего, упомянул, что звал тебя приехать в Калининград, когда вы с Павловым разбежались. Но ты так и не собралась.

(Недавно, забрав у Глашки вконец потрепанный том Хемингуэя, обнаружила заменявший закладку исписанный крупными буквами листок. И таким жаром вдруг полыхнули выведенные, печатными почти, буквами, оголенно страстные слова, что я даже покраснела. Всполошившись – кто ж подобное Глафире сочиняет – промчалась галопом по строчкам до финальной подписи: «Твой, по-прежнему одинокий, беспарный и беспартийный, Серьга!» «Это же давнишнее Сереечкино письмо!», – облегченно вздохнула я. И опять взволновалась, представив его в руках у дочери.

Впрочем, когда Чудный вновь объявился после моего развода с Павловым, настойчиво зазывая в Калининград, меня не покидало ощущение, что обжигающие его послания адресованы какой-то другой, более взрослой женщине, с которой у Сергея сложились весьма непростые, мучительные даже, отношения. И я здесь была ни при чем.

А теперь листок жег мне пальцы).

– Ну что, Манон, за любовь! – устало как-то провозгласил Василий. И я кивнула, словно он и впрямь мог увидеть меня в сверхмощную подзорную трубу.

Зомби с гармошкой

В Кишинев мне и в самом деле следовало поспешить. Когда я, по приезде, позвонила Глашкиной классной руководительнице, дабы узнать, сколь успешно дочь продвинулась в учебе за мое отсутствие, та сообщила, что Аглаю исключили из школы.

– Как исключили? – растерялась я.

– Да, они с папой как раз пошли к директору школы. Попробуют ее уговорить отменить приказ об исключении.

– С каким папой? – опять переспросила я.

– Со своим, – удивленно ответила учительница. Как она пояснила, в действительности Глашка не очень и виновата. Просто когда весь класс прогулял урок и директор потом устроила разнос, Глафира зачем-то вылезла с нравоучительными сентенциями о том, что нужно быть человеколюбивыми и более внимательными к ближним и для начала необходимо постараться выяснить, что тревожит этих самых ближних, вместо того чтобы сразу на них орать. Директор решила, что Аглая над ней издевается и с ходу исключила – в назидание прочим старшекласникам.

Я быстро приняла душ, надела недавно сшитый костюмчик в элегантную клетку «пепита», вскочила на каблучки и, захватив презентованную мне директором несобрского музейного комплекса подарочную бутылку раки, помчалась в школу. Павлов с Глашкой уже маялись у входа. По крайней мере, хоть стало ясно, о каком отце шла речь. До этого Пашки не было видно и слышно года три. Выглядел он подуставшим и несколько потускневшим, и былой парашют волочился за ним по земле, как некогда флаг, из-за которого его исключили из комсомола. Споткнувшись с разбегу о выброшенное знамя, я еще более распалилась и влетела в кабинет директора школы в подходящей боевой форме.

Чтобы не растерять запал, сразу выставила на стол бутылку и завела: «Это ракия! Попробуйте обязательно! Представляю, как вам достается! Сегодня так сложно руководить школами! Министр образования

недавно рассказывал мне о накопившихся проблемах (это, кстати, было правдой). А тут еще школьники не всегда понимают, что творят! Мы с вами тоже когда-то были детьми, но разве в те времена что-либо подобное допускалось?! А сейчас столько соблазнов и почти не существует нравственных ограничений! И я полностью согласна с вами, это ужасно!»

Тут, переведя дух, заглянула директорисе в глаза. Знакомый менеджер как-то рассказывал, что, убеждая клиента, надо смотреть ему прямо в лицо честным и ясным взором, а улыбаясь, на мгновение быстро прикрывать веки – так улыбка выходит достовернее. Я пару раз попробовала, но получалось плохо. И сейчас просто растянула губы пошире.

– Представляете, уехала на недельку в Болгарию, надо же отдохнуть – все лето проработала. И вот такая неприятность! Чем я могу помочь вам и школе? Обычно, я знаю, осенью нужна краска для ремонта. Сколько ее следует купить? – И опять заглянула в глаза, обладательница которых уже была занята подсчетом необходимого количества банок.

Спасибо, затребовала посильный взнос. И я заверила, что все доставлю к завтрашнему утру. «Надеюсь, вопрос с отменой приказа не займет много времени?», – уточнила напоследок. И собеседница не стала меня огорчать, за что я тут же выразила ей, нет, не просто благодарность, а чрезвычайную благодарность, какую только и может высказать мать человеку, спасшему ее ребенка. И на этом выкатилась, дабы не переборщить.

После того как мы купили краску, я спросила у Аглаи, зачем собственно ей понадобилось вылезать с этой ерундой про человеколюбивое отношение к ближнему?

– Это не ерунда! Такова была тема последней проповеди, – разъяснила дочь.

– Какой еще проповеди? – подскочила я.

Минувшей весной в ее школе развесили объявления, в которых предлагалось провести летние каникулы в христианском лагере, расположенном в живописнейшем местечке Иванча, под Оргеевом. Глашкины одноклассницы засобирались, и я тоже выдала на путевку деньги из полученного как раз гонорара. Потом уже выяснилось, что под христианским лагерем подразумевался баптистский. Но Глашуля с подружками очень хотели поехать. Им обещали также общение со сверстниками из Англии, подготовку совместных концертов, игры в волейбол и еще, кажется, в бейсбол. В то время с летним детским отдыхом было весьма проблематично, и я решила-таки Глафиру отпустить. взяв обещание, что в молитвах и прочих подобных мероприятиях она участвовать не будет. Увы, я недооценила опасность.

Оказывается, Аглае не только понравилось слушать проповеди, но и выступать в сопутствующих дискуссиях – о добре и зле, например, взаимоотношениях между родителями и детьми или между двумя любящими сердцами... Она так и сказала: «между двумя любящими сердцами». И я поняла – дело плохо. В нашей семье обычно старались избегать пафосных изречений, гася их, при случае, иронией. Но тут ироническим подтекстом не пахло.

Сын друзей моих родителей вот так же подсел на разговоры о добре, и вскоре руководители баптистской общины контролировали каждый его шаг. В частности, заставили парня отказаться от предложенного на работе повышения и сами подобрали подходящую жену – угрюмую некрасивую бабу. А в выходные отправляли его по больничным палатам с гармошкой – для облегчения участи страждущих. Как объясняла матушка, в отличие от тех, кто вырос в баптистской вере, у новообращенных часто «едет психика», чем их наставники и пользуются.

Осознав, что одних банок с краской тут будет недостаточно, я для начала отправилась вместе с дочкой в баптистскую церковь. Там тихонько посидела в сторонке, наблюдая, как прихожанки, елеяно сложив губы «скобочкой» и опустив очи долу, прилежно зачитывали библейские цитаты, разбирая, а следует ли, скажем, реагировать на происки соседки, позавидовавшей вашим обновкам? Затем подошла к священнику, осанистому дядьке с шустрыми глазами, и так же, сложив губы «скобочкой», зачистила о том, что воспитываю дочь одна, в неустанных трудах и заботах, и что возникший у нее интерес к баптистской вере противоречит традиционному укладу православной русской нашей семьи и вносит в нее раздор. А потому я, как христианка христианина, прошу его ситуацию не усугублять и оставить мое чадо в покое. И очень на это надеюсь и уповаю, ведь у него тоже есть дети и он должен понимать...

Но дома Глашка вдруг разошлась.

– Я сама буду решать, чьи проповеди слушать! И мне нравится ходить в баптистскую церковь! Пусть тамошние прихожане говорят наивно, но зато искренне! Не то что эти бывшие комуняки, которые прежде храмы рушили, а теперь выстаивают в них часами со свечками наперевес, замаливая грехи! Да и для тебя ведь церковь тоже вроде дома быта. Только когда случится что-то, бежишь туда за подмогой! – вы-

крикивала Аглая. – Ты вообще в подобных вещах ничего не понимаешь! И не смей мной командовать!

Я схватила ее за плечи и затрясла.

– Я твоя мать, и я за тебя отвечаю! И знаю, что тебе не следует ходить в эту чуждую для нас, людей православных, церковь! И нечего делать среди ограниченных баптистских теток! Я запрещаю тебе общаться с ними! И чтобы недоделанные эти братья и сестры не смели появляться в нашем доме! Поняла? Я спрашиваю – поняла?

– А то что? Прибьешь меня? Вон, глаза стали как щелочки! Наверное, успела уже где-то выпить! Ударить меня хочешь? Давай! – наседала Глафира.

И я в самом деле едва сдерживалась, чтобы не залепить затрещину своей дочке, в детсадовском возрасте умиллившую вопросом: «Мама, тебе не будет больно, если я наступлю на твою тень?»

Настырные «братья и сестры» продолжали названивать и захаживать. Я их отчитывала и вешала трубку, и захлопывала перед ними дверь. Но дело еще осложнялось тем, что Аглая влюбилась в одного из прихожан – Корнелия. И я была уверена – этот смазливый юнец объявился возле нее не случайно. Водила Глашку к настоятелю Свято-Георгиевской церкви, приезжала с контрольными проверками на службу в баптистский молельный дом и, отказавшись от бессмысленных благолепных разговоров, грозила тамошнему священнику, что подам на него в суд и подниму скандал в местной прессе.

По ночам мне снилось, как Глашка ходит по больницам с гармошкой, а я в это время у ворот баптистской церкви скандирую в рупор: «Не верьте тем, кто проповедует здесь! Они твердят о добре, но сами творят зло, лишая опоры неокрепшие души и ссоря детей с родителями!» «Да, несут горе нам и нашим детям!» – погромче прокричала я перед тем, как проснуться.

Разумеется, я и сама была виновата. Переживая бесконечные катаклизмы и напасти, стремясь профессионально состояться и удержать семью на плаву, я и в отношении дочки нередко ограничивалась деловой стороной вопроса, заботясь, в первую очередь, о том, чтобы накормить-одеть-выучить. А что происходило в ее душе и чем она была заинтересована-озабочена в данный конкретный момент, знала не всегда. Хотя, с другой стороны, полагала, что занятым людям, дабы понимать друг друга, не обязательно нужны длинные речи – порой достаточно точной реплики.

Но здесь, наверное, я со своей репликой запоздала.

Глашка продолжала тайком бегать к баптистам. Я нашла адвоката и со знакомым замредактора договорилась о статье в городской газете. И когда с диктофоном пришла брать интервью по вопросу о правомерности домогательств представителей одной церкви в отношении прихожан другой, баптистский настоятель, похоже, дрогнул и подумал, а не разумнее ли все же будет оставить нас в покое?

Рассказываю я быстро, но длилась эта история долго и мучительно. И когда мы с матушкой по телефону обсуждали стратегию и тактику дальнейшей борьбы за Глафиру, каждая холодела у своей трубки.

И однажды, когда в нашу дверь позвонили очередные посланцы – не баптисты даже, а свидетели Иеговы (в ту смутную пору они тоже зашастали по домам) – я сорвалась. Выскочила на площадку и закричала, наступая на молоденьких юношу с девушкой: «Почему я не прихожу к вам и не вмешиваюсь в вашу жизнь, а вы без спроса вторгаетесь в мою?! Ну что вы можете рассказать такого, чего я еще не испытала?! Ведомо ли вам, например, где черпать силы, когда лишаешься здоровья? И приходилось ли, в буквальном смысле на войне, завоевывать право на работу? И знаете ли вы, как пережить предательство любимого мужчины?» И напоследок, подступив вплотную грудью: «Да и способны ли хотя бы научить, как остаться желанной в постели?»...

Я теснила их с площадки, и они пятались. И так, спиной, спустились по оставшимся ступенькам до входной двери, где наконец развернулись и, толкаясь, выскочили на улицу. Потом я долго курила на балконе.

Глашка тихонько подошла и осторожно тронула сзади за плечо: «Да ладно, не переживай ты так! Все будет хорошо!» Но с Корнелием продолжала встречаться. И я знала, пока это происходит, угроза превращения дочки в зомби с гармошкой сохраняется.

Жирафы в Антверпене

– Здравствуй, моя хорошая! – вдруг объявился Сударушкин. В последнее время он с головой ушел в мега-проекты, фиксируя картины мира с высоты воздушного шара, а иногда и с вертолета. И я, конечно, просила его быть поосторожнее на летательных этих аппаратах и не высовываться в вышине, во всю свою неодноавршинную величину, ловя удачный кадр. «Что ты, я не экстремал вовсе!», – успокаивал Сударушкин.

Его огромная выставка «НАШ МИР НАШ» с успехом уже прошла по многим странам. Снимки и в самом деле были замечательные. Вот караван верблюдов тянет за собой по пустыне цепочку навьюченных теней. А вот ледяная глыбина в финале предзакатного шоу вдруг выплывает застенчиво на подиум – в свадебно-белом, в окружении фрачных пингвинов... «Я поднялся над землей и увидел, какая она еще красивая. И мне стало ее жаль», – говорилось во вступительном слове автора. Мне, правда, в подобных проектах не хватало именно слов и людей. Сударушкин же, как известно, обладал даром находить героев, украшающих мир своим присутствием, рассказы о которых у него получались одновременно умными и добрыми, грустными и смешными – так что сначала хотелось заплакать, а потом рассмеяться. Или наоборот?

Свою новую студию он оборудовал в бельгийском Антверпене, в приобретенном по случаю доме – в паре кварталов от центральной улицы Мейер. В нем, как и в большинстве зданий в старой части города, теснящихся друг за дружкой, как первоклашки в школьном хоре, на этаж приходилось по одному помещению. Студия была на втором, а с третьего, из спальни, можно было выйти на ее крышу, чтобы, к примеру, почитать в складном кресле и подумать о чем-нибудь (о ком-нибудь?) высоком.

– Здесь очень хвалят одного молодого профессора-офтальмолога: он специализируется на редких патологиях. Я уже договорился с ним. Срочно бери билеты и прилетай. Расходы оплачу, – сообщил Сударушкин.

– А виза? Сейчас очень трудно получить визу в страны Евросоюза, – напомнила я «гражданину мира», ради свободы перемещения запасшемуся еще каким-то, вроде бы израильским, гражданством.

– Визу проще всего оформить через турагентство. Купи какой-нибудь тур в Бельгию или, например, в Голландию, Францию, – посоветовал он.

Однако в агентстве мне рассказали, что сегодня оформить визу для одинокой молодой дамы («Но я просто молодо выгляжу – у меня уже взрослая дочь!» – запротестовала я) в страны ЕС почти невозможно. «Местные женщины выезжают в европейские государства и всеми правдами-неправдами стремятся там остаться. Многих потом ловят на проституции», – пояснила турагент. И проигнорировала мои доводы о том, что я занимаюсь не первой, а второй древнейшей профессией, и вообще, мне нужно к врачу, впрочем, и после лечения не смогу остаться за рубежом, хотя бы потому, что дома будет ждать дочка, у которой, кроме меня, никого нет... «Вот именно, вы к тому же и не замужем. Сожалею, но помочь не могу», – завершила она беседу. Я попробовала также обратиться за содействием к знакомому пресс-секретарю из немецкого посольства, но он как раз укатил в отпуск. А у Сударушкина вскоре намечалась очередная поездка.

– Ладно, бери билет на самолет в Прагу. А там что-нибудь придумаем, – велел он.

Напомню, Чехия тогда еще не вошла в состав ЕС и туда не требовалась виза.

В пражском аэропорту представительница погранслужбы меня застопорила. «Вы путешествуете одна?», – строго спросила она. И я ткнула пальцем в паспорт: «Да посмотрите же, сколько мне лет! Ну какая из меня проститутка! Я журналист – вот, кстати, удостоверение! Занимаюсь серьезным делом, пишу о политике. И разве виновата в том, что еще не очень страшная и старая?!» Когда меня наконец пропустили, пришлось долго искать дорожную сумку, которую, оказывается, давно составили с портнера, и она торчала в центре зала – и как это никто ее не унес?!

На выходе нетерпеливо топтался Сударушкин в капитанской фуражке и полосатой футболке, с неприменным кожаным шнурком вместо ремня в разодранных джинсовых шортах да в резиновых шлепанцах на босу ногу. Хорошо хоть пограничница его не видела! Сударушкин был столь высок, что взгляд не всегда достигал его лица – с круглыми сдвинутыми друг к другу, как отверстия двустволки, глазами над несколько вздернутым носом и неожиданно жестким подбородком, смягченным шкиперской бородкой.

На заштрихованной косеньким, русским каким-то, дождичком Староместской площади туристы, здрав головы, ожидали боя средневековых часов на ратуше. «Здесь каждый час появляются архангелы, и считается, что загаданные в этот момент желания сбываются», – объяснял Сударушкин, придерживая меня сзади за шею. Потом в антикварной лавке на одной из уходящих вверх от площади мощеных улочек он нашел огромный меч. И даже вынес его, с разрешения хозяина, на улицу, чтобы лучше рассмотреть. Дождевые капли шлепались и разбивались о потемневший клинок. «Хороший экземпляр», – заключил Сергей тоном знатока. «Если его подвесить на конском волосе над головой, вполне сгодится для дамского меча», – продемонстрировала я эрудицию. «Многое зависит от восприятия ситуации. В конечном счете всякий предмет способен стать орудием судьбы. Например, грабли, если упорно продолжать на них наступать», – рассеянно откликнулся он, возвращая оружие в лавку. «Да, для некоторых и грабли

могут оказаться дамочками», – поддакнула я. И Сударушкин кивнул. Но при этом, похоже, нами подразумевались различные персонажи.

Рано утром на микроавтобусе, оклеенном выставочными афишами, мы отбыли из чешской столицы в направлении Германии. Перед границей я легла на размещенный в задней части авто диванчик, а Сударушкин накрыл меня пледом и велел помалкивать. Но предварительно сунул мне в карман деньги, чтобы я, в крайнем случае, смогла вернуться домой. Проверив документы у экзотического вида дылды, заодно пощелкавшего и их своим навороченным фотоаппаратом и презентовавшего карточки с автографом, стражи границы только заглянули в автобус, где я едва дышала под пледом. И где, пригревшись, далее заснула. После ночи с Сударушкиным, мощным в различных ипостасях, я обычно ходила сонная. Не желая уступать ему в напоре, к утру подгрела почти без сил – замедленными плавными гребками.

Когда Сергей разбудил меня и разрешил выбраться из укрытия, оказалось, что фуражку он заменил на пиратскую «бандану», несомненно, наслаждаясь приключением.

– Назад я тоже проеду границу под одеялом?

– Нет, дважды повторять один трюк не стоит. У меня есть другая идея.

После обследования антверпенское «светило» подтвердило вердикт московского: синдром такой-то и пока не излечим, увы. Доктор внешне походил на Сударушкина в укороченном варианте – с такими же круглыми внимательными глазами и слегка вздернутым носом, однако, с более нежной кожей на румяных щеках и без бороды.

– Мне жаль, что вы напрасно проделали такой путь! Кстати, знаете, где-то в России, не в Москве, в провинции, есть врач, который берется за лечение подобных случаев. К нему поехал один мой пациент. Куда же я записал адрес? Сейчас посмотрю. Да, вот, Уфа, доктор Рифгатов. Возможно, есть смысл проконсультироваться и у него, – перевел Сударушкин речь эскулапа.

– Да, стоило нелегально пересечь немецкую границу, чтобы услышать от бельгийского профессора рекомендацию обратиться к провинциальному российскому врачу! Ну что ж, хоть какой-то результат, – добавил он на выходе – уже от себя. И купил сэндвичи с норвежской сельдью, которые мы съели, присев на скамейку у фонтана.

– Вкусно?

– Очень! – похвалила я селедку. – Ты слышал что-то о Рифгатове?

– Нет. Но ты могла бы о нем поразузнать, – ответил он, дожевывая сэндвич.

– О, друг Сударушкин! И разумеется, с очередной очаровательной спутницей! – окликнул его какой-то белесый парень в мятом льняном пиджаке. – А я как раз тебя ищу! Приехала Каневская. И Олюшка просила передать, что ждет тебя к обеду и отказов не принимает.

– Никак не могу, очень занят. Ходим, видишь, по врачам, – попытался отделаться Сударушкин.

– Вижу, очень занят! Но не пойти нельзя, если не хочешь обидеть двух любящих тебя женщин. Равно как и других, также чрезвычайно преданных тебе людей, – не отставал тот и уже подхватил меня под локоток. – Пошли-пошли. А то опоздаем.

«Олюшкой» звали пожилую грузную даму в балахоне, смахивавшем на русский сарафан. В просторной гостиной, расположенной на втором этаже, собралось уже немало гостей. Олюшка сидела за столом у окна, рядом с которым на маленьком столике блестел самовар. Сударушкин приложился к хозяйской ручке, отягощенной перстнем с большим голубым камнем неправильной формы, а она поцеловала его в лоб. Меня удостоила мимолетным взглядом, и я едва не присела в книксене.

– Сан Саныч, дорогой! – обрадовался Сударушкин, обнимая известного театрального режиссера.

И тот в ответ весело похлопал его на уровне живота.

– Ты слышал, что выкинул этот чудило Берштейн?.. – ухватив за конец кожаного шнурка, режиссер потянул Сергея за собой.

Под присмотром Олюшки я налила в чашку чай и отошла к другому окошку, из которого высматривал кого-то белесый посланец. Мы представились друг другу. Его звали Володей. И он, разумеется, воскликнул: «О, Милица, какое изумительное имя! Олюшка, вы слышали, новую спутницу Сударушкина зовут Милица!» И далее быстрым полупрошепотом: «Говорят, у Сударушкина большие проблемы со здоровьем. Он ходит по врачам. Вы это уже ощутили, наверное. Сочувствую, не просто быть сестрой милосердия!» И, каюсь, я не нашлась сразу, что ответить!

– Да, женщины героические создания! – продолжил он без запинки. – Сейчас придет Каневская. Это исключительной смелости человек! Она выступила против Путина и призвала глав цивилизованных государств исключить Россию из «Большой восьмерки» за несоблюдение прав человека.

Если б не «сестра милосердия», я бы, может, сдержалась. Но тут намеренно громко возразила: «Лично мне это напомнило о большевиках, те тоже выступали за поражение своего правительства в войне!»

– Но вы не будете же отрицать, что со времен Ельцина в России все чаще нарушаются права человека? – приподнял светленькие бровки Володя.

– Я не считаю те времена эталонными. Хотя бы потому, что многие россияне, как и живущие в провинции мои родственники, до сих пор вспоминают о них с содроганием. Впрочем, Ельцин совершил два мужественных поступка – когда взял власть, не зная, чем это обернется, и когда добровольно от нее отказался. Что же до Путина, то ему досталось запущенное хозяйство. И что-то он сумел исправить, а что-то нет. Войну в Чечне худо-бедно прекратил, «парад суверенитетов» остановил. Вот с реальной экономикой его правительство не дотягивает. Но вас это и не беспокоит, не так ли?

– Правовая сфера важна для обеспечения достойной человеческой жизни не менее экономической!

– Но борьба против нарушения прав человека не должна носить избирательного характера. А в таком случае, почему, скажите, наши правозащитники не потребовали также исключить из «восьмерки» и США, когда американцы под надуманными предлогами вторглись в суверенное иракское государство и теперь там тысячами гибнут мирные жители? Разве право на жизнь не является основополагающим?

– Вы рассуждаете, как сотрудник, м-м-м, специфических структур, – тезка российского президента даже оглянулся, чтобы удостовериться, не слышит ли нас Сударушкин, но того не было видно.

– Знаете, я долгое время работала собкором «Отечественных ведомостей» по Молдавии. Тамошние национал-радикалы тоже любили спрашивать, не сотрудничаю ли я и с КГБ, поскольку их не устраивали мои тексты. Разница между мною и вами заключается в том, что я понимаю, какой непростой предысторией обусловлена ваша позиция, уважаю ее и не ставлю под сомнение правомерность ее существования. Вы же полагаете всех прочих сограждан быдлом, так как они не разделяют высоких ваших помыслов. И фактически отвергаете возможность альтернативных мнений. Так кто из нас демократ? Выпьем же за истинную демократию, величайшее завоевание человечества! – завершила я тираду, приподняв, как бы чокаясь, пустую чашку. И далее скромно потупила глаза, чтобы не смущать окружающих победным их блеском. Но я торжествовала рано.

– Владимир! – строго воззвала Олюшка. – Вы слишком увлеклись пустыми разговорами! И даже не предложили дамам печенье и яблочный пай, а я сама его покупала! Вот и Ниночка стоит скучает, подлейте-ка ей чаю, – приказала она, одарив улыбкой стоявшую рядом худенькую блондинку с искусно растрепанными перышками. А затем подчеркнуто обвела меня взором, очертив таким образом спасительный круг, который оградил бы приличное общество от заразы. И все загалдели, стараясь не преступать взглядом запретную черту.

Ай да Олюшка! Налив еще чаю и положив на тарелку большой кусок яблочного пирога, который в здешних кондитерских и правда очень хорош, я вышла на балкончик в ожидании Сударушкина. Я надеялась, он не слышал напрасного этого спора о его соратниках, с которыми Сударушкина, «нашего провозвестника-буревестника», по определению Сан Саныча, связывали долгие годы противостояния с режимом. Он, кстати, мог бы мне возразить, например, что о беззакониях, творящихся в других государствах, зачастую предпочитают говорить те, кто не хочет замечать эксцессов, происходящих в их собственной стране. А я б на это ответила, что... Нет, проще было бы, если б он не знал об этой дискуссии!

Но он все слышал, конечно.

– Зачем же вы уводите от нас свою молдаваночку! – разволновался Володя, успевший уже обежать со сладостями всех прочих дам.

– В зоопарк, теперь обязательно в зоопарк! Обезьяны мне наскучили, но ты обещал показать симпатягу-жирафа, – воскликнула я, шаловливо подпрыгнув перед Сударушкиным и громко захлопав в ладоши. Он промолчал.

Ночью кто-то позвонил. И Сударушкин, выйдя с телефоном из комнаты, долго что-то бубнил и вдруг прикрикнул за дверь: «Ну что, Сергунечка?! И что значит, послезавтра прилетаешь?! Что за манера сваливаться на голову без предупреждения? Нет, никаких гостей у меня нет! Но я готовлюсь к поездке в Австралию, ты же знаешь. Ладно, еще подумаю. Перезвони мне днем, солнце мое. Да-да, целую!»

В зоопарк с жирафами мы так и не попали, но заехали ненадолго в огромный парк, в котором не стреноженные строгими табличками посетители вольготно бродили по газонам и кто-то прохаживался по траве босиком, неся в руках сандалии. «И ты посмотри, нигде нет мусора! Или – почти нет», – поправился Сударушкин, заметив прошелестевший мимо фантик. «Не переживай, его, наверное, кто-то из наших туристов подбросил», – утешила я.

(Мы давно приучились воздерживаться от серьезных политических диспутов. Хотя подспудно, конечно, он продолжал проводить воспитательную работу. Перед президентскими выборами в России в 1996-м Сударушкин, к примеру, прокатил меня по Москве, с удовлетворением отмечая, вот, посмотри, какую современную здесь выстроили автозаправку, а здесь симпатичный ресторан или огромный новый магазин. «Совсем недавно мы жили в эпоху тотального дефицита, а теперь в этих маркетах полки ломятся от товаров!», – мимоходом напомнил он. И я так же вскользь ответила, мол, главное, чтобы на все эти чудеса у людей были деньги.

Всерьез мы разругались лишь однажды. Как-то, подбросив меня к дому приятельницы, у которой я остановилась, он упомянул мельком о переметнувшихся на службу новой власти политических перебежчиках, имея в виду некоего своего коллегу. Но мне давно хотелось высказаться по поводу единомыслия, жестко охраняемого в определенных общественных кругах по классическому принципу «Кто не с нами, тот против нас!» И когда я выложила свои соображения на этот счет, Сударушкин на меня наорал и велел выйти из машины. Хорошо, мы как раз подъехали к нужному дому! Выскочив из авто и хлопнув дверцей, я прокричала ему в открытое окошко, что, мол, какой же он демократ, если не допускает наличия у меня иной позиции, которую я, может быть, на собственной шкуре выстрадала и которую, между прочим, никогда не скрывала!.. Выпалив все это и больно припечатав ладонью слезы на щеке, развернулась к подъезду. Но длиннорукий Сударушкин успел ухватить меня за шкурку и что-то такое примирительное проговорил про двух идиотов, готовых рассориться из-за ерунды, хотя мы не Монтекки с Капулетти какие, а современные цивилизованные люди. Хотя, нет, про Мотекки с Капулетти, кажется, пролепетала я. И, знаете, меня потрясла та готовность, с которой я затем склонила свою голову на его загорелую руку!

Расположенное на улице Мейер почетное молдавское консульство работало по два часа два дня в неделю. Так значилось на табличке у входа. Но она врала: хотя мы пришли в указанное время, консульство было закрыто. Мы подождали, надеясь, что консул все же освятит своим и без того нечастым явлением почетную службу.

По замыслу Сударушкина, диппредставителю республики предстояло рассказать преубедительную историю о том, как на автобусе в большой компании журналистов, увлекшись политическими спорами под непременно пиво, я нечаянно пересекла границу между Чехией и Германией и далее, с горя, проследовала до самой Бельгии. По поводу чего мне и требовалась консульская справка, которую можно было бы предъявить при вылете в Москву. Главное – было заручиться какой-нибудь бумажкой с печатью! Однако консул так и не пришел. Следующий прием предполагался лишь через два дня. А на завтра должно было прикатить еще одно «солнце мое».

И что сделал Сударушкин? Он купил мне фартовый сарафан с футболкой и курткой и подходящими туфлями, в которых я выглядела хотя и беспечной, но вполне благополучной и благонадежной личностью. В этом виде мне и надлежало завтра выступить в аэропорту. Переоблачился и сам в роскошный костюм цвета клубники со взбитыми сливками, и мы отправились отмечать мой последний вечер в Антверпене, жители и гости которого уже заполнили все уличные ресторанчики. И когда долговязый Сударушкин в клубнично-сливочном великолепии выдвинулся из-под арки на центральную улицу в лучах предзакатного солнца, проходившие мимо пожилые туристки-немки замерли, зачарованно глядя на него. И лишь после того как он прошипел что-то вроде «Кыш!», сердито махнув рукой, туристки, испуганно вспорхнув, заторопились дальше.

Хозяйка забитого до отказа ресторана «Dezuilan», тем не менее, нашла столик для «мистера Сударкина». И порекомендовала традиционное фламандское блюдо – говядину в пиве. А завершили мы ужин в другом ресторанчике – мороженым. Официант плеснул ликером вокруг сложного сооружения из мороженого со взбитыми сливками и орешками, пронзенного вафельными пиками, и поджег. Из-за заплывавших на лице Сударушкина отблесков пламени даже показалось, что он гримасничает. Но он хранил отстраненное безмолвие, приглядывая, однако, за тем, как я подкапываюсь ложечкой под счастливо обнаруженное среди роскошных обломков соцветье из малины.

Когда Сударушкин вот так задумывался, я, чтобы не молчать, обычно продолжала болтовню, стараясь, впрочем, воздержаться от откровенной чуши или зауми. Пару раз, неожиданно «включившись», он строго выговаривал, мол, «какая ерунда!» или даже – «не умничай!» Исчерпав все прочие нейтральные сюжеты, на миг задумалась, какую бы еще затронуть безопасную и не скучную тему? В запасе остались два варианта: актуальная проблема несокрушимости коррупции в родном отечестве, обсуждение которой неизменно сближает самых разномыслящих людей, и, разумеется, вопрос о том, в какой цвет мне теперь перекрасить волосы?

– Возможно, в рыжий? Давно не была рыжей, хотя вчера вполне ощутила себя ею, – брякнула я, но, спохватившись, быстро добавила, – или правильнее было бы выкраситься в черный, ты как считаешь?

– Черный смотрелся бы излишне драматично, – присоединился и он наконец к нашей беседе.

(Потом я все-таки перекрасилась в черный, сочтя его наиболее подходящим, на данный момент, для «рамки» лица. Я вообще очень люблю черный. И серый. И еще красный и бирюзовый. А также фиолетовый, оранжевый, синий. Правда, сегодня цвета и оттенки я могу различать только при ярком дневном свете, а при электрическом освещении уже способна их перепутать. Как это случилось недавно, когда, дошивая ночью Глашкину юбочку-восьмиклинку цвета хаки, обстрочила ее по подолу «зигзагом» сиреневыми нитками. Что, впрочем, тоже смотрелось неплохо.)

Когда мы вернулись домой и я развесила в гардеробной обновки, то не утерпела и вытащила наконец стоявшие в шкафчике для обуви и казавшиеся бутафорскими чьи-то черные замшевые туфли на высоком каблуке. Почти не ношенные, они были большого размера. «40-й, наверное, или даже 41-й», – позлорадствовала я. Но затем сообразила, что их обладательница, скорее всего, и по росту – под стать Сударушкину!

– Милица! Ты куда запропастилась? – окликнул он.

– Иду-иду! – бодро отозвалась я, судорожно засовывая туфли в ящик.

Утром Сударушкин растолкал меня: «Проспали! Быстро одевайся! Я вызываю такси!». И все подгонял, не дав даже толком вымыться. Так что крем на лицо я намазала уже на улице, поглядывая на себя в окно. Он продолжал ворчать, и я огрызнулась: «У меня кожа сухая! Без крема не смогу улыбнуться!» Эта фраза, глубоководной рыбиной вдруг всплывшая из подсознания, принадлежала не мне, а кишиневской приятельнице Саше, некогда изрекшей ее, не известно уже, по какому поводу.

В такси Сергей все поглядывал нервно на часы.

Но в аэропорту, одетый в придирчиво отобранный накануне серый с искрой костюм, Сударушкин хладнокровно озвучил вышеупомянутую версию о легкомысленной русской журналистке, нечаянно оказавшейся за рубежом и мечтающей незамедлительно вернуться на родину, перед представительницей погранслужбы, ее начальником и начальником начальника. И при этом с таким достоинством держался и столь благожелательно улыбался, на миг прикрывая веки, что не поверить или, по крайней мере, не поддаться желанию поверить было невозможно. «Загадочная русская душа, знаете ли!», – снисходительно кивал он в мою сторону, не забывая продемонстрировать собственный израильский паспорт. И когда после серии переговоров, мне таки поставили в документах необходимые штампы, Сударушкин, незаметно подмигнув веселым круглым глазом, на прощание церемонно поцеловал мою руку, а я приложилась к его лбу.

– А если б меня посадили здесь в тюрьму, ты носил бы передачи? – быстро прошептала я.

– В тюрьму не посадили бы! Но могли включить в «черные списки» тех, кому заказан въезд в шенгенскую зону, – обрадовал он.

На память о «контрабандном» путешествии я сохранила старый загранпаспорт, в котором за отметкой о прибытии в Прагу следовал штампель, санкционировавший мой вылет уже из брюссельского аэропорта.

Но разве я не ревновала Сударушкина к другим «солнцам»? Обильное их присутствие на небосводе не радовало – это точно. Но ввязываться в «звездные войны» и кружиться в хороводе поклонниц я не собиралась. Предпочитала держаться в стороне – сама по себе. Сударушкин не был моим, а я не была его. И от всех своих партнеров мы удирали, чтобы встретиться друг с другом. К слову, пару раз сам Сударушкин вроде бы порывался изменить заданную изначально схему. Но если это случалось после сцены с патефоном в черешневом саду, к примеру, я не могла мгновенно обеспечить адекватный отклик.

К тому же подобные порывы оказывались недолговечными. Выдалось однажды беспечное лето, когда я остановилась в его квартире с широкими полосами солнечного света на прохладном полу. Сергей отбыл первым. Рассмешил анекдотом и ловко упаковал приготовленные в подарок огромные, выставочного формата, фото. Обещал перезвонить сразу по возвращению в Москву. А ключи от двери наказал бросить в почтовый ящик.

Когда я отправилась на Красную Пресню на «Ночного портъе», вдруг хлынул холодный ливень. Босоножки и платье мгновенно промокли. И к концу фильма я отчетливо осознала, что это лето закончилось. Добежав по лужам до станции метро, забыла притормозила у входа, чтобы дать глазам привыкнуть к перемене освещения. И, повернув к эскалатору, со слепу налетела на ребро стены. Из рассеченной брови потекла кровь. Она была густая и липкая. В миг изведя носовой платок, я стала вытирать лицо скомканными листами писчей бумаги, которую всегда таскала в сумке. Народ глазел. А я не отходила от

урны, бросая в нее, один за другим, испачканные красным листы. Потом, уже выйдя на «Пушкинской», нарочно подставляла под дождь лицо, чтобы смыть кровавые подтеки. В подъезде, увидев мою разбитую физиономию, соседка испуганно выскочила из лифта.

Уезжая, я не забыла бросить ключи в почтовый ящик. И даже не перепутала его номер. Но в день, когда, по моим расчетам, Сударушкин должен был вернуться в Москву, зафестивалила с кишиневским приятелем. «Что бы ни происходило, главное, сохранять иронию!», – твердила я ему. «За наше безнадежное дело!», – не противоречил он и, не отрывая от меня взгляда, осторожно отхлебывал вино, как будто пробовал почву под ногами. Мы отлично дополняли друг друга...

Я была уверена, что в ближайшее время Сергей не соберется позвонить. И с меня довольно было кровавых расставаний!

А через сколько-то месяцев опять заскучала, конечно. Впрочем, ненадежные наши отношения с Сударушкиным как раз и отличались тем, что даже в самые непредсказуемые времена в его квартире меня могла ждать заполненная горячей водой ванная, нередко с рюмочкой вина или водки у мыльницы.

– За наше процветание! – поднимала я рюмку опухшей пеной рукой. А Сударушкин поправлял: «За удовольствие нашей жизни!»

– Но разве возможно удовольствие без процветания?

– Да, можно просто печатать снимки. Или, например, играть с сыном в футбол. (Последнее занятие, правда, представлялось весьма затратным: еще более высокий, чем отец – хотя куда уж выше! – его сын, отяжелевший гигант с ребячливой акульей улыбкой, трудился компьютерным гением в Штатах). Или любить женщину, – добавлял он, стягивая с себя джинсовые шорты.

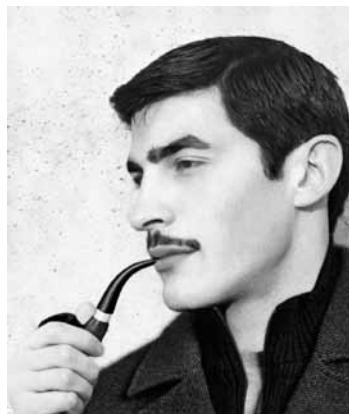
И я также знала, что если б вновь приперло, Сударушкин надел бы и джинсы и ватник и отправился б хлопотать за меня к самому главному начальнику. Хотя у него самого дела не всегда шли наилучшим образом. Был такой период в начале 90-х, когда, помимо кофе, похоже, денег у Сударушкина хватало лишь на овсянку, которую он радостно предлагал, открыв дверь с алюминиевым ковшиком в руках.

Тогда, купив с полочки всякой еды и бутылку хорошей водки, я задумала попросить его проводить меня на поезд с тем, чтобы отдать заготовленный провиант, дабы не пропал понапрасну. Но накануне Сударушкин неожиданно исчез, по домашнему и рабочему телефонам не отвечал, а мобильных тогда еще не было. И в результате весь продпак вместе с водкой достался случайно попавшемуся на моем жизненном пути рыжеусому капитану-десантнику Сергею Макарову.

Продолжение следует.

Николай ЕЛЕНИН

Первая охота

Будучи «молодым», неопытным охотником и не имея еще конкретного выхода в «поле», вдруг неожиданно для себя получил от друзей приглашение на королевскую охоту – на фазана.

Это прелюдия звучит как начало хорошей истории, но в действительности это был финал совсем другой истории, а начиналось для меня всё хорошо.

За день до поездки допоздна собирал в рюкзак все, что пригодится мне на охоте. Примеривая новый маскировочного цвета полевой костюм, резиновые сапоги и специально сшитые на заказ для этого «выхода» охотничью жилетку с множеством карманов, в целом остался доволен своей экипировкой. А вот сапоги были немножко великоваты, но это не испортило настроения. Видя, как я «прихорашиваюсь» перед зеркалом, жена не удержалась и сбегала к своей подруге, живущей по соседству, выпросила у нее одно перо фазана из старой женской шляпки и прикрепила его к моей охотничьей кепке. В конечном итоге вид у меня получился очень уж «фортовый», и никто из бывалых охотников, не знающих точные обстоятельства моей охотничьей биографии, не мог бы заподозрить меня в том, что я новичок. Мой охотничий «прикид» красноречиво говорил, что я бравый охотник и что как минимум побывал в разных переделках и на меня можно положиться.

В тот вечер лёг специально в другой комнате с расчетом, чтобы поутру никого не беспокоить. И, как говорится, с непривычки и сильного перевозбуждения от предстоящей охоты не мог заснуть до самого утра. Но под утро всё же меня сморило, и я уснул крепким сном. Когда зазвенел будильник, даже не услышал. Проснулся оттого, что меня сильно трясла за руку жена Анастасия:

– Николай, твои друзья весь дом «подняли на уши», звонят в дверь минут пять, а ты все не можешь проснуться. Быстро собирайся! Они сказали, что ждать больше не будут и так опаздывают.

Я мигом собрался и выскочил на улицу, даже не умывшись, не говоря уже о том, что-бы позавтракать. Кинув в багажник свой большой рюкзак, поздоровался с товарищами. Они стояли у машины, поджидая меня, и явно нервничали. Мы сильно запаздывали – сбор в «поле» был назначен на семь утра. Оставалось всего каких-то полчаса, а ехать до места километров тридцать. Охотники меня строго предупредили, что в следующий раз ждать не будут. Но все равно настроение у всех было приподнятое, а в голове у меня крутилась радостная мысль: «Сбылось, еду на охоту!»

Расселись по своим местам. Машина плавно тронулась. Неожиданно открывается дверь моей квартиры (я жил в частном доме с выходом прямо на улицу), и из нее в одном халате выскакивает жена, громко крича:

– Коля, ты ружьё забыл! – одной рукой крепко прижимает к себе чехол с ружьём, а в другой держит кулёк с моими любимыми домашними котлетками.

Все в машине онемели от услышанного. Такого они ещё за все время своей охотничьей деятельности никогда не видели.

– Надо же, на охоту и без ружья! – давясь от смеха, гоготали охотники.

Всю дорогу, пока мы ехали, в машине не смолкал смех.

– Много лет хожу на охоту, но такое увидел впервые! – давясь от смеха, проговорил мой лучший друг Антон.

– Как же мы не заметили, что он сел в машину без ружья?! – проворчал Александр.

– А что у тебя в рюкзаке? – спросил водитель, смеясь. – Он такой большой, я подумал, что ты по неопытности запихал в него свою двустволку в разобранном виде.

– Раскальвайся, что ты в него напихал? – в один голос спросили они.

– Да ничего лишнего, – ответил я, краснея. – Просто подумал, что «молодому» охотнику придется выставляться, вот и прихватил немного закуски, ну всё, как положено.

От этих слов мои друзья сразу же изменили тон своих нравоучений и колких замечаний.

– Вот это ты, пожалуй, единственное, что правильно сделал. «Молодой» должен уважать бывалых охотников. А угостить их на природе, как подобает, это его святая обязанность.

На месте нас поджидала еще одна группа охотников во главе с егерем. Он нервно посматривал на часы и, так как мы запаздывали, инструктаж провел почти на ходу. Выстроив нас в линию, стал, на свое усмотрение, расставлять нас на «номера». Осмотрев внимательно моё серьёзное охотничье обмунди-

рование, он решил, что в этой группе я самый «знатный» стрелок. Тем самым обозначив мне одно из лучших мест на «номерах». Но при этом строго предупредил всех:

– Стрелять только по «петухам», «курочек» не трогать, пусть разводят потомство! – наставлял он и, похлопав меня по плечу, тихо добавил: – Место у тебя хорошее, «гнать» в основном будем на тебя, патронов не жалею. Удачной охоты! – развернулся, крикнул «загонщикам», чтобы они шли за ним, и увел их на другой край поля.

Оставшись на линии «огня», мои друзья как-то недоверчиво косились в мою сторону и при этом старались отойти от меня на безопасное расстояние. Ведь от начинающего охотника можно всего ожидать. Да и «возбужденный» мой вид ничего хорошего им не сулил. Когда же они услышали, что я на минуточку хочу отлучиться по «малой нужде» в кусты, все облегченно вздохнули, посоветовав не спешить и как можно дольше оставаться там, как бы в засаде.

Вскоре прозвучал сигнал об открытии охоты. Раздались первые выстрелы. Я же продолжал сидеть в «засаде». А когда над моей головой пролетело несколько матерых «петухов», я даже не успел вскинуть ружьё, потому что в это время крепко держался за штаны. Стрельба не смолкала еще долго, но мне так и не удалось произвести ни одного выстрела.

А тут из-за кустов появился егерь со своей командой и чуть не с кулаками шел в мою сторону.

– Растяпа, почему же ты не стрелял?! Через твой «номер» пролетело больше всего дичи. Может, ружье заклинило? Да вроде не похоже.

Остальные охотники в это время ходили по полю и собирали «урожай», и, как выяснилось, совсем неплохой – на каждого было по несколько птиц. Только вот я один остался ни с чем. Два патрона, которые зарядил в свою «двустволку», так и остались невостробованными до самого конца охоты.

Место для привала выбирал сам егерь. Расположились мы в уютной, покрытой густой травой ложбинке под большим раскидистым орехом, а от ветра нас защищал высокий бугор. От усталости и напряжения я просто рухнул в эту зеленую траву, но тут услышал громкий смех егеря, которому, видимо, рассказывали про мои подвиги на охотничьем поприще.

– А ну давай, «молодой» охотник, «выставляйся», чем тебя жена снарядила на охоту, – давась от смеха, сказал он. – Только не забудь за «чарочкой» рассказать, как это можно забыть, собираясь на охоту, ружьё! – от этих слов уже ржала вся компания. – И добавил: – А я, старый дурак, подумал, глядя на твой «грозный вид», что круче охотника мне не приходилось встречать в своей жизни. Правду говорят, встречают по одежке... – и тут он поперхнулся. – Ничего, так бывает. По молодости я ещё не то вытворял.

Стол накрыли прямо на траве. Скатертью послужила чья-то плащ-палатка. Охотники вынимали из рюкзаков всё, что им приготовили жены. Одним словом, было что и выпить, и закусить. Ну и моя супруга, как видно, не подкачала, так как руки охотников сразу потянулись к моим угощениям. Тем временем я разлил по кружкам вино. Первый тост, как и полагается, произнес самый старый охотник, а им оказался егерь.

– С «полем», дорогие мои друзья! Удачной вам охоты в этом сезоне! – громко и весело сказал он.

Посидев в кругу охотников, закусив и выпив, я почувствовал небывалую усталость, наверное, от нервного перевозбуждения, и решил подождать друзей в машине. Взял свой опустевший рюкзак, закинул на плечо еще не разряженное (по неопытности) ружьё и направился к машине. По правде сказать, я тогда думал, что это моя первая и последняя охота.

Вот с такими мыслями я и поплелся через кукурузное поле в горку, где на вершине холма стояла наша машина. Пройдя половину пути, вдруг увидел, как мимо меня мелькнуло что-то большое и скрылось в высоких стеблях кукурузы. Остановившись и даже не шевелясь, стал внимательно всматриваться между рядами. Вот тут и увидел, что в метрах десяти от меня лежит на земле и тяжело дышит раненый кабан.

От такой неожиданной встречи я сделал невольно шаг назад. Заметив меня, кабан вскочил и некоторое время смотрел в мою сторону, не зная, видимо, как поступить – то ли уйти с дороги и пропустить, то ли напасть. Боже, какой он был огромный. Весь его грозный вид говорил о том, что эта встреча для меня не пройдет бесследно. Он явно был чем-то встревожен (позже я узнал, что в него до меня стреляли). Нет, я не увидел, скорее, почувствовал всем телом, как голова его опустилась чуть не до самой земли. А из открытой пасти появился страшный оскал, обнажив два огромных, острых клыка. Глаза налились кровью. И это чудовище готово было кинуться на меня.

Больше не раздумывая и опережая его на доли секунды, я выхватил из-за спины ружьё (помня, что в стволах есть два патрона с мелкой дробью, которые вряд ли меня спасут, но все же его остановят) и, практически не целясь, выпустил в него два заряда. Он даже не почувствовал моих выстрелов, которые

пришлись ему прямо в лоб. Дробинки прошили густую шерсть, но особого вреда ему не нанесли, так как лобовая кость у него мощная. Кабан рассвирепел. Перезарядиться я бы все равно не успел. Поэтому кинул в него ружье, туда же полетел и рюкзак. Это и дало мне несколько секунд, чтобы я мог развернуться и броситься бегом в сторону сидевших на привале охотников. Может, охотник я никакой, а вот в бегах многим дам фору. Так что рванул с места с такой скоростью, что между мной и кабаном появилось обнадеживающее для меня расстояние. А так как резиновые сапоги мне явно мешали, весь день натирая ноги, то одним движением тоже сбросил их на землю. Вот теперь мне казалось, что я полностью готов к этой гонке, но, как видно, не совсем правильно рассчитал силу и злость кабана.

Выскочив из кукурузы, побежал по скошенному пшеничному полю в одних носках. Я так быстро бежал, что стерня от пшеницы порезала до крови пятки. Но в тот момент даже не обратил внимания на эту боль. Страх, что меня может догнать свирепый зверь, забивал все мои чувства. Оглянувшись назад, чуть не обмер от страха. Расстояние между нами резко сокращалось. Чувствуя, что не в силах прибавить в беге, начал кричать и звать на помощь своих товарищей. Но они вначале не слышали моих криков из-за того, что сидели в овражке за бугром. Просто так я сдаваться не собирался. Превозмогая боль, продолжал бежать и при этом все сильнее кричал, чуть ли не срывая голосовые связки. Я уже просто вопил от страха, даже не разбирая, что кричу. Этот мой вопль отчаяния наконец-то услышали охотники. Но вначале особо не среагировали, попросив одного из «загонщиков» подняться на бугор и посмотреть, что же там на самом деле происходит.

«Загонщик» сначала не увидел кабана, которого я закрывал своим телом. Когда же до него «дошло», он заорал громче меня:

– Николай прямо на нас ведет большого кабана! Что будем делать?

На секунду зависла тишина. Первым пришел в чувство егерь.

– Срочно всем разобрать ружья! – скомандовал он. – Четверо «на колена», остальные стоя, станомись! «Огонь» по моей команде, залпом!

Увидев, как охотники в спешке с ружьями поднимаются на бугор, при этом судорожно запихивая в стволы первый попавшийся под руку патрон, я немного успокоился. Хотя расслабляться было еще рано, расстояние между мной и кабаном все больше сокращалось. Охотники не могли точно в него прицелиться, не задев меня, и, жестикулируя, кричали:

– Николай, падай на землю!! Падай! Падай!

А я уже слышал за спиной его хриплое дыхание. «Нет, никогда не упаду, пусть лучше они меня пристрелят!» – подумал я. И с этой мыслью, сделав над собой последнее усилие, перепрыгнул через строй стрелков. Сразу же раздался первый, а затем и второй дружный залп. Я только успел поднять голову, как увидел, что от первого залпа почти в упор из восьми стволов кабан дрогнул и повернул в сторону. От второго залпа, пришедшего ему по боковой части тела, кабан по инерции еще пробежал метров десять, а потом заковылял и упал на передние копыта. Огромными клыками в смертельной злобе своей стал рыть яму. Охотники смотрели на добычу и не шевелились, видимо, от полученного стресса. Весь хмель с них сошел сразу же. Одни вытирали испарину на лбу, другие нервно пытались закурит. Только я один лежал на траве и тупо улыбался. Еще мгновение назад я был на волоске от смерти. А вот сейчас смотрю в синее небо и так хочется жить!

Через минуту-другую мы уже фотографировались с трофеем, и в самом центре снимка, прямо сидя на туше кабана, красовался я. Нет, я не хотел фотографироваться – друзья уговорили, так сказать, для большей убедительности своих будущих рассказов.

Этот случай мне еще долго не давал покоя. Много раз снилось по ночам, как по команде охотников я все же падаю на землю, как кабан вонзает свои огромные клыки в мое тело... И всегда на этом месте я жутко дергаюсь ночью в кровати и страшно кричу: «Нет, не бывать этому никогда», и просыпаюсь весь в поту.

– Спи же, неугомонный мой охотничек, кабан мимо пробежал, – нежно лаская, успокаивает меня жена.

Маргарита СОСНИЦКАЯ

Отель будущего

Из второй Книги притч «Полёт совы»

*Красота – это музыка мира,
И звучит не для слуха – для глаз.*

Последнее, что помнит Рудян, – бампер встречного автолайна, летящего в лобовое стекло. Рудян изо всех сил зажмурил глаза: хоть не видеть! И успел ещё подумать: прощай, диссертация, прощай, Нина! сколько не успел...

Открыл глаза Рудян уже в Кунсткамере.

«Правильно! – обрадовался он, – жизнь прошла, а я так и не повидал этот подарок Петра».

Залы музея были просторными и светлыми, только свет немного рассеянный и стены расплывчаты. На стеллажах, выстроенных лабиринтом, выставлены шеренги сосудов с заспиртованными анатомическими курьёзами: младенец со ступнями из ягодиц, двухголовый человеческий зародыш, ребёнок с лысой головой взрослого, дальше хуже, совсем что-то нечленораздельное, словами не сказуемое, отчего помутился даже спирт.

Идёт Рудян по лабиринту, глаза не знает куда деть, чтобы не видеть этого страсотерпства, да куда ни отведёт их, везде наталкивается на новое нарушение порядка в человеке. Запутался он совсем в лабиринте, выхода не находит, и туда метнётся, и сюда, а везде... вот опять дитя – Господи прости – размером с котёнка.

До слуха Рудяна долетел звон колокольчиков, пошёл он на звон, лабиринт расступился и выпустил его из своих закоулков.

Рудян очутился в комнате без стеллажей, но с кроватями, на одной из которых лежал он под бледно-голубым одеялом. Рядом стоял прибор, мигал красной лампочкой и издавал заунывные долбящие сигналы.

«Это звон?» – не понял Рудян.

Дверь отворилась, и вошел евнух в белом халате. Осмотрел прибор, нажал кнопку, прибор тонко запищал и затих.

– Очнулся? – удостоверился евнух. – Пора бы уж... – и приказал кому-то. – Отправить в общую палату.

Невидимые руки покатали кровать Рудяна по коридору. Движение прекратилось в новой палате. Сначала Рудян думал, что лежит там один, но вот вошёл – у Рудяна даже кровь застыла в жилах – маленький мальчик с крупной мужской головой в чёрных роговых очках, который улыбнулся, и сказал странным, будто его кто душил за горло, голосом:

– Привет!

Рудян потёр глаза, не веря им. Встал и вышел в коридор – а навстречу человек шлёпает, как утка, на ступнях, растущих из ягодиц, и ручками сухими у груди размахивает. Накатил грохот, треск, перешёл в какофонию обезумевшего в оркестровой яме оркестра. Рудян кинулся бежать, в конце коридора наткнулся на лифт, из него вышла женщина с ребёнком, пищащим на руках, размером с котёнка. Он шархнулся от неё в сторону – благо, у коридора было ещё два рукава; мимо мелькали уроды самых невообразимых разновидностей: у кого-то лицо висело ниже черепа, кто-то был покрыт сплошным родимым пятном, у кого-то свисал язык. Какофония усиливалась, впадала в бешенство, ожесточалась, наплывала волнами с очередным видением безобразия, затем чуть ослабевала и набрасывалась вновь.

«В Кунсткамеру! – схватился за голову Рудян. – Там было лучше! Там все эти экспонаты содержались в спирту, а здесь живьём ходят, в глаза лезут...»

В холле, куда вбежал Рудян, висел плакат со счастливо улыбающимся дауном, под ним лозунг: «Естественный отбор – пережиток прошлого мракобесия». «Но ведь тогда были созданы великие цивилизации!» – удивился Рудян. Но тут его взгляд поймал ещё лозунг: «Красота – это эстетический предрасудок». Дальше пуще: негр в обнимку с белой, и надпись: «Миксизм – верный путь к равенству без первых».

Какофония превратилась в оглушительный вой-металл. Рудян вырвался на улицу. Какофония оборвалась; тишина предстала, как будто Рудян вдруг вышел к морю. Он обернулся на здание, которое так стремительно покинул, ожидая прочесть на нём «Живая Кунсткамера», а прочитал «Пятизвёздочный отель будущего».

Сентябрь 2010 г., Женева.

Жалобы Смерти

Выздоровим от смерти
Надпись на заборе

В светлейшую ночь допетровского Нового года в глухом сосновом бору на просторной поляне собираются на пир все придворные Её Величества Смерти.

Все министры, вельможи и придворные дамы сидят за длинным столом и медленно потягивают хмельной нектар из кубков-юдолей. Ближе к пустому трону восседает преуспевающий Рак в неизменном чёрном фраке с бабочкой, рядом совсем не дед Диабет во фраке сером, далее надёжный инфант Инфаркт, за ним изящный, как балетный Нуриев, в трико паршивого цвета в розовую крапинку новоиспеченный, но невероятно процветающий самозванец Спид, который никогда не спит, потом старик Инсульт в камзоле и парике с верной супругой в крахмальном капоре Подагрой, вышедшие из моды некогда неотразимые фрейлины в фижмах Холера и Чума, дама помоложе с кроваво-красными губами, в шляпке сеньорита Испанка и прочие печально известные особы.

И вот из-за тучки выплывает луна, осветив трепещущим светом просеку, в конце которой появляется белое облако. Придворные вскакивают на ноги и хором поют:

*Императрица императриц,
Всецарица царей и цариц,
Снизойди, проявись, проявись!
Дай упасть пред тобою ниц!*

И из белого облака, как из мраморной глыбы, появляется белая царица. Она не в рабочем саване-балахоне и без непритупляемого орудия труда – косы, сегодня на ней шелковое кружевное платье, усыпанное коньячными бриллиантами и желтоватыми бериллами, спорящими своим блеском с луной. Руки её в узких атласных перчатках, пальцы унизаны драгоценными перстнями, голова убрана венком из флёр де сериз – цветов вишни, по плечам стекает фата, которой не видно конца, а лицо скрывает густая белая вуаль, осыпанная капельками стразов.

Белая царица с дофараоновских времён владычица всех царей, императоров, деспотов, президентов, серых кардиналов, скрытых кукловодов, а также финальная целительница всех недугов и хворей, выходит на поляну, окружённая переливающимся мерцанием, приближается к трону и выбрасывает вперёд руку в римском приветствии:

– Memento! – выкрикивает она.

– Morte!* – отзывается её двор, тоже выбросив руки. – Мemento Морте! Виват! Её Величеству Смерти виват, виват, виват! – скандируют вельможи и дамы.

Смерть царственно восходит на трон, и все садятся на свои места. Но лишь самые близкие и верные слуги замечают, что кружева её платья местами обтрепались, бриллианты по краю подола поредели, а на их месте откуда-то взялись пятна рыжей сажи.

– Докладывайте, чем порадуете вашу повелительницу! – звучит безжизненный голос Смерти.

– Несравненная, великая и непобедимая! – опускается перед ней на колено первый министр во фраке Рак. – Я у твоих ног в знак непреодолимого восторга перед твоей непобедимостью. А вот я, всесильный Рак, рискую быть побеждённым, – он поднялся с колена и сел за стол. – Нет, не эти дармоеды с микроскопами и химиотерапией меня пугают, а вот натуропаты с их системным голоданием, разумным питанием да травами...

– Не бойся, мой верный слуга, – остановила его Смерть, вуаль при каждом слове взлетала у её рта, его, однако, не открывая, – пока существуют лень, слабости, соблазны и наука, которая сильно сбивает с толку, тебе ничего не грозит. А лень и слабости родились вместе с человеком и вместе с ним умрут. Лень и слабости – ваши гаранты, они источник всех болезней.

– Да, – почтительно склонил голову первый министр, – кому лучше, чем тебе, знать, что все умрут. Но всё-таки извели ведь люди и крошку Скарлатину, – кто-то жалобно пискнул в конце стола, – и грозу Средневековья Чуму с Холерой.

Эти эксгумированные к пиру дамы тяжело задышали.

– Так это люди думают, что извели. Но ты же не человек, – возразило Её Величество. – И Чума, и Холера – они же есть, взгляни!

* Помни о смерти (лат.).

Чума с Холерой привстали и сделали старомодный реверанс.

– И едва люди оплошают, – продолжала Смерть, – эти мои надёжные, неизлечимые фрейлины придут к ним и напомнят, что Средневековье никогда не проходило. К тому же к ним на подмогу пришёл мой юный паж Спид.

Это несуразно-несусветное создание с зелёными усами, юркое, упитанно-округлых форм встало, поклонилось и, вильнув тем, чем виляют, изрекло:

– Рад-с-с-с угождать Вашему Величеству!

Смерть кивнула, нарушив неподвижность фаты, отчего стали заметны по её краям лохмотья.

– До чего ж порой нас удивляют порождения собственных экспериментов! – Смерть закрыла лицо руками, ослепив присутствующих вспышками бриллиантов в массивных перстнях.

– Мне, мне, владычице владык, в эти лживые времена приходится непросто! Иду я в срок по одну душу, она уже созрела и ждёт. Ради этого её владелец, бреясь, порезал родинку, открылось кровотечение, пошло заражение – короча, сделаны все полагающиеся приготовления ко встрече со мной. А жена вызывает «скорую», его кладут в онкологическую клинику, переливают кровь, делают химиотерапию, и он живёт дальше. Чаёк с женой попивает и умничает: «А мог бы уже завтраком у червей быть!» Каково мне, владычице владык, это слушать за окном, припав к стеклу! Выдворили владычицу... Каково?! – Смерть сделала жест, как примадонна в отчаянье. – И чего они добились со своей клиникой? Задали тебе, мой верный скверный Рак, лишней работы.

– Да уж, – кивнул Рак во фраке, – пришлось стиснуть зубы. – Но и смертник получил за уклонизм от своевременной встречи. Уж получил, получил. Живём гнил. Ждал-не дожидался часа, и рад был испустить дух.

– А когда это я по два раза на одно свидание ходила? – продолжала роптать Смерть. – Где у меня время на это? Столько работы вокруг. Новородившимся нужно жизненное пространство очистить! Новодипломированным – рабочие места! Не для того ли пенсии отсрочили, чтобы побогаче был мой урожай? Иначе порядок и равновесие придут в хаос. Я им что, секретарша какая? Захотели – вызвали, захотели – прогнали?!

– Вижу, вижу, – припал к августейшему платью инфант Инфаркт, – вижу, как обтрепались кружева твои. А было время, когда и мне одного маху хватало, чтоб открыть тебе дорогу. А теперь? По три инфаркта переживают, и ведь живут.

– А тут ещё, – голос Смерти стал почти плаксивым, – конкурентка появилась, Афанасия.

– Кто? – удивились придворные.

– Атанасия или Евтаназия, что всё равно... Заказная смерть умирающего в муках. Ему б домучиться, злодеяния прошлых жизней искупить, его лишают искупления, дают укольчик, а я, всецарица царей и цариц, бросай всё и беги раньше времени, точно какая-то горничная по звонку...

– Безобразия, беззаконие! – возмущаются придворные.

– А вы ведь знаете мою справедливость! – в отчаянье восклицала Смерть. – Справедливость, над которой глумятся! То заставляют меня прибирать к рукам здоровых, из кого вынули органы для пересадки, то, наоборот, отнимают у меня моё: вгоняют жизнь во всякий генетический мусор, которому место в анатомической корзине. И я делаю то, чего не должна делать, и не делаю, что должна... – она закрыла лицо руками, и плечи её затряслись от мук перепутанного долга.

– Не плачь, – застонали в один голос придворные, – не плачь! – Им было не по себе видеть всемогущую владычицу плачущей. – Да-а, насилие над смертью есть насилие над природой... – резонёрствовали все: Рак, Инфаркт, Диабет, Испанка, Спид...

– Вот я и говорю, – застонала Смерть, хватаясь за голову в венке из флёр де сериз, – работы больше стало, хлама больше развелось, чистоту наводить не успеваю! И чего они добиваются? Продления мук? Умирения с третьей попытки? Обезображивание масс? Сатанинский проект! Бесчеловечно! Смерть милосерднее врачей. Я прекращаю муки, а они, наоборот... Или этим они надеются уничтожить меня? – она презрительно махнула рукой в белой перчатке. – Но у меня остаётся на службе агент под кодовым именем Несчастный случай, – этот молодой человек в военной форме встал из-за стола и щёлкнул шпорами. – Злодейство, – его разбойничья рожа нисколько не изменилась, несмотря на изобретение бритвенного станка и одеколона, – и естественное угасание, когда жизненная сила иссякает сама по себе. Меня нельзя победить!

Раздался страшный скрежет, и у ног Смерти разверзлась земля, оттуда вылез скелет и упал перед ней на колени:

– О, всемогущая владычица, позволь задать тебе один глупый вопрос, но он меня точит и днём и ночью и не даёт успокоения!

– А ты кто такой? – спросила чуть брезгливо Смерть.

– Я? Никто. Преставившийся смертный.

На него накинута Рак во фраке, Инсульт, Чума и Холера:

– И ты смеешь беспокоить Её Величество?! Да ты забыл своё место, кость, обглоданная червями!

Смерть подняла руку, все увидели, как обтрепался её рукав:

– Тихо! В честь нашего бала... мне даже забавно выслушать глупый вопрос этого самозванца. Спрашивай.

Скелет бухнулся черепом о землю:

– Спасибо, о, великая! Так вот, – начал он свой вопрос, – когда я был отроком, в город пришли немцы в касках, они ездили с фургончиком по улицам, ловили людей, запирали в него, а оттуда извлекали трупы.

– Да, – печально вздохнула Смерть, – помню такое. – Но это не по моей вине.

– И вот раз нарвался на фургончик и я... Кинулся бежать, а фриц в каске, с автоматом – за мной! Я уж слышу за спиной топот кованых сапог, да юрк в подворотню... Смерть, то есть ты, наступала мне на пятки, а я остался жив. Жил-жил, и вот в тепле, в своём доме, окружённый заботой и любовью, заболел. Как меня ни старались спасти, всё-таки умер. Спрашиваю, почему, когда Смерть дышала мне в ухо, я остался жить, а когда вся больница боролась за мою жизнь, умер? Почему??? Как так?? Где логика?

– У-у-у-у! – взвыли придворные во весь голос.

– Действительно, – разочарованно произнесла Смерть, – глупый вопрос. Господа, объясните этому непонятливому, – попросила она своих слуг.

– А ты что, хотел молоденьким помереть, малоумный? – язвительно зашамкала древняя Чума. – От трудов жизни избавиться?

– Нет, нет! – отполз назад скелет. – Не хотел! Я и в старости-то не хотел умирать, я б ещё пожил... я б жил и жил!

– Неблагодарный, – качнула фатой Смерть, – ему дали прожить положенное, а ему всё мало. Дай им палец, этим смертным, они и руку откусят. Бессмертия возжелают! Время твоё пришло, ты это понимаешь?

– А врачи говорили, ещё б мог пожить, – захныкал скелет.

– Мог бы, пожил, – Смерть потеряла к нему интерес и отвернулась.

Скелет стукнул себя костяшкой рук по черепу:

– Как же я раньше не подумал! Всё правильно, всё справедливо! Ведь всё-таки жизнь-то я прожил... – и земля его поглотила.

– Не знают своего места людешки, – сетовала Смерть. – То аборт здоровым делают, то недоносков выхаживают. Все в мой департамент вторгаются, хаос и неразбериху вносят. Но я остаюсь непобедима, ибо всё имеющее начало имеет конец.

Она величественно откинулась на спинку трона и трижды ударила в ладоши, придворные поддержали её аплодисментами, а затем запели гимн:

*Императрица императриц,
Всецарица царей и цариц,
Снизойди, появься, прикоснись!
Дай упасть пред тобою ниц!*

– Бал! Начинаем наш бал! – крикнуло Злодейство, когда гимн закончился, выхватило секиру, побежало в бор и срубило огромное дерево. Оно шатнулось, накренилось и упало в чащу. Оттуда понеслась музыка Шнитке. Придворные стали хвататься кто за голову, кто за подбрюшье и ломаться в такт этой какофонии, построенной на насильственной смерти Гармонии. Её Величество Смерть, которой подали косу, бросила на неё нескончаемую фату, села сверху, как в гамак, свесила ноги и стала кружить над поляной. Смерть тоже хваталась за виски, область сердца, касалась колен, корчилась в конвульсиях под стать звукам Шнитке, сливаясь с их разрушительным шквалом и поднимаясь с каждым кругом всё выше над поляной, пока не унеслась в воронку начинавшего утренивать неба.

Смерти надо было срочно приниматься за работу, чтобы наверстать упущенное за время пира; ведь обычно в мире не проходит ни секунды, чтобы кто-то не умер. А ещё и надо успеть переодеться в повседневный саван. Министры, фрейлины и пажи Ея Величества со скоростью манекенщиц во время показа

сбрасывали с себя фраки и бабочки, фижмы и фермуары и надевали рабочие рубахи, халаты и фартуки да засучивали рукава, оголяя костлявые хваткие руки.

2012 г.

Зеркалотерапия

На всем белом свете существует одно Мировое зеркало, разлитое по рамам прихожих, вестибюлей, будуаров, гримёрных, по танцевальным залам, индийским мозаикам, крышкам пудрениц и серебряным или деревянным рамочкам с изящной ручкой, а еще по приспособлениям для обзора в автомобилях и разной прочей технике.

Мировое зеркало правдиво, как уста младенца. Оно всегда честно и справедливо отражает всё, что попадает в его поле зрения. Если за вами едет внедорожник с включенными фарами, зеркало никак не отразит карету Людовика XVI, на которой он пытался совершить побег. Другое дело, что люди не всегда видят эту правду. Это, конечно, не относится к зеркалу автомобиля, а к тому, которое висит в прихожей, куда глядятся, прихорашиваясь. В нём зачастую видят не то, что есть на самом деле, а то, что хотят увидеть. Даже в пословицу перешло: если два человека смотрят на одни и те же ворота, они видят двое разных ворот. А уж если глядятся в зеркало...

У Люсиль Павловны Холён-Бородавкиной, преподающей русскую литературу на филфаке, с зеркалами с недавних пор пошла какая-то несурзаца. Отчитает Люсиль Павловна положенные часы, корректно, согласно предписанию Министерства иллюминации, конформиста в литературе назовёт пророком, госпропаганду искусством, графомана гением, о гении упомянет как о недоразумении, социальном, о гениальной пляде умолчит (академический час короток), удаление из программы «Горя от ума» поддержит, дескать, это неактуально, осталось одно горе, а нужны положительные эмоции и так далее. В определении течений, направлений переведёт стрелки (литературное течение – не речное, можно и вспять, и по другому руслу прогнать), одним словом, и начальство удовлетворено, и студент загружен. А ежели найдётся белая ворона, то бишь чёрная овца в стаде, которая возблеет некое сомнение или вопрос наивный задаст, Люсиль Павловна с высоты своего академавторитета назовёт овцу странной, стадо заблеет на неё в один голос и наивная бяша поперхнётся так, что уже никогда голоса не подаст. Одним словом, всё шло гладко у Люсиль Павловны: и овцы целы, и волки сыты. Однако студенты – будущие учителя и учёные, не овцы всё-таки, но какое это имеет отношение к их пастырю, Люсиль Павловне? Коль учёные, то и разберутся сами; быть может, потом.

И вот с некоторых пор стало твориться невесть что, ни в какие ворота не лезущее, а именно: подойдёт Холён-Бородавкина к зеркалу, хоть в общественном сортире, хоть у себя в квартире, взглянет с немим вопросом, а хороша ли я сегодня, славно ль выгляжу, а ей зеркало в ответ:

*Ножки, ручки – закорючки,
Нос-огурчик переспел,
В голове песок, колючки,
Смесь отравленных плевел!*

Люсиль Павловна в ужасе шарахается, а зеркало даёт трещинку, трещину или пробоину, как будто пулей прострелено. Дома у Люсиль Павловны все зеркала посечены трещинами, как земля в засуху; треснуло зеркальце в пудренице, а Люсиль Павловна, несмотря на ручки-ножки, огурчик, считала себя неотразимой красоткой, стройной, привлекательной, холила себя, пудрилась, красилась на широкую ногу дорогой косметикой, увешивалась бусами, серьгами, унизывалась перстнями и прочим, в соседстве с чем её огурчик выглядел огурцом, а ручки воистину закорючками. Дома зеркало осыпалось осколками на пол, и пришлось приобретать новое – расход досадный. К новоприобретённому Холён-Бородавкина приблизилась с опаской, взглянула исподлобья украдкой: я ж ведь прелесть... А и новое туда же:

*Ножки, ручки – закорючки,
Нос-огурчик переспел,
В голове песок, колючки,
Смесь отравленных плевел!*

И треснуло, да прям по диагонали, из угла в угол перечеркнуло отражение. Люсиль Павловна переполошилась не на шутку: «Сдаётся, я заболела... страшной какой-то болезнью... науке неведомой», – и

срочно записалась на приём к терапевту. Терапевт – дядька здоровенный, с закрученными усами и глазами ребёнка. Рассказала ему Люсиль Павловна, что к какому зеркалу ни подойдёт, оно кричит и даёт трещину.

– И что же оно кричит? – полюбопытствовал врач.

Люсиль Павловна глаза потупила, но делать нечего, у врача не на лекции – надо говорить правду, и промямлила:

*Ножки, ручки – закорючки,
Нос-огурчик переспел,
В голове песок, колючки,
Смесь отравленных плевел.*

– Вы ж вроде преподаватель, говорите же ясно, иначе не разберу.

Люсиль Павловне пришлось повторить.

– Так чего вы от меня хотите? – удивился терапевт. – Вам же с зеркальной ясностью сказано: в голове песок, колючки, отравленная смесь. Надо лечить голову, провести срочную дезинтоксикацию, иначе доза отравления станет смертельной, а без того будете каждый день новое зеркало вешать, – вынес вердикт эскулап, не моргнув своими глазами ребёнка. – Зеркало-то видит, что есть.

Люсиль Павловна хотела закричать благим матом: «Не зеркало, а таких, как ты, надо вешать!», но всего лишь возмутилась:

– Какой песок? Какие колючки? Я женщина образованная, культурная, голову по средам мою! – и побежала жаловаться главврачу.

Тот велел ей сдать анализы. Песку не нашли, только сахар в моче, колючек тоже, в голове обнаружили некую серую смесь, но происхождения её медицина определить не в состоянии. Терапевту, здоровенному дядьке с усами, пришлось уволиться по собственному желанию, иначе б уволили без права наёма по специальности. Но и дела Холён-Бородавкиной шли не лучше. Из дома она вынесла все зеркала, вернее, их осколки, но из пудреницы зеркало никак нельзя устранить: огурчик-то требуется припудрить. Треснутое зеркальце слабым голосом издыхающего птенца пищало:

*...Нос-огурчик переспел,
В голове песок, колючки,
Смесь отравленных плевел!*

Да пудреница – это ещё куда ни шло, это сор в избе. Но ведь Люсиль Павловна – субъект общественно активный. Ходит в театры, а театры – это царство зеркал (а значит, Мирового зеркала), первое же, в которое она исподтишка, бочком взглянула, завопило:

*Ножки, ручки – закорючки,
Нос-огурчик переспел,
В голове песок, колючки,
Смесь отравленных плевел! –*

и дало трещину. Все оглянулись на Люсиль Павловну, но она сделала вид, что она не при чём, и вместе со всеми стала возмущаться вандализмом неведомых хулиганов.

Холён-Бородавкина решила показаться зеркалу в солнцезащитных очках, приобрела со стёклами побольше, которые делали её похожей на стрекозу (особенно в сочетании с её малым ростом), и подкралась к зеркалу прямо в универмаге – зеркало молчит, но и Холён-Бородавкина себя плохо видит: напудриться, скажем, очки мешают. Вот она и приподняла очки с носа. На свою голову. Зеркало взорвалось и проорало, будто физрук в громкоговоритель:

*Ножки, ручки – закор-р-р-р-р-р-ючки!!!
Нос-огур-р-р-чик переспел!!!
В голове песок, колючки!!!
Смесь отр-р-р-р-р-авленных плевел!!!*

И плевков зеркальной пылью. Теперь в голове Холён-Бородавкиной был не только песок, колючки, смесь плевел, но и плевков из пыли. В таком состоянии забрала Холён-Бородавкину «скорая». Но в отделе ей ничем не могли помочь, она стала рассказывать про зеркала, кричащие, что в голове у неё песок и подобное, о чём мы уже слышали. Песку не нашли, плевков из пыли удалили вместе с волосами, а Холён-Бородавкину отправили в дом для умалишённых.

Там психиатр на приёме грозно спросил:

- Фамилия?
- Холён-Бородавкина.
- А девичья?
- Это и есть девичья.
- А-а-а... – что-то сообщал психиатр. – Это, видать, по отчиму фамилия, а по отцу?

Холён-Бородавкина сжалась: откуда ему известно, что мать вышла замуж повторно и дала ей фамилию отчима? Психиатр увидел её терзания и сказал:

- Мне ж лечить вас надо по наследственности, а не по документам. Вы хотите вылечиться?
- Хочу, – промямлила Люсиль Павловна.
- Хотите выздороветь, следственно, признаёте себя больной. А раз хотите, говорите, кто отец-то?

Люсиль Павловна прошептала фамилию отца.

– Я так и знал! – кивнул психиатр. – Всё понятно! Истина прописная! У вас вообще синдром тотальной боязни и потенциал к суициду...

Люсиль Павловну разместили в палату с ограниченными возможностями: там, если бы ты и захотел самовольно распрощаться с жизнью, то только одним путём – прекратить потреблять тошнотворное больничное питание. А кто ж тебе это позволит?

Но скоро и на улице Люсиль Павловны был праздник. В дурдоме везде, кроме помещений для персонала, висели кривые зеркала. Люсиль подошла к одному, а оно и в ус не дует, молчит как рыба и трескаться не собирается. Мало того что не собирается, оно отражает чудную красавицу, высокую, стройную, длинноволосую с точёным профилем и ясным, открытым взглядом.

– Ах, – обомлела Люсиль Павловна, – так вон я какая! Врали зеркала: ручки – закорючки, нос – огурчик! А я всегда знала, что я прелесть! Видела себя, представляла такой! Я – красивая! Красивая красавица! А это ж больше, чем первая леди! – и она ритмично закружилась перед зеркалом. – Наконец-то я попала домой! В свой родной дом! Ля-ля-ля!

Люсиль Павловна была счастлива, счастлива!

Не знала она, что кривые зеркала (кривда – есть ложь) не входят в состав Мирового зеркала, а являются его оборотнями, каждый из которых отражает приблизившийся к нему объект, субъект либо на свой манер, либо наоборот: квадрат – кругом, белое – чёрным, серое – блестящим, совершенное – искажённым, безобразное – прекрасным. Закон «в здоровом теле, здоровый дух» здесь работал немного иначе: «от здорового духа начинается здоровое тело». Но и это – палка о двух концах. Потому что здоровое тело и здоровый дух взаимоопределяют друг друга. Следствие их слаженного взаимоопределения – есть красота. Красота – наивысшее благо смертных. Потому Люсиль Павловна не захотела покидать своего нового дома, даже когда её было хотели выпустить оттуда. Она просиживала, простаивала, кружилась целыми днями перед кривыми зеркалами, любовалась собой, писаной красавицей. И кто знает, возможно, это постоянное созерцание гармонии преобразит её внутренний мир, и она перестанет называть конформиста пророком, пропаганду искусством, графоманию гениальностью, посредственность талантом. Впрочем, горбатого могила исправит.

02.02.2013

Алексей КАСАТКИН

Родился 30 июня 1975 году в г. Буй Костромской области. В 1992 году окончил Вологодскую сельскохозяйственную академию в п. Молочный Вологодской области по специальности ветеринарный врач. Служил срочную службу в ВС РФ в Печенгской мотострелковой бригаде. Работаю по специальности. Женат, есть дочь. Стихи пишу с 2008 года. Публикации в 3-х поэтических сборниках и областных и районных газетах, в интернете. Интересуюсь историей России и Великой Отечественной войны. В настоящее время проживает в г. Мурманске.

Переправа

Ветер гладит ласково березу,
Уж, свернувшись, млеет на свету,
Будто истребители-стрекозы
Комаров сбивают на лету.

Вдаль петляет маленькая речка,
Три загиба делаю в версту –
Словно позабытая уздечка
В спешной переправе на мосту.

Издали как маленькие ранки
Тянутся окопы вдоль реки.
Лишь заметны вкопанные танки,
Орудийных башен черенки.

Тишину щемящую тревожит
Только звук пилы да топора.
Водная преграда нам поможет
Продержаться дольше, чем вчера.

Земляные кончены работы,
Рубежа отмерена черта,
Вот бы на подмогу самолеты!
Как шальная детская мечта.

Голодны, изломаны, небриты,
Драпать без оглядки не к лицу.
И пока живые, не убиты,
Не дадим захлопнуться кольцу.

Мясорубку бешеную смерти
Задержать, стреножить у реки.
Поцелуй, пусть в маленьком конверте,
До твоей дотянется щеки...

Будет всё – и подвиги, и слава,
Звёзды на могилах и кресты.
Наведет вот эта переправа,
Сталью бронированного сплава,
Для победы прочные мосты.

Слабинка

Неиссякаемо грустна,
Сняла зима метельный кожух –
Чтоб лучезарная весна
Легла на царственное ложе.

Нагрелось солнце добела,
Березки греет жарким боком
И их прохладные тела
Горячим оживляет соком.

Природа блещет новизной,
Поет душа, трещит сорока...
И как же хочется весной
Попить березового сока!

Да вот они – рукой подать!
Все рядом – сок и банный веник.
Веревку – банку привязать
Да взять в сарае старый велик.

И перочинный нож уже
Раскрыл, в ладони согревая,
Да вот – березка в неглиже
Стоит как девушка живая.

И сердце екнуло: «Не трожь!»,
Рвануло душу наизнанку...
И спрятал я обратно нож
И приготовленную банку.

Поднял с земли велосипед,
Пошел, немного ошалело,
И все казалось, будто вслед
«Спасибо!» девичье звенело.

Так, в первый раз пришел домой
Ни с чем. Нет, кажется мне все же:

Я с рожи то принес с собой,
Что сока чище и дороже.

...Затылок гладит пятерня,
Вот так дают слабинку люди!
Глядишь, так скоро у меня –
Для бани веников не будет.

Из Сталинграда

Секиры солнечного дня
Замах в зените.

Разрубит нынче для меня
Живые нити.

Разрубит точно поперек
Свинцом в атаке.
Какой же ласковый денек!
Для смертной драки.

Отвага, ярость, боль и сталь...
Да трупный запах.
Тут жизни давится хрусталь
В железных лапах.

Там впереди огонь и гарь,
Нам срок разбиться.
Но мы заставим эту тварь
Остановиться.

Изменит смерти перепляс
Судьбу-дорогу.
Знать все решится здесь, сейчас
И слава Богу.

Дождя ни капли, мокнут лишь
Осколки кровью.
Я знаю, письма ты хранишь
Под изголовьем.

Пусть к дому ветер-обалдуй
Несет прохладу
И мой прощальный поцелуй
Из Сталинграда.

Испытание

Плотный мрак, как краюху хлеба,
Свет железным пырнул ножом.
Здесь с землею как будто небо
Обгорелым спеклись коржом.

И бедой тишина брюхата –
Рвется чадо начать игру.
За рекой полыхают хаты –
Факелами в хмельном пиру.

Воронье предвкушает мясо,
Что нарубит стальная плеть.
Кто-то ждет рокового часа,
Чтобы вовремя все успеть.

Этот кто-то всегда уверен,
Будто взглядом горящих глаз,
Он разбудит большого зверя,
Что таится в любом из нас.

Это тысячу раз бывало,
Сколько раз повторится вновь?
Только нечисть клыки ломала,
О простую, как мир, – Любовь.

И сгорая в дыму сражений,
Под ударом судьбы штыка,
Пусть всегда в чередѣ лишений
Твердой будет твоя рука.

В темноте, не теряя духа,
Морду зверя в узде держи.
А косою махнет Старуха...
Где-то – новая будет Жизнь!

Искра

Из недр дымного костра,
Куда – не зная,
Летела яркая искра,
В пути сгорая.

Поймали капли-палачи,
Искру в полете –
Их сотни умерли в ночи
Еще на взлете.

А утром, в тысячи сестер
Вложив всю душу,
Погибнет сам отец-костер –
Дождем потушен.

И будет бледная луна
За все в ответе
И воцарится тишина
В холодном свете.

Но где-то в тысяче миров,
Где стужа гложет,
Быть может, снова кто-то дров
В костер положит...

Александр НЕСТРУГИН

Родился в 1954 году в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Окончил юридический факультет Воронежского государственного университета (1976 г.) Живет и работает в селе Петропавловка Петропавловского района Воронежской области. Стихи публиковались в различных изданиях. Вышли сборники стихов: «Два голоса» (М., «Молодая гвардия», 1988), «Русское имя» (Воронеж, 1993), «Свои снега» (Воронеж, 1999), «Еще цветет кипрей» (Воронеж, 2003), «Лирика» (Воронеж, 2007). Лауреат премии воронежского комсомола имени Василия Кубанева в области литературы (1988), всероссийской литературной премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина (2008). Член Союза писателей России.

Наши реки...

У вас – Кривуша и Татьяна,
И у меня Криуша – вот...
Она – как ссадинка, как ранка,
Что вроде скоро заживет.

Как в дальнем детстве – локоть сбитый,
Когда я с велика летал
И хоронился за раковой,
Чтоб слёз никто не увидал.

Её перешагнёшь, где узко,
Где глубь – заденешь дно веслом.
Но ей кивает трясогузка
И зимородок бьёт челом.

Совсем не думая о вечном,
Мир этот видя без прикрас,
Сберечь умеют наши реки
Ту боль, что вырастила нас.

Что нас учила жить – не плачься,
Губами ссадины студя,
И что-то знача, а не значась,
Тернами в небо уходя.

И в нас живет светло и звонко
То, что с собой не заберём:
И камышовая зелёнка,
И мост, как пластырь, – пузырём.

...Блеснёт, осоку пригибая, –
И мы дыхание таим.
И студим эту боль – губами,
Судьбой, дыханием своим...

Диане Кан,
Евгению Семичеву

* * *

Ты снилась мне, Река,
А я не знал, что снилась:
В груди, как у мыска,
Течение теснилось.

И всё, как наяву,
Как наяву, бывало:
К тому мыску листву –
И луны прибывало...

Восторг. И боль. И злость.
Заката угасанье.
И незнакомых лоз
Знобящие касанья.

Смыкала льды тоска.
Даль полыньёй дымилась...
Ты снилась мне, Река,
А я не знал, что снилась!

Смеялся. И тужил.
Шептал теченью: «Вытай!»
И тем теченьем жил,
Как крутояр подмытый...

* * *

Я на добро не составляю сметы,
С годами не умнею, хоть убей.
Хочу пройти, не заслоняя света
Для тех, кто ниже ростом и слабей.

Конечно, это только в Божьей власти –
Надежду дать, от края отвести.
А я хочу – хоть белый свет не застить,
И тень свою в себе самом нести.

* * *

Быть простором – нет, не получилось,
 Быть дыханьем – может, научусь.
 Вон река морщинками лучилась,
 Я теперь такими же лучусь.

Я на ветер точно так же щурюсь,
 К устью так же путано спешу.
 Стойте, годы, стойте, – я прощу вас,
 И прощенья тихо попрошу.

И скажу вам что-то торопливо, –
 Без надрыва, будто так, шутя, –
 И пойду, как донник, вдоль обрыва,
 Белыми губами шелестя...

* * *

Вячеславу Лютому

Я живу на отшибе,
 У высокой воды.
 Сквозь речные изгибы
 К сердцу вынесло льды...

От казённого сглаза,
 От житейских прорех
 Крайобрывные вязы –
 Мой простой оберег.

Но саднит за грудиной
 На обрыве сквозном
 От строки лебединой,
 Что, как жизнь, на излом.

* * *

Где лодке забытой курят
 Позёмки алмазную пену,
 Гляжу я, как старый пират,
 На даль, потерявшую цену.

И за снеговой пеленой –
 Не льдами сжимаемый остров,
 А брига, что выслан за мной,
 На рифах темнеющий остов...

И голову клонит костёр,
 В глаза мои глянуть робея.
 И лижет мне руки простор,
 Как спасшийся пёс корабельный...

* * *

Дожди проходят садом как свои.
 Скользят оврагом, приминают выгон.
 И достают из тёмной колеи
 Светящий путь к ночным небесным книгам.

И шелесты листвы стекают ниц...
 Рассвет алеет вишеньем, стирая
 В небесной книге несколько страниц,
 Последних самых... Вместо них, до края –

Поля, что вмяты в слякоть по края,
 Лесополос то штопка, то прорехи.
 И вдаль ведет, блистая, колея, –
 И с гусеничной тягой не проехать...

* * *

Когда уходят хутора,
 Крапива жжёт следы.
 Как брошенная детвора,
 Бредут в огонь сады...

И я былое не отдам,
 Не крикну: «Отпусти!»
 Словам, как брошенным садам,
 Всё в польмя брести.

* * *

Городок стоит на холме,
 Приглашает: иди, глазей.
 В туристическом резюме
 Разве этот хромой музей?

Не крылечко и не стена,
 Не вспухающий в горле ком –
 Проседающая страна
 Ухватилась за этот холм!

Где обрыв тополиный сед,
 Где тропа столько тайн таит,
 Вышел к людям небесный свет
 И в рубахе одной стоит.

И хоть дело идет к зиме,
 Видно, он остается тут.
 Городок стоит на холме,
 Где по веку снега метут...

ПОДОРОЖНАЯ

Юрию Перминову

Не холодным словом неприветным,
 Не судьбой, что точно знает край, –
 По столичной стуже майским ветром,
 Поймой зацелованным, гуляй!

Чтобы одуванчиково лица
 Зацвели, где с утра мело.
 И ловила дрожью губ столица
 Платы не берущее тепло...

Сергей ШИЛКИН

Родился 29 марта 1954 года в г. Салавате. Окончил Ленинградский технологический институт имени Ленсовета. Публиковался в журналах «Бельские просторы», «Воин России», «Истоки», «Простор» (г. Алматы), «Литературный Башкортостан», в еженедельниках «Уфимские Епархиальные ведомости», «Истоки», «Провинциальный интеллигент». Проживает в РБ, г. Салават.

Заповедник

Застыл на веки вечные нирванно,
Внимая тишине, гранитный пест.
С Шихан-горы сползают тучи рвано,
Напоминая вымокший асбест.

Стоят холмы подобьем древних скиний,
Горя в лучах, как ангел-шестокрыл.
Осенним утром робко первый иней
Хрустальной крошкой всё вокруг покрыл.

Студёный ключ смывает прах в овраги.
Паук кусты укутал в свой виссон.
Сороки, облачённые во фраки,
Сидят на ветках, погружаясь в сон.

Безудержным верхушек крон качаньем
В тени деревьев мышкует горностаи.
Безмолвье прерывается ячаньем
Летающих вслед за летом птичьих стай.

Клекочет первогодок-ястребёнок –
Просторов неба будущий колосс.
В зелёных иглах пихтовых гребёнок
Застрял туман, как пук седых волос.

Поганый гриб, страхась увидеть лося,
Присел в кустах – иначе шляпка с плеч.
Ползучий гад, в сухой листве елозя,
Спешит скорее на зиму залечь

В сырой земле, во мраке тьмы сурьмяной,
Зарыв себя в своей норе не без
Надежд восстать, когда весной духмяной
Взойдёт светило шанежкой румяной,
Сверкнув на гжели девственных небес.

Испанские мотивы

Мне снова вспомнилось то лето,
Когда над плацем Маргариты
Витали запахи Толедо
С кровавым привкусом корриды.

В ночи мерцают, тлеют астры.
Рвались на бой быки Памплоны.
И в древней лавке на пиастры
Меняли стёртые дублоны,

На стол рассыпав их из банки,
Давно заржавленной от хлорки.
А на балконе две испанки
Сидели с томиками Лорки.

Их тени яркими пучками
Отбросил к стенке зной янтарный.
Так выбивая каблукками
Под страсти наигрыш гитарный.

Стремглав, как дикие гепарды,
Кружилась огненная хота.
И всюду с древком алебарды
Маячил призрак Дон Кихота, –

Блажного стража Реконкисты, –
Как зыбкий пар над каппутино.
А там, где вглубь аквалангисты
Нырjali, пенилась пучина, –
Так салютуют каравеллам,
Навек застрявшим в иле плотном.

И время, в ритме чёрно-белом,
Стекало в вечность по полотнам
Неукротимого Дали...

Аленький цветочек*Жене Светлане*

По дремучим по лесам, по садам-баштанам
Ты сбежала от меня к острову Буян,
Где ревущие ветра гнут стволы каштанам
Да вдоль берега шумит лишь трава-бурьян.

Кружат звёздами в дыму мириады точек.
Горечь выела глаза – не видать ни зги.
Почернел моей любви Аленький цветочек.
Что же делать мне теперь с горя и тоски?

Зло накинулась судьба на меня Полканом.
Подрубил меня мой рок, как топор сосну.
Утоплю печаль-тоску в зелени поганом –
Выпью чарку я до дна и в траве засну.

И приснятся мне во сне страшные картины:
Реет рваных облаков драная фата
На верхушке от ветров стонущей жердины.
С неба падает стеной чёрная вода.

Между мною и тобой тридевятьземелье.
Кружит прахом тыщу лет ветер-ураган.
Я очнусь, преодолев тяжкое похмелье,
И пойду тебя искать хоть на Удокан.

Плешей скошенной травы выцветшие ситцы
Лягут вдоль моих путей лентами торок.
Посулите счастья мне, кумушки-зегзицы.
Я найду его, пройдя тысячи дорог.

По Полесью и горам, сельгам и Ополью,
Суждено не одному сбиться сапожку.
Вырвав сердце из груди, чтоб забыться болью,
Я угольями его вновь цветок зажгу.

И познаю наконец радость и веселье,
Сбросив тяготы невзгод в пляске трепака.
Мою душу отравлять перестанет зелье.
Буду громко песни петь.

Буду...

А пока...

В голове моей туман. Боль в душе усталой.
Бьётся с сердцем невпопад жилка у виска.
Верю, снова полыхнёт мой цветочек алый.
Уходи же поскорей, чёрная тоска...

Канун

Живя с собой в гармонии певучей,
Был мир един, без видимых прорех.
Но в унисон Божественных созвучий
Вошёл разладом первородный грех.

Вращался мир пружиной столетий.
Кружился прах, мелькали свет и тень.
И был тот день не первый, и не третий,
И не седьмой. То был предсудный день.

И чтобы дух вселенского покоя
Вернулся вновь в разрозненную твердь,
Господь простил эдемского изгоя,
Решив принять рождение и смерть.

Из милости, любви и состраданья
И в подтверждение нашего родства
Нанёс Он на картину мирозданья
Последний штрих звездой Рождества.

То был канун великих потрясений –
Мессии появления канун.
А началось всё в тёплый день весенний.
Всё раньше началось за десять лун.

Под ночником, горящим еженочно,
Она Ему молилась без конца.
И Кто зачат быть должен непорочно,
Послал Марии вещего гонца.

И от Любви, Надежды и по Вере,
От чистоты распалась ночи мгла.
Внутри Её души раскрылись двери –
Что будет с Ним, Она прозреть смогла.

Судьбу увидеть дал Творец Марии.
Вдали гремела вешняя гроза.
И в отблесках природной феерии
Из глаз текла кристальная слеза.

Март исходил. Еще денёк – другой.
Она своею хрупкою рукой
Огонь поправила. Вдруг заплясали тени
На той стене, как на античной сцене.
И снизошёл Божественный покой.

И трепет ощутив на детской коже –
Близка, близка, близка Благая весть! –
Она вскричала: «Аве, Отче, Боже!
Как хорошо, что Ты на свете есть!»

Ирис ВАРДАНЯН

Кабесео

Я подмигну тебе тайком, взгляну украдкой
И, оробев, вдруг быстро отвернусь.
Направлю в пол глаза. Измучаюсь догадкой –
Поймал ли ты мой взгляд смущенный и дождусь
Ли я ответа твоего и приглашенья?
Я вся дрожу от танго-предвкушенья!

Когда ж в твоих глазах особый блеск замечу,
Пойму – наш выбор друг на друга пал
(О том, чтоб не понять этот сигнал,
Иль перепутать – быть не может речи!)
Я буду знать – пойдешь ко мне навстречу,
Станцуем, как никто не танцевал.

Танго

Чарующие звуки танго с первой ноты
Волнуют сердце. Пламенем сжигают
Все лишнее, вдыхают жизнь в пустоты
Души, мгновенно раны заживляют.

Нет ничего в тот миг, когда ты слышишь
Аккорды первые – лишь музыка и страсть.
Вдруг по-другому смотришь, по-другому дышишь,
Вдруг ощущаешь – ум теряет власть,

Погрязнув в паутине взглядов томных.
Почти невидима связующая нить
Манящих глаз, как будто бы влюбленных.
Но лишь твой взгляд, упорно, как магнит,

Меня притягивает, словно омут, манит.
Я смущена. Ты понял мой призыв.
В моих сетях ты – я в твоём капкане.
Ты направляешься ко мне и, глаз не опустив,

Протягиваешь руку, приглашая,
Как джентльмен, с тобою танец разделить,
«Да!», – шепчет сердце, лишь от мысли тая
Прижаться к твоему, услышать, как стучит,

Почувствовать твой импульс, подчиниться,
Довериться, отдаться целиком
И следовать, без страха оступиться,

Не видя ничего и никого кругом.
Я знаю – быстро, будто незаметно,
Наш миг пройдет. Но мне его не позабыть.
Быть унесенным танцем, словно ветром –
Одна из ярких граней бриллианта БЫТЬ.

* * *

Мы встретились с тобой совсем недавно.
Нарочно, знаю я. Не может быть – случайно.
Возникла вдруг волна необычайной
И страшной силы, коей нету равной.

С тех пор чувств непрерывна круговерть.
Миг без тебя – и мне уж одиноко.
Глаза твои, как гладь озер глубоких –
Раз окунувшись, навсегда теряешь твердь.

Мы вместе лишь на несколько мгновений,
Невыносимо колко-быстротечных,
На пару искренних, но нет, не бесконечных,
Наполненных душой прикосновений.

Душа к душе...

Душа к душе, глаза в глаза и сердце к сердцу.
Висок к виску. Моя рука в твоей руке.
Весь мир остался где-то вдалеке,
За ведомой лишь нам хрустальной дверцей.

Будто одни остались мы вдвоем –
Лишь я и ты. Лишь танец, лишь стремленье
Единым целым стать на музыки мгновенье,
Прочувствовав гармонию её.

Дыханьем жарким, искренним касаньем
И сладко-терпким запахом волос
Сказать друг другу всё нам удалось.
Не нарушая внешнего молчанья.

Наш маленький мирок – увы! – недолговечный,
Но столь уютный, светлый и родной.
Он полон, как сосуд – живой водой,
Взаимопониманьем бесконечным.

Мы – танец

Ты – яркая звезда на темном небосводе,
Я – заблудившийся корабль в бурных водах.
Я – путник, ты – мой гид-путеводитель.
Я – твой автомобиль, ты – опытный водитель.
Я – твой кристалл, а ты – моя оправа.
Из благородно-золотого сплава.
Ты – для моих картин изысканная рама,
Я – прихожанин, гость в твоём священном храме.
Ты – власть, я – твой послушный исполнитель,
Порой – преступник, злобный нарушитель.
Я – дикий зверь, ты – смелый укротитель,
Я – твоя муза, ты – мой вдохновитель.
Неоспоримо – разные мы. Но
Мы – танец. Мы – движенье. Мы – одно.

Валерий СИФОРОВ

Родился в 1959 году в Донецке. Школа, армия, вуз, работа на Сахалине по направлению. И снова Донецк. Женат. Двое детей. Сейчас на пенсии.

Снегопад

Снегопад занавесил все окна.
И спустилась с небес тишина.
Смытой краскою глянцево сохнет
Акварельный рисунок – зима.
И уже не понять, что не сбылось,
Что утратой на сердце легло.
Лишь слезой по рисунку скатилось
Разноцветное лето моё.

Письмо

Касаясь бережно рукою,
Я томик старенький открою.
И вновь тоска-печаль немою
Придёт к Ионе той зимою.
И вновь Каштанка с лаем мчитса
Через ряды и лижет лица.
Вновь Ванька Жуков засыпает
И видит, будто дед читает...
Письмо.

Слово

И пусть слова банальны и просты,
В молитвы те слова я собираю.
И радугою до небес мосты
Спасают души и уводят к раю.
Земля, умытая дождями как слезой,
Вдруг обретает силы к жизни новой.
Через страдания находим мы покой,
Через молитву мы находим СЛОВО.

Одуванчики

В жёлтых сарафанчиках
Посреди травы
Кружат одуванчики,
Грации полны.

Но не долгоданец их,
Распадётся круг,
И развеет ветер стих –
Серебристый пух.

Идальго

Вставай, брат Санчо. Кровь из носа,
Пора нам вновь с тобою в путь,
И Дульсинею из Тобосса
Прославить где и как-нибудь.
Вставай скорее, лежебока,
Седлай коня и вьючь осла.
Сразимся с кривдой и пороком,
Свершим столь славные дела,
Что вспомнят после нас потомки,
Воздав нам похвалу и честь.
Да не забудь с собой котомку,
Ведь рыцарь тоже должен есть,
Чтобы своею дланью мощной
Стереть с лица земли всё зло.
И невозможное возможно.
А знаешь, друг. Нам повезло.
Всё – прах. И царские гробницы
Разрушат время и ветра.
А мы вдвоём вольны как птицы,
Вставай же, Санчо! Нам пора.

Сероглазый король

Сероглазый король меня долго искал,
Сероглазый король, ты, наверно, устал.
Проходи, вот очаг, вот он стол, накормлю,
А потом тихо песню тебе пропою.
Будет сниться тебе солнцем залитый луг.
Сероглазый король – мой наперсник и друг.

Смешной человек

Шёл по улице однажды
Человек смешной,
Улыбался встречный каждый,
С виду небольшой,
Весь неловкий, неуютный,
Странно был одет,
Спотыкался поминутно
Сам себе вослед.
Он мечтал, не замечая
Ничего вокруг.
Он мечтал, о чём не знаю,
Но всё шире круг
Расходился по планете
От его мечты.
Он мечтал. Смеялись дети.
Улыбнись и ты.

Татьяна СКРУНДЗЬ

Родилась в 1982 году в г. Липецке, где и живет до сих пор. В 2009 году поступила в Литературный институт им. А.М.Горького. С 2010 года публикации стихов в изданиях родного города (журнал «Петровский мост» и газета «Молодежный вестник»).

Подборка «Рыбы»

рыбы

где-то рядом с Евангелием.
милостыня. человечество.
земля моя обетованная.
пустыни лесов и рек.
не восхваляли б ангелов
в мерзости и бесчестии!
кто продал страну нашу в этот
сумрачный лживый век?

иконы скорбей непонятых.
печаль на обликах праведных.
хищные рыбы сонмами
мечут мамону икру.
я ли не ознакомлена?
танцую забавы ради их?!
а мне бы пойти и слёзы лить
за рабскую их игру.

вот. я сейчас в беспамятстве
пеплом посыплю голову.
а там, за орбитой таинства –
растворённый в мире кислород.
рыбам плевать на равенство.
страна продана, бестолковая.
но рыбы не знают ревности.
не для стихов им рот.

я, слабая, выхожу на улицу.
об лица хмурые стучаюсь.
у самой под глазами угрюмится
жилка рабы греха.
какому безумному Улиссу
в череп пришло – задумаюсь –
любить меж Сцилл и Харибд России
несчастные ее потроха?

а на паперти духом нищие.
амфибии нелюдимые.
в воздухе грязном ищущие
питательный свой планктон.
вот бы упасть в корневище
страны и обнять родимую!
Бог, Ты не можешь позволить им
восстановить Парфенон!

гляди же, Бог! здесь заблудшие
по раю шляются пьяными.
рыбы не знают лучшего
в своей водяной тоске.
имеющий уши да слушает.
стихи говорить смутьянам, но
тот, кто мне сердце выдернул,
изжарит его в песке.

в глубине самого Евангелия
милостыня человечеству.
земля моя обетованная.
пустыни лесов и рек.
не восхваляли б ангелов
в мерзости и бесчестии!
кто продал страну нашу в этот
сумрачный лживый век?

рыбы не выживут в воздухе.
родина-океанариум.
но слышно в далеком отзвуке
Давидовую псалтырь.
больно царапаюсь острыми
Российскими галунами я.
Бог! да проткни ж в моем нутре
плавательный пузырь!

* * *

Всем головам голова –
бабушкина, старушка...
Теплится жизнь едва,
круглая, будто сушка.
Мне бы поплакать за них за всех,
но я и себя не оплачу...
Всходы озимые; мой посев
вышел совсем иначе,
чем ожидала больная я...
нынче сама как сушка –
дырка сквозная через меня,
и голова – старушка.

Az Вeдaiи Бoгa

наведи в своем сердце порядок
саженцы ровных грядок
подрастают, цветут, плодоносят
о рождении своем не спросят
только бы лил теплый дождь
старый толстый дуб-вождь
сыплет на землю желуди
подбирай смолоду
пока не отсохли руки
не одолели глюки
азы, веда и буки
говорят тебе голую правду.

Любо жить!

Спи, покуда ночь длинна, свято-любчик мой.
Снов текучих череда под рукой.
Ночь пройдет – была ли? Нет?
Мигом в прошлый день.
Будешь буднями воспет. Им не лень.
А во сне и блудный – чист, как родник святой.
Верись, нет, а побожись твердою рукой.
Образа твой сон глядят букой из угла.
Спи, родной... глаза болят, густо душит мгла.
Спи, пока сама Земля хоть трещит по шву.
Я в ладонях от огня – сберегу.
Любо, любо, милый, жить! Сроком не кичись.
Как начнет собака выть – помолись.

* * *

Я одиночеством упыюсь как вдохновеньем,
Изрезав крылья исполинские тоскою.
И возвестит любовь исчезновеньем
О приближении последнего покоя.
В темнеющих глазах, укрытых тайной,
Блеснет искра несбыточного счастья.

Я навзничь упаду, скользнув нечаянно
По льду души твоей, старухой-клячей.
И примет меня теплое блаженство
Небытия. Распахнуты объятья
Широкой вечности. И в этом совершенстве
Узнаю идолов любовного проклятья.

Расстрел

Здесь завершится маскарад и гнет неволи.
Я выхожу, как на парад, на Божье поле.

Я выхожу, как на ладонь Его прямую –
на перекресток роковой расстрельной пули.

Рубаха рвется на груди, бушует ветер.
Как хорошо, солдат, гляди, на белом свете!

Через минуту сгину я с лица планеты,
И темный звон небытия уступит свету:

на перекрестке роковым с последним словом
я упаду, но с торжеством любовь Христову

в раскате выстрела ружья на миг узнаю.
И бледный ужас палача прощу.
Прощаю.

Твои женщины

Они пишут тебе в никуда длинные письма,
скрываются за осенью и плачущим листопадом;
потом за сугробами и гробами, что всегда рядом
с наступающими холодами и солнцем за облаками,
которое некогда их возродило из праха.

Они, словно овощи, береженные в старом погребе,
сухие и немощные, в ожидании скорой разлуки
молчат и молчат до поры, и ломают худые руки;
потом говорят – прощай – и уходят в небытие,
освобождая тебе путь для новых завоеваний.

Они не глядятся в зеркало, и не знают живую воду,
не знают ни пропасти, ни одного варианта спасения;
познавая тебя, свидетельствуют откровение,
провожая тебя, умирают и возрождаются снова...
слизывают подтеки кровавые со своего сердца.

Падая в преисподнюю, я пожелаю тебе не мучиться,
падая в преисподнюю, с именем твоим на устах,
падая в преисподнюю, я пожелаю тебе сквозь страх
найти хоть одну из тех, что на дне колодца,
слабость твою наблюдая, верили в твою жертву.

Антоанета ЖАКОТЭ

Родилась 6 мая 1995 года в Софии, Болгария, откуда уехала, будучи двухлетним ребенком. По-русски начала говорить еще в трехлетнем возрасте. Два года жила и училась в школе в Москве. В настоящее время ученица кишиневского лицея.

Герцогиня

(Отрывок)

Эх, старость – беззубая карга, хрипло смеющаяся над моим гробом! Но нет, я ей не сдамся! Я силен, я молод, я выстою перед пургой и не замерзну! Я буду жить!

И вот среди вьюги всплывают лица. Они появляются быстро и незаметно, такие одинаковые в своей усталости и неземной тоске. Все как одно просят меня их спасти. Протягиваю к ним руки – но лишь ветер вонзает острые иглы в кожу. Я плачу и кричу от обиды, как пятилетний ребенок: нет, не уходите, мои любимые друзья! Не исчезайте!

Холодно и мрачно. Я дрожу, а огонь так далеко, что еле-еле виднеется оранжевой точечкой на черном горизонте. Темно, всюду – траурная вуаль...

Вздоргнув, я просыпаюсь. Теплый плед согревает плечи, у ног горит пламя. В комнате утихают последние ноты модной баллады некоего молодого композитора, приглянувшегося императрице. Черный рояль блесит в темно-синих сумерках угла, криво отражая мебель и слабый свет. С трудом различаю в размазанной карикатуре себя, такого уродливого и страшного. Увы, я больше не сплю, и время вновь стало покровителем всего.

Эх, годы, когда вы прошли?! Все эти дни ждал начала жизни, а она семьдесят лет как началась! Годы, годы – ласковые обманщики и коварные любовники! Вы забрали у меня все, чем я и вправду дорожил, настоящей стоимости коего знал, притом упорно стали лишать с первых дней моего осознанного бытия, оставляя только золото да славу. Кому нужна материя, когда нет души?!

И вот теперь я немощный старец, страдающий «бронхитом», который якобы сведет меня в могилу. За моей спиной лишь пара верных слуг и целая орава жадных до моего богатства наследников, считающих себя значимыми в моих глазах. Двоюродные племянники и троюродные сводные племянницы! И весь построенный с таким упоением и щепетильностью мир будет сметен с лица земли этой саранчой! Господи, спаси мою бедную душу и сделай так, чтобы спаслись и мои деньги: ни мне, ни им – отдам в детский дом и церковь.

Словно услышав мою мольбу, Всевышний посылает на меня очередную волну удушливого кашля. Точно, умираю! Глотаю воздух, как рыба на суше, и никто, никто в этом доме не придет и не спасет своего хозяина...

– Дедушка? – нежные тоненькие руки ложатся на мои плечи и легонько сжимают их. Эх, эти тоненькие пальчики, не знающие большей трудности, чем игры на пианино и листания тонких страниц романов!

Чудеса, моя смерть отменяется! По крайней мере, пока мой последний ангел находится рядом. Я как утопленник, хватающийся за соломинку. Только соломинка у меня прекрасная, самая красивая из ныне существующих тростинок. Ее ангельский лик подкормлен тем изумительным и таинственным молодежным излучением, которого замечаем лишь мы, старики. Глаза искрятся синевой небес, и светло-русые

волосы ниспадают на худенькие плечи, словно золотая пелерина. Время ее любит: вчера она резвым ребенком бегала по гостиной за бумажным драконом, сегодня сидит у моих ног, покорная и верная, с сердцем, еще не испытывшим того первого трепета сладкой страсти, завтра она будет сидеть в кресле, наблюдая, как ее чадо играет. Завтра часы станут ее врагами...

– Дедушка, что с тобой? – мягкий голосок прерывает мои невеселые мысли, возвращая в пустующее помещение.

– Ничего, постанываю, ничего, моя дорогая. Кашель вот...

– Может, попьем чаю?

– Нет, сколько можно, – мотаю головой, вспоминая горькую китайскую гадость, которую предписали врачи, – лучше передай мне папиросы.

Она грациозно встает и, будто паря над ковром, подходит к столику. Тихонечко приоткрывает алебастровую крышку и вытаскивает оттуда тугой сверток табачных листьев. Она не знает, что в зеркале напротив видно ее смешное отражение, как лицо искривляется в умильную гримаску, отчего бесшумно смеюсь.

Внучка подходит и передает мне немудреный предмет с коробком спичек.

– Тебе же доктор запретил...

– Дофтор, дофтор, – передразниваю недовольно, – эти дофтора сами курят, а меня хотят лишить единственной оставшейся доступной радости! Ну, всё-всё, не хмурься, милая. Курение – это целая философия...

– И слышать не хочу, – перебивает она, скрещивая руки на груди.

– А о чем хочешь услышать? – наклоняюсь к ней с хитрым выражением лица.

Она долго не думает, ее глаза непроизвольно обращаются к висящему на самом видном месте полотну, бледнеющему во мраке гостиной. Массивная рама тяжело обрамляет хрупкий лик, чьи глаза так же, как и много лет назад, искрятся глубиной и живостью...

Тяжкий вздох срывается с моих губ. Груз на сердце дал о себе знать новым приступом боли. Нет, нельзя винить в этом внучку: столько лет запрещал упоминать о ней, что теперь чувствую себя должным рассказать.

– Хорошо, – тихо соглашаюсь, – хорошо, я расскажу тебе о даме с портрета...

Таисия ДУБОСАРСКАЯ

Проживает в Москве. Училась в Томском университете, по специальности историк. Пишет стихи, прозу, искусствоведческие статьи о современной живописи. Публикации только в электронном виде, в печати еще не было. В этом году два стихотворения публикует Альманах «Дом поэзии. Новая поэзия №2».

Люська

*Пустынно. Глубокая ночь.
Она так же глубока,
Как колодец.
В ней звезды,
И плещется синева
Твоих глаз.
Наверное, сейчас
В тишине
Рождаются слова,
Которые говорят
Один раз.*

- Твоя шмара?
- Люська-то?.. Моя.
- Ваше здоровье, мадам.

Люська была довольна, что их угощают. Припухшие от беспробудного пьянства и побоев глаза ожились, помолодели. Чувствовала, что это из-за нее сегодняшний банкет. Было лестно. Она даже пригладила волосы растопыренными пальцами и положила ногу на ногу для пущей привлекательности.

«Уведет, – подумал он, – молодой, шустрый. Прошлый раз всё паялился».

– Последнее, наверно, тепло, щас как холода закандечат.

Он не отвечал. Зато Люська щебетала и улыбалась, ну что ты, невеста!

«Как пить дать уведет», – опять мелькнула неприятная мысль. Но алкоголь уже растекался по телу, сглаживая шероховатости жизни, освобождая от неприятных мыслей.

«Может, и ничё. Может, он к нам прибиться хочет, к зиме-то. Один не будет бродяжить, определяться надо. Рубаха-парень, по полной наливает, уважает».

- Ёк, ёк, макарёк,
- Птичка ма-а-ахоньякая, –
- запел он хрипло. Ему поднесли еще стаканчик.

Он проснулся на скамейке, там, где пили. Долго вглядывался в темноту мутными, еще не протрезвевшими глазами. Ни Люськи, ни парня не было. Рядом со скамейкой валялись пустые бутылки и мятые стаканчики. Он поднялся. Побрел к дороге. Пустынно. Изредка проносились машины, просвистывали мотоциклы на бешеных скоростях ночной Москвы.

Он присел на бордюр у тротуара и так застыл, со сгорбленной спиной, руками в карманах.

Ночь дышала ознобом. Он начал трезветь. Хотелось по малой нужде, но встать не было сил. Долго смотрел на то, что когда-то называлось ботинками, а теперь будто в навоз наступил. «Увел, сука... И ведь пошла...» Он почувствовал боль в груди и стал раскачиваться из стороны в сторону, чтобы унять боль. «Что с её взять... баба... Смирная баба... не крикливая... Вон, я ей по глазу... Другая бы визжала полдня, а эта ничего... Ни пisku, ни визгу не слышал... Две зимы друг о дружку грелись... Привык к ей...

Как теперь...»

Боль не унималась. На язык просились слова откуда-то из глубины этой боли. Но слова были незнакомые, никогда не произносимые, какие-то нездешние, издалека, из чего-то забытого наглухо. Боль ворочалась недовольно, выталкивая их наружу.

«Люсенька, – наконец выдохнул он. – Люсенька... прости... хорошая».

Сняв вязаную шапку, стал размазывать ею слезы по лицу и сморкаться туда же.

Из темноты вынырнул одинокий прохожий, плотный, коренастый мужчина.

– Извиняюсь, мелочью не поможете? – обратился он к прохожему по привычке.

– Нет, друг, не помогу.

– Люсю у меня увели.

– Кого?

Он не ожидал, что поинтересуются, вздрогнул и поглядел на толстяка.

– Жену.

– Ну ты, мужик, даешь. Жену! Еще скажи, что у тебя тёща есть. – И пошел, довольный своей шуткой.

Даже походка стала легче, как был доволен.

«Пойти пос...ть, а то при такой погоде с мокрыми штанами».

Иван БАНУ

Родился 19 января 1992 года в Кишинёве. В 2011 году окончил с отличием лицей им. Матей Басараб. Неоднократный стипендиат мун. Кишинёва. Лауреат республиканских художественных и поэтических конкурсов. В настоящее время студент 2-го курса Молдавской Экономической Академии, член сборной ASEM по шахматам. Увлекается фотографией, видеосъёмкой и информационными технологиями. Достаточно известный блоггер, главный редактор группы vk MoldovaOpen. Публикуется на порталах Free-Time и AllFun.

Валькирии

Садов нам райских не узреть,
Святым не слышны наши крики.
Но не стремимся мы восстать
В рассветном блике.

Над нами не довлеет зло,
Молва людская нас осудит.
Известно нам всё, что прошло,
И то, что будет.

Не в силах людям мы сказать:
Что в войнах сотни умирают!
Они не могут нас понять
И проклинают.

Сгорая, ведьма на костре,
Сквозь смерть спокойно усмехнётся.
Пусть ей победа не сулит –
Она вернётся.

Ода лени

Как приятно на диване лежать,
Чтоб никто не смог тебя достать.
Дверь на ключ и ключ в замке оставить,
Телефоны и будильник отключить,
Чтоб никто не смог тебя заставить
Встать и суетливой жизнью жить.

Хорошо, когда вокруг спокойно,
Не бежит никто и никуда:
На диване пролежать достойно
Не мешают вожделенных два часа.

И лежишь себе ты на диване,
Хоть никто тебя не достаёт.

На диване жизнь надоедает-
И идешь ты в туристический поход.

Комаров напоишь своей кровью,
На руках своих мозоли ты набьёшь...
Как до дома родного дойдёшь,
На диван свой смело упадёшь
И сначала оду лени ты начнёшь,
А диван псалмами воспоёшь:

Как приятно на диване лежать,
Чтоб никто не смог тебя достать.
Дверь на ключ и ключ в замке оставить,
Телефоны и будильник отключить,
Чтоб никто не смог тебя заставить
Встать и суетливой жизнью жить.

* * *

Мне надоела городская суета,
Мне надоели шум и гам цивилизаций,
Мне надоела прессы жёлтой болтовня,
Шум революций и народных концентраций.

Мне стали близкими покой и тишина,
Сроднился с пением птиц,
Росою, скошенной травой,
Родней, и ближе стали люди из села,
Их вековые сельские семейные устои.

Дуб

Могучий дуб когда-то во поле стоял,
Корнями в землю, а ветвями в небо упирался.
Он облакам и грозным тучам направление менял,
В лицо ветрам и бурям он смеялся.

Не раз от молний ловко ветви уводил,
А по ночам в ряды на небе звёзды строил,

Погоду запрягая без удил,
Показывая нрав свой и устои.

Но шли года, былая удаль с листьями ушла,
Уже не ветви-сучья тело украшают.
Скрипит от ветра исполинова душа,
А ливни дупла донимают...

Теперь ничто ни дню, ни ночи не мешает.
Спокойный дождь пройдёт, созвездия ночное небо
озаряют.

И только месяц тусклым светом
Упавший дуб тихонько освещает.

Гении-Евгении

Слава Богу, у меня
Есть отличные друзья –

Евгений и Евгения.
Да, они два гения!
Ну, а между ними я –

Отставать никак нельзя.
Я стараюсь, я тружусь,
Догонять их не ленюсь.
Буду третьим гением
Жаль, что не Евгением!

Трус

Изначально трусом он родился –
Всё боялся, жался и трусил...
Если бы в утробе струсил – не родился б,
Он бы трусость эту сам себе простил.

Он боялся разговоров, склок и шума,
Дружбы, верности, обиды и любви,
В голове его была одна лишь дума:
«От всего ты сохрани себя и сбереги».

Так он жизнь свою прожил, таясь и прячась,
Ни друзей не нашёл, ни врагов.
Душу труса он берёт, как око,
Как боксёр лицо от тумачков.

Трусость не дала душе раскрыться
И такую воспитала в нём натуру,
Что, умирая, не хотел он с ней расстаться,
Завернувшись в собственную шкуру.

Вокзал

Сквозь вагона окно
Я глядел на вокзал:
Вот входящих толпа,
Рук махавших волна.

Звуки рупора невнятно
Разлетались по перрону,
Суетились пассажиры,
Разлетелись все вороны.

На перроне суетятся –
Суета в вагоны входит.
Пересаживаясь, садятся –
Кто выходит, кто заходит.

Вот качнулся вагон,
Заскрипело нутро,
И поплыл как река
За окошком перрон.

Город быстро сменился
Провинцией милой,
Горизонтом закрылся,
Пробегающей нивой.

Телеграфным столбам
Счёт давно потерял.
Вспоминаю тебя,
Зазывала – вокзал.

* * *

Опять среди зимы тепло,
Опять оттаяло окно,
Защебетали птицы веселей.

Деревья голые стоят,
Шестью листьями шевелят,
Зовут моих друзей.

Грипп разразился не на шутку,
И на душе порою жутко:
То птичий, то свиной.

Опасно стало целоваться.
Мы стали чаще умыться –
Глаза и нос не три рукой.

Но вот морозы скоро грянут!
Извар согреем для друзей
И песнь затынем веселей!

Галина ЗЕЛЕНКИНА

Хрустальное озеро

В давние времена у подножия двуглавой горы находилось небольшое селение, где жили свободолюбивые люди, сильные и добрые. И была у сельчан странная традиция – раз в год, когда зацветёт эдельвейс, старейший из жителей брал с собой юношу, родившегося в начале лета, и отправлялся с ним в горы.

Через три дня они возвращались, и жизнь продолжала идти своим чередом до следующего цветения эдельвейса. И так год за годом и, вероятнее всего, что и век за веком. Так как никто не знал, когда это началось, и тем более никто не знает, когда это закончится. А закончилось это неожиданно и непредсказуемо... Впрочем, всё по порядку...

Когда в очередной раз зацвёл эдельвейс, самый старый в селении пастух по имени Хуго выбрал из трёх юношей, родившихся в июне, высокого черноволосого Давида, сына местного кузнеца.

Магда, мать Давида, узнав о выборе Хуго, не удержалась от вопроса.

– Куда это вы каждый год водите наших сыновей, уважаемый Хуго? Они возвращаются назад другими людьми, – в голосе женщины прозвучали тревога и озабоченность за судьбу сына.

– Они там быстро взрослеют, – уклонился от ответа Хуго и попросил Магду приготовить сыну в дорогу еды и питья на три дня. Что и было сделано незамедлительно.

Едва на горизонте забрезжил рассвет, Хуго и Давид покинули свои дома и по узкой извилистой тропинке отправились в путь. Магда, проводив путников до окраины селения, долго смотрела им вслед, и только когда силуэты старика и юноши скрылись с глаз за большим валуном, женщина вздохнула и отправилась домой, чтобы заняться домашними делами.

Тем временем Хуго довёл юношу до глубокой пещеры, знакомой Давиду по детским играм в ней, и первым вошел вовнутрь. Юноша последовал за ним.

«Зачем мы туда идём? Там же нет ничего интересного», – подумал Давид и ошибся. Привыкнув скользить мыслями и взглядом по поверхности предмета, мы зачастую боимся заглянуть в глубину, так как живём в заблуждении, что истина находится где-то рядом. Иногда, чтобы отыскать самородок истины, приходится перелопатить тонны словесной руды.

Хуго, словно прочитав мысли Давида, подошел к стене и, прислонившись к ней спиной, снял с шеи необычной формы ключ.

– Вы собираетесь открывать стену? – удивился Давид.

– Ты угадал, именно это я и собираюсь сделать, – ответил Хуго и повернулся спиной к юноше, чтобы тот не смог увидеть, в каком месте на стене находится замочная скважина. Но Давид и не собирался подглядывать за Хуго. Уважение к хранителям чужих тайн воспитывалось с детства так же, как и уважение к возрасту хранителя.

Когда послышался подземный гул и пол пещеры закачался под ногами, Давид, юноша неробкого десятка, почувствовал себя неудобно. Чего не скажешь о Хуго, который спокойно стоял у образовавшейся в стене прорези и даже пытался просунуть в неё руку.

Вскоре гул утих, и пол перестал качаться. Юноша увидел, что прорезь в стене достигла размера широкой двери.

– Мы должны туда войти? – задал он вопрос Хуго.

– Да. Озеро, к которому мы идём, находится в центре горы, поэтому другой дороги к озеру нет, – пояснил Хуго необычность выбранного маршрута. – Мы полетим вдоль наружной стены пещеры, сплошь покрытой острыми шипами ядовитых растений, поэтому не прикасайся к ней руками, а также постарайся приземлиться на ноги, чтобы не замутить воду в озере.

С этими словами Хуго, утвердительно кивнув головой, первым шагнул в дверной проём. Давид шагнул следом за ним и, не ощутив под ногами опоры, полетел вниз. От неожиданности он даже вскрикнул, но, вспомнив наставление Хуго, взял себя в руки.

И только тогда, когда Давид почувствовал твёрдую почву под ногами, приземлившись на узкую полосу суши, которая опоясывала озеро, юноша понял, почему его просил Хуго быть точным в приземлении. У озера, которое Хуго называл Хрустальным, не было видно дна, и вода в нём была холодна как лёд.

Давид огляделся вокруг. У него возникло ощущение, что они находятся внутри каменного сосуда

неправильной формы, на дне которого налито озеро. Одна стенка сосуда, вдоль которой они летели из пещеры до озера, была отвесная, а противоположная стенка, напротив, была пологая. На вершине склона зияло круглое отверстие, через которое сыпался солнечный дождь и, упав на гладь озера, вспыхивал сотнями радуг, отчего в каменном сосуде света в солнечный день было всегда предостаточно.

– Присядем! – предложил Хуго, указывая рукой на два плоских камня, сиротливо притулившихся к неровной стене. – Я должен рассказать тебе легенду о принцессе Оландре, её брате Олане и злой фее Хрустального озера прежде, чем попросить тебя об одной услуге.

Давид пожал плечами и, усевшись на указанное Хуго место, приготовился слушать. Но Хуго вдруг передумал и решил сначала проверить Давида – тот ли он человек, который может изменить легенду.

– Если взглянуть на противоположную стену, что на другом берегу озера, то можно заметить прямую, широкую дорогу, которая спускается с одной из вершин горы в озеро, – сказал Хуго и заглянул в глаза Давиду. – Видишь?

– Вижу, – ответил тот, – только дорога идёт не прямо, а под углом.

– Это хорошо, что у тебя особое зрение, – обрадовался Хуго. – Никто из юношей, побывавших здесь до тебя, не смог увидеть дорогу. Она действительно идёт под углом к берегу озера.

Давид улыбнулся. Он понял, что таким способом хитрый Хуго решил проверить правдивость его ответа.

– Первое испытание ты прошел, – сказал Хуго. – Когда выдержишь второе испытание, тогда и расскажу легенду. А сейчас ужинать и спать. Надо успеть дойти до места ночлега, пока большое серое облако не улеглось на вершину горы. Поэтому быстрым шагом за мной!

Едва они успели дойти до ниши, в которой Хуго планировал разместиться на ночлег, как тьма-тьмущая по широкой дороге скатилась с горы и нависла над Хрустальным озером.

В нише Давид обнаружил на ощупь два топчана и сел на один из них. Когда Хуго зажег факел и установил его в специальный держатель в стене, юноша осмотрел довольно вместительную нишу, в которой находились постельные принадлежности в виде звериных шкур и маленький столик, на котором стояла глиняная посуда. Всё указывало на то, что это было постоянное место ночлега.

Ужин прошел в полной тишине. Не проронив ни слова, Давид и Хуго улеглись на топчаны. Юноша сразу же заснул, а Хуго ещё долго ворочался с боку на бок. Наконец и его сморил сон. Проснулись они одновременно, как только луч света пробежал по глади озера, которая от его прикосновения вспыхнула радужным огнём.

Хуго поднялся первым и налил из бурдюка воды в глубокую глиняную миску, из которой ополоснул руки и лицо.

– А почему вы не умываетесь озёрною водой? – удивился Давид и, вскочив на ноги, направился было к озеру.

– Остановись! – приказал Хуго. – Раз в году три дня вода в озере не пригодна для питья и умывания. Только завтра, на закате солнца она оживёт.

– Она что, мёртвая? – удивился юноша. – Разве так бывает?

Хуго ничего не ответил. Он разложил на столике еду и начал завтракать.

– Советую поторопиться, – обратился он к юноше, который стоял как вкопанный и пристально смотрел на озёрную воду.

После завтрака Хуго прибрал посуду. «Может быть, больше не пригодится», – подумал он.

– Сейчас ты пойдёшь один на ту сторону озера. Там, где дорога входит в озеро, ты найдёшь лодку с вёслами. Садись в неё и плыви до середины озера, затем остановись и загляни в глубину. Постарайся достать взглядом до дна. Если увидишь что-нибудь интересное и необычное, то плыви ко мне. А если ничего не увидишь, то вернёшь лодку на место. В любом случае я буду ждать тебя здесь, – с этими словами Хуго покинул нишу и, пройдя несколько метров, остановился у каменной скамейки.

«Откуда она взялась? – подумал Давид. – Вчера её здесь не было».

Но Хуго не умел читать чужие мысли. Он сел на скамейку и вопросительно взглянул на юношу. Давид повернулся и зашагал вдоль узкой береговой линии к месту, где находилась лодка.

Трудно ориентироваться во времени по солнечному дождю. Час ли прошел, или два часа прошло, когда Хуго увидел лодку на середине озера, трудно сказать. Старик заволновался и, поднявшись со скамейки, стал вглядываться вдаль, пытаясь определить, в какую сторону поплывёт лодка. Когда он понял, что лодка движется в его сторону, то с облегчением вздохнул. «Значит, я не ошибся в своём выборе», – подумал Хуго и улыбнулся.

Как только лодка причалила к берегу, он попросил Давида привязать её к ножке каменной скамейки, а сам повернулся и молча зашагал к нише.

– Теперь расскажи мне о том, что ты увидел на дне озера, – попросил он юношу, едва тот вошёл в нишу.

– Я видел прозрачный дом, похожий на дворец, который переливался всеми цветами радуги. А ещё я видел двуглавую птицу. Только не понял, живая она или мёртвая, – ответил Давид, глядя на Хуго блестящими глазами.

– Ты с честью выдержал второе испытание, – сказал Хуго. – Теперь послушай легенду о Хрустальном озере, которая передаётся из поколения в поколение. И вот что услышал Давид...

«Когда-то на одной из вершин двуглавой горы стоял Хрустальный замок, в котором жили шестнадцатилетняя принцесса Оландра и её двенадцатилетний брат Олан. Король с королевой, родители детей, обитали в огромном Каменном 'замке, который был расположен по ту сторону гор. Большое количество слуг и стражников обеспечивали комфортный и безопасный уровень жизни, чего нельзя было сказать об уровне жизни их детей, которые жили весьма скромно. Одна кухарка, одна горничная и четыре стражника – вот и весь обслуживающий персонал Хрустального замка. Но настроение жизни не зависит от тщеславия и завышенных амбиций, поэтому обитатели Хрустального замка жили дружно и весело, и казалось, ничто не предвещало беды. Но беда всегда приходит неожиданно...

Однажды Олан, взяв лук и стрелы, отправился на лужайку перед Хрустальным замком, чтобы потренироваться в стрельбе из лука. На нижней ветке дерева, на стволе которого обычно размещалась мишень, он увидел черную птицу. Она смотрела на него красными глазами и шипела.

«Какая неприятная птица, – подумал Олан, – надо её спугнуть». Он выстрелил, не целясь, в сторону дерева и неожиданно попал в птицу. Та закричала от боли и упала в растущую под деревом траву. Мальчик подбежал к птице и увидел, что его стрела застряла в птичьем крыле. Чтобы облегчить птице страдания, он резким движением выдернул стрелу. Когда же Олан хотел взять птицу на руки, она отскочила в сторону и стала расти, ежесекундно увеличиваясь в размерах.

Принцесса Оландра, сидя в своей комнате за арфой, вдруг почувствовала сердцем что-то неладное и выбежала из Хрустального замка на лужайку. От увиденной там картины она на мгновение застыла от ужаса. Пока Оландра находилась в оцепенении, однорукая женщина в черном одеянии пронзила грудь её брата огненной стрелой, и тот упал на землю, широко раскинув руки.

– Остановись! – закричала Оландра, подбегая к женщине, в которой, по описанию в колдовской книге, она узнала злую фею Горного озера. О злодеяниях этой феи давно ходили недобрые слухи.

– Ты кто такая, чтобы мне приказывать? – спросила фея, смерив девушку взглядом с ног до головы.

– Я, принцесса Хрустального замка, прошу тебя вернуть моего брата в мир живых.

– И что ты мне за это дашь? – поинтересовалась фея, с ухмылкой глядя на Оландру.

– Всё, что пожелаешь, – ответила девушка.

– Хорошо, – сказала фея, – я верну твоего брата в мир живых, но за его возвращение я возьму с тебя высокую плату.

– Проси сколько хочешь золота и серебра, – ответила Оландра, – ничего не пожалею, чтобы брат был всегда со мной.

– Мне не нужен презренный металл, из-за которого люди лишают друг друга жизни. Ты отдашь мне Хрустальный 'замок, а я утоплю его в своём озере, – произнесла злая фея и, взглянув на растерянное лицо принцессы, громко захохотала.

– Он вам больше не понадобится, – добавила она, упреждая вопрос Оландры.

– Я согласна, – ответила принцесса. – Только как ты его заберёшь?

– Это уже не твоя печаль, – послышалось в ответ. Фея склонилась над телом Олана и произнесла заклинание на непонятном Оландре языке.

«Пусть бормочет, что хочет, лишь бы брата оживила», – подумала принцесса.

Злая фея слов на ветер не бросала. Оландра увидела, как порозовели щёки брата, и обрадовалась. А когда Олан глубоко вздохнул и открыл глаза, она бросилась к нему и, крепко прижав в груди, заплакала от радости.

– А теперь я должна выполнить ещё одну твою просьбу, – сказала фея и, пробормотав заклинание, закружилась волчком, с каждым кругом удаляясь от сестры и брата всё дальше и дальше.

«Наконец-то она оставит нас в покое», – подумала принцесса Оландра и ошиблась. Она услышала шум ветра над головой и взглянула на небо. Огромная черная птица кружила над Хрустальным замком.

После её кружения он стал медленно сползать с вершины горы вниз. Впереди летела птица и указывала дорогу. Когда она пролетала над стоявшими в обнимку детьми, то уронила каждому на голову по черному перу. В тот же миг дети превратились в одну двуглавую птицу с белым оперением. Не пристал цвет зла к чистым душам, что вызвало приступ ненависти у черной птицы.

– Так и будете всегда рядом, пока какой-нибудь глупый юноша, рождённый в июне, не освободит вас, прикоснувшись к вашим головам хрустальным цветком, который он должен достать со дна озера. Но за это он сам превратится в хрустальную статую, – прокричала она и скрылась в водах Горного озера, куда сполз Хрустальный замок, чтобы остаться там навеки».

– Вот такая легенда, – проговорил Хуго, не глядя на Давида. – Птица прилетит завтра в полдень. У тебя есть время подумать.

– Я уже решил, как надо поступить, – сказал юноша.

– Не спеши, – остановил его Хуго. – Говорят, утро вечера мудренее. Поэтому дождёмся утра.

На этот раз утро не заставило себя долго ждать. Оно пришло так же неожиданно, как неожиданно сбывается мечта, в которую уже перестал верить.

– Ты не передумал? – спросил Хуго, глядя в глаза Давиду.

– Нет, – ответил тот, не отводя взгляда.

– Но ведь ты погибнешь, – сказал Хуго и тяжело вздохнул. Ему было жаль Давида. Что он скажет его матери?

– Зато спасу две другие жизни, – возразил юноша. – Святая обязанность каждого мужчины защищать женщин и детей.

– Тогда плыви, – дрогнувшим голосом произнёс Хуго и отвернулся, чтобы Давид не увидел предательскую слезу, скатившуюся из левого глаза по щеке к подбородку. Второй слезе удалось как-то задержаться в правом глазу. Старик смахнул обе слезы ладонью и, повернувшись, хотел было обнять Давида. Но того, как говорится, уже и след простыл.

Когда Хуго подошел к скамейке, Давид уже отгрёб от берега и развернул лодку. Старик сел на скамейку и стал смотреть на удаляющуюся от берега лодку. И хотя в глубине души он надеялся на благополучный исход, сердце его ныло от боли.

Тем временем Давид доплыл до середины озера и, встав во весь рост в лодке, помахал рукой. Хуго в ответ поднял вверх руку, но помахать не успел, так как Давид уже нырнул в ледяную воду озера. Теперь старику и юноше осталось только уповать на чудо.

От пристального взгляда Хуго не укрылось то, что лодка пришла в движение. Это Давид, привязав лодку к поясу, стал вплавь добираться до берега.

«Он же простудится, – забеспокоился Хуго. – Вода в озере ледяная». Чтобы убедиться в том, что это так, он опустил руку в воду и не поверил своим ощущениям. Вода в озере была тёплая, словно парное молоко.

– Не может быть! – воскликнул старик и опустил в воду вторую руку.

– Вы решили умыться, уважаемый Хуго? – спросил Давид. Он уже приблизился к берегу настолько близко, что мог хорошо видеть и слышать собеседника.

– Нет! – ответил Хуго. – Я просто решил измерить температуру воды.

– Ну и как? – поинтересовался юноша, подплывая к берегу.

– Купаться можно, – сказал Хуго и протянул Давиду руку, чтобы тот не поскользнулся на гладких камнях, выходя на берег.

– Нашёл? – в голосе Хуго можно было услышать тревожные нотки.

– Вот он! – ответил юноша и достал из лодки хрустальный цветок.

– Да это же эдельвейс, – заметил Хуго. – Как же я раньше не догадался?

Но уже не осталось времени на то, чтобы думать, что и как. Старик и юноша одновременно услышали крик птицы и, не сговариваясь, бросили взгляды на склон горы. Двуглавая птица в белом оперении летела по направлению к озеру. Когда она долетела до места, где обычно была привязана лодка, то снова закричала.

– Когда птица сядет на каменную скамейку, ты прикоснёшься хрустальным эдельвейсом к каждой из голов поочередно три раза и отбежишь в сторону, чтобы не мешать превращению, – проговорил Хуго, с трудом проглатывая слова.

– Всё исполню, как вы сказали, – пообещал Давид и подошёл к скамейке на расстояние вытянутой руки.

Птица не заставила себя долго ждать. Она плавно опустилась на скамейку, и Давид увидел две пары глаз, смотревших на него с тоской и надеждой. Он вздрогнул и прикоснулся хрустальным эдельвейсом к одной из голов птицы. В тот же миг поднялся ветер и послышался гул. Юноша убрал цветок с птичьей головы и вопросительно взглянул на Хуго.

– Не останавливайся! – крикнул тот. – Промедление смерти подобно.

Давид довёл ритуал до конца и отскочил в сторону от скамейки, как и советовал ему Хуго. Стоя рядом, старик и юноша молча наблюдали за превращением птицы в принцессу и её брата. Сначала двуглавая птица разделилась на две одноголовых. А потом каждая из птиц стала терять оперение и увеличиваться в размерах. Спустя некоторое время Хуго и Давид увидели перед собой молодую девушку приятной наружности и её милovidного брата. Дети посмотрели друг на друга и заплакали от радости. Затем Оландра и Олан бросились обнимать и целовать своих спасителей.

– Не трогайте Давида! – обратился Хуго к принцессе и её брату. – Вы можете разбить его.

– Почему? – удивился Олан. Он в это время держал Давида за руку, и рука у того была тёплая и живая.

– Он должен превратиться в хрустальную статую. Такова плата, назначенная злой феей, за ваше освобождение, – ответил Хуго и вздохнул.

– Но мы не хотим этого! – не сговариваясь, трижды в один голос прокричали брат с сестрой, и озеро им ответило глубоким вздохом.

– Посмотрите на озеро! – воскликнул Олан. – Оно уходит.

И все стали смотреть на озеро. Оно действительно уходило через огромную воронку, что образовалась в середине озера над тем местом, где находился хрустальный замок. Когда обнажилось дно озера, то хрустального замка там не оказалось. Только большая груда хрустальных осколков лежала и переливалась всеми цветами радуги при попадании на неё солнечного дождя, а поодаль от неё валялась однокрылая черная птица. Вскоре и груда хрусталя вместе с птицей исчезла, а дно бывшего озера выровнялось и стало обрастать травой.

– Не смогло зло противостоять добру, потому и погибло, – сказал Хуго.

– Значит, проклятие не сбудется? – спросила Оландра, глядя на Хуго широко распахнутыми глазами василькового цвета.

– Получается, что так, – ответил Хуго и, похлопав Давида по плечу, развернул юношу лицом к девушке.

– Девушки любят цветы, – заметил старик.

Юноша покраснел и протянул Оландре хрустальный эдельвейс.

– Это вам на память о нашей встрече, – произнёс он.

– Мы разве расстанемся? – удивилась девушка. – Мы-то думали, что вы возьмёте нас с собой. У нас теперь нет ни родных, ни дома.

– Возьмём, – сказал Хуго. – Люди сирот в беде не бросают.

– А вот и дорога домой! – радостно воскликнул Давид и первым ступил на узкую тропинку, что пролегла по дну бывшего озера до склона горы.

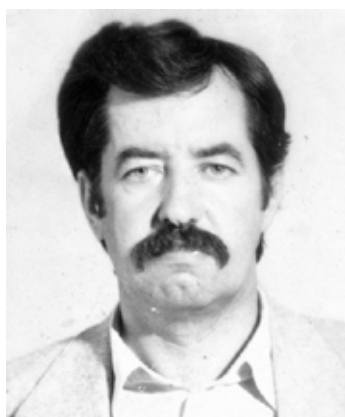
– Даже ворота есть, – заметил Олан и вприпрыжку побежал за Давидом.

Оландра и Хуго пошли следом. Дойдя до склона горы, они вчетвером прошли через радужные ворота, образовавшиеся у основания склона, и оказались на тропинке, ведущей к селению. А ворота исчезли, навсегда похоронив тайну Хрустального озера.

Всё хорошо, что хорошо кончается. С той поры юноши, рождённые в июне, как только зацветёт эдельвейс, отправляются в горы, надеясь отыскать хрустальный эдельвейс, который в народе называют эдельвейсом Давида. Но даже если принесут в подарок любимой девушке живой цветок, то тоже неплохо. Девушки любят цветы.

Иван ДУБ

Как Петря уткой торговал, или Ода столичному туалету

1
Еще и солнце не взошло,
как Петрю что-то потрясло,
как будто катаклизм какой,
да, видно сразу, не простой:
никак, землетрясение –
коры земной движение...
Очнулся Петря, вокруг глядит,
над ним жена уже стоит:
– Да если днем и ночью спать,
не согласится и кровать
тебя на шару содержать...
«Опять придется вставать!
Конечно, лучше видеть сны,
чем надевать... гм-гм... штаны...
А не нальет ли с утраца
супруга кружечку винца?»
– Что? Вновь почудилось вино?
Да ведь кончается оно!
«Не баба – прямо... монитор!*
вина не даст!» – и Петря взор
свой устремляет на забор,
что огораживает двор.
– Погода нынче так себе...
– Как раз такая по тебе!
Чтоб убедиться, так ль оно,
вновь Петря выглянул в окно.
– Поедешь в город на базар!
– Какой такой купить товар?
На Петрю милая глядит
и как начальник говорит:
– Купить, купить... Тебе всё шутки...
Продать сегодня нужно утку!
Да деньги все домой тотчас,
чтоб уплатить за свет и газ...

* Должно быть, Петря считал, что «монитор» – это нечто вроде перископа на подводной лодке.

2
Наш Петря зол и огорчен
(к вояжам* не приучен он!),
хоть головой седой поник,

собрался в путь, как на пикник:
набил карманы табаком,
запасся хлебушка куском,
в карман своих потертых брюк
на всякий случай сунул лук
(А вдруг с бутылкой встретит друг!
А вдруг закусывать! А вдруг?),
и завернул он наконец
в кулек соленый огурец...
Итак, на волю! На простор!
И Петря выбрался во двор...
– Ну что за чертова жена!
Столица, вишь ли, ей нужна...
А на хрена? Ну на хрена?
На воле Петря закурил,
вдохнул протяжно и решил
быстрее к делу приступить,
чтобы больной вопрос закрыть.
Он пальцем утку подозвал
и, почесав в башке, сказал:
– Гм-гм. Тут дело в том, мамаша...
Видать, житуха, значит, наша...
Короче, собирайся в путь!
А там решится как-нибудь...
– Куда же, баде,** знать, на пруд?
А может, попастись на луг?
Готова я, сердешный друг!
– Тут дело в том, что газ и свет...
Да что там?! Хочешь ты иль нет,
придется – уж снеси удар! –
нам отправляться на базар...
Хотя... какой с тебя навар?

* Вояж (франц.) – поездка, путешествие.

** Баде (молд.) – дядя, обращение к старшему.

3
Свернув вторую самокрутку,
сказал беззлобно Петря утке:
– Теперь с родными попрощайся
да чрез минуту возвращайся!
Метнулась, бедная, в сарай:
– Мой добрый селезень, прощай!
Меня почаще вспоминай,
утят на ноги поднимай...
– Да что случилось, кря-кря, ай?
– Э, милый друг, как ни крути,
а от судьбы не уползти:
прижмусь к тебе я на минутку –
твою везут в столицу утку...
В сарае, что ж, переполох:
все «ах» да «ох», все «ах» да «ох».

– Хочу со всеми я проститься, –
сказала утка прочим птицам. –
Ну что, теперь идти топиться?
– Да, тут не станешь веселиться, –
пробормотал в сердцах индюк, –
а если я, мой старый друг,
в кошелку сяду? Может, вдруг
подмены криминальной этой
наш Петря в спешке не заметит...
– А я не трусила б ни грамма.
Подумаешь, какая драма!
Ну сварят из тебя там заму*,
зато увидела б столицу... –
вскочила курица-девица. –
А если Петря расщедрится,
могла бы скушать даже пиццу.
– Какая сдвинутая птица! –
заметил селезню индюк. –
Отбилась, собственно, от рук...

* Зама (молд.) – суп на курином бульоне.

4

– Эй, эй, довольно там прощаться,
пора в дорогу отправляться! –
хозяйка злилась, как всегда.
– Вернешься скоро, не беда,
уж больно ты, кума, худя! –
Вновь утку пожалел индюк. –
Переживешь, даст Бог, испуг...
– А я готова согласиться
на то, чтоб косточки в столице
мои зарыли под окном
однажды теплым вечерком, –
взгрустнула курица-девица, –
мне этот вечер даже снится...
Меж тем обходит утка двор,
бросает вправо-влево взор:
всё дорого-знакомо тут –
в углу подсолнухи цветут,
у будки ловит мух Трезор,
вскочил кот-Васька на забор,
забрался в лужу поросенок,
в рогожку тычется ягненок,
и бродит, как студент, цыпленок...
У дома мирно сохнет бочка,
висит на дереве сорочка,
давно валяется метелка...
Вот Петря подошел с кошелкой.
Явилась на крыльцо жена –
так... зарычать должна она.
Вздыхнула трижды наша утка,
затем улучила минутку:
– Хозяин добрый... мэй, Петрика,
еще немного погоди-ка,
скажи, сходил ты или нет
перед дорогой в туалет?

5

Тем временем жена с крыльца:
– Да что ты, Петря, без конца
с кошелкой бродишь по двору?
Твое топтанье – не к добру!
Гляди, отправится маршрутка,
пока ты разберешься с уткой.
– Успею, Ляна, я в столицу,
вишь, не успел даже побриться...
– Уж не надумал ты жениться?
Духами можешь окропиться...
Послышалась возня в сарае:
– За что мы, собственно, страдаем?
– Мы заму напрочь отвергаем!
– И... голодовку объявляем!
– Да подороже, не за лей*
продай мне утку поскорей,
да уж за ворот не залей,
да сигарет не покупай,
курить табак свой успевай,
да деньги понадежней спрячь,
а то потом – сиди и плачь
(карманы чистить всяк горазд!)
...а тут плати за свет и газ!
Надолго завелась жена,
видать, права была она.
В сарае же не утихает:
– Мы заму в корне отвергаем!
Тут наша утка втихомолку,
узрев, что с Петри мало толку,
сама запрыгнула в кошелку:
– И всё же выслушай совет,
простой, как в доме табурет:
сходи-ка ты, Петрика-свет,
пока не поздно в туалет!

*Лей – национальная валюта Молдовы.

6

– Ну ты заладила, мамаша...
Досталась мне вчера лишь каша
на ужин с кислым огурцом,
кривым и маленьким притом...
А ты сходил бы в туалет!
Да не захочется сто лет! –
отчитывался Петря утке,
с кошелкой двигаясь к маршрутке.
– В таком разрезе – сам гляди!
– Эй, Петря, ну-ка погоди! –
как флаг рубаха на груди
у кума рдеет позади.
– Кумэтру,* чё кричишь ты так?
– Зайти, кумэтру, нам в кабак
придется нынче. Как-никак
мне сорок стукнуло как раз...
Ну что? По рюмке в добрый час?

Да кто ж okazji такой
 противник? Разве что больной?!
 Но Петря стал темнее ночи,
 знать, чрезвычайно озабочен:
 – Да, но... потребуются бабки...
 ты, Мирча, держишь бабки в шапке?
 Кум Мирча самокрутку кинул
 и, в небо глядя, так прикинул:
 – За банку «крепкого» на сутки
 заложим мы с тобою утку!
 – Ну что ж. Заложим, так заложим,
 быть может, взять две банки сможем.
 А утка из кошелки «кряк»:
 – Неужто, Петря, ты дурак?
 Хотя, как знаешь... Ну, привет!
 Не мне платить за газ и свет
 и пред женой держать ответ!

* Кумэтру (молд.) – кум.

7

Развел Петрика тут руками:
 легко прослыть, мол, дураками!
 Погладил по головке утку
 и... на ходу вскочил в маршрутку...
 Давайте с вами поглядим,
 с кем мы в автобусе сидим
 и отчего народ в столицу,
 как мышка к творогу, стремится,
 быть может, нам и пригодится...
 Перекрестив зевнувший рот,
 бабуля у окошка вот
 (бабули тоже ведь народ!)
 с кошелкой рваною сидит,
 в которой серый гусь лежит...
 Видать, в столицу на базар
 везет старушка свой товар.
 Собрала в город утром рано
 творог, яички и сметану
 молодка, что, грустя, сидит
 и вдаль невидяще глядит...
 Везет в столицу мужичок
 медка июльского бачок.
 А вот мальчишка – сбился с ног! –
 не смог втащить в салон мешок,
 в котором лук был да чеснок...
 Нет, не за сладким пирожком,
 не к теще закусить блинком
 спешит-бежит селянский мир,
 и ни один наш пассажир
 не будет сладостно «пломбир»
 сегодня в городе вкушать...
 Ему бы что-нибудь продать!
 Итак, нам дома не сидится,
 нас манит как магнит столица...

8

А Петря посопел немножко
 и вскоре сунул нос в окошко:
 вокруг знакомые поля,
 но приуныла мать-земля,
 что не пшеницей колосится,
 не зрелым плодом тяготится,
 не виноградом золотится...
 «Страдает, портится земляца!
 Тут впору... собственно, напиток!
 И как оно могло случиться?»
 В оконца земляки глядят,
 но ничего не говорят:
 кричат нам их глаза и лица,
 что и они не прочь напиток...
 А может, это... удавиться?
 Сегодня, глаз куда ни кинь,
 на поле горькая полынь
 на месте овощей растет,
 ромашка, дикий мак цветет,
 к тому же (тут совсем беда!)
 стеною встала лебеда...
 Там, где гудели трактора,
 теперь залиvisto с утра,
 как птицы, суслики свистят,
 и, словно призраки, стоят
 останки тракторных бригад...
 Мелькнет, пугая, бывший склад,
 где до сих пор нитрат хранят;
 над складом черный ворон кричат:
 не то хохочет, не то плачет...
 И навернется на глаза
 Петрике жгучая слеза,
 но что поделат может он,
 обложенный со всех сторон?

9

Колеса двигатель вращает,
 к деревне город приближает...
 Но вот... тук-тук, тук-тук, тук-тук –
 маршрутка завияла вдруг:
 выходит, слева... да и справа
 в асфальте яма плюс канава.
 И никому уже не спится –
 все знают: прибыли в столицу!
 – А это что? Гм-гм... мой друг,
 заваривают сваркой люк?
 Канализационный будто люк? –
 соседа Петря вопрошает.
 на что земляк и отвечает:
 – Не зря заботы, братец, эти –
 в столицу гость заморский едет...*
 Смущенные, из-под руки
 глядят налево земляки,
 глядят направо земляки;

о, да! Блестят, как светляки,
повсюду сварки огоньки,
слышны скрежещущие звуки –
в стране заваривают люки...
И, созерцая данный труд,
толпится, бродит там и тут
злой на язык столичный люд,
сварным советы подают:
– Мэй, Санду, ты оставил щель,
знать, обнаружит снайпер цель
да иностранца укокошит,
а он, конечно же, хороший...
– И ты, Ион, промашку дал!
Международный бы скандал
не разразился, парень, вдруг...
Ты варишь заму или люк?

* Как только пойдут слухи о том, что едет какой-нибудь высокопоставленный иностранный чиновник, в молдавской столице начинают заваривать канализационные люки, чтобы в них не спрятался снайпер, который мог бы подстрелить гостя.

10

В стране заваривают люки...
Но эти ветреные трюки
для Петри – лишь пустые звуки;
в преддверье тягостной разлуки
с почти что родственницей – уткой,
он взволновался не на шутку:
«Не разлучался б с кряквой, нет,
но... чем платить за газ и свет?
Да, расставаньё – это муки...
(Тут наш герой взглянул на руки,
что птице корм несли-давали).
Не утолит мои печали
валюта нынешняя – леи,
и я, как пить дать, пожалео
о том, что проворонил утку...
Но и без денег как-то жутко
в родные земли возвращаться...
Чем бабе под руку соваться,
уж лучше в городе остаться!
Начнешь права свои качать,
Иляна может заклевать...»
Тут утка бодро из кошелки:
– Нам убиваться нету толку –
чему, как говорят, бывать,
того, дружок, не миновать...
Слыхала я, что на базаре
меняют уток на доллары,
а может, доллары, – не знаю...
Вот, Петря, я и предлагаю:
мы ведь с тобою не татары,
чтоб игнорировать доллары,
а если доллары дадут,
опять мы, Петря, тут как тут...

– Всё ж евро больше мне по вкусу,
если дадут, приму по курсу...

11

Был рад Петрика иль не рад,
пришлось идти в торговый ряд...
Глядит направо наш герой,
налево вертит головой –
впервые (изумясь, прикинув)
он видит дивную картину:
на километра, может, два
столичный центр узнать едва...
Нажмем и мы, дружок, на «стоп»,
чтоб вникнуть в сей калейдоскоп;
как нам ни странно, ни печально,
теперь вдоль улицы центральной
на расстоянии руки
стоят царане-мужики*,
старушки, бабы, старики,
смущаясь, девушки стоят,
детишек рой в торговый ряд
каким-то ветром занесло...
А вот торгует всё село –
сватья, нанаша**, кумовья,
а вот торгует вся семья...
Чего тут только не найти?!
Лишь головою покрути,
тебе предложат (видит Бог!)
вино, и брынзу, и творог;
сказав «густаць-вэ»*** для начала,
протянут молоко и сало;
картофель, редька и мука
доставлены издалека –
легка крестьянская рука;
как глянец, яблоки блестят,
попасть в компот, видать, хотят,
а вот черешня, вишня, груша, –
плати и... кушай, кушай, кушай...

*Царане-мужики – деревенские крестьяне.

**Нанаша – крестные родители.

***Густаць-вэ (молд.) – попробуйте на вкус.

12

Бесплатно отпуская шутки,
наш Петря опускает утку
у ног какой-то модной тетки,
что продает народу щетки:
– Позвольте рядом стать, мадам,
я вам за место евро дам...
И, видя для кошелки щелку,
сует в торговый ряд кошелку.
Смахнул Петрика пот, глядит,
а рядом негр, хе-хе, стоит
и по-румынски говорит:
– Чего опаздываешь, дядя,

что ты продашь, на полдень глядя?
 А я с утра – поторговал! –
 десятка два горшков продал...
 Затем, не тратя праздных слов,
 негр гору обошел горшков,
 что молдаванам продавал.
 «Большой, большой оригинал, –
 подумал Петря. – Впрочем, стоп!
 Под пресс... готов подставить лоб...
 я где-то черного встречал!
 Бесспорно, негра я видал!»
 Плечами наш земляк пожал,
 в раздумье темя почесал,
 но красный* выставить товар,
 волнуясь, требовал базар;
 и, чтобы не стоять без толку,
 Петрика приоткрыл кошелку...
 А утка, высунув головку,
 встряхнулась, крякнула, привстала,
 крылом приветно замахала,
 чтоб не краснеть перед Творцом,
 чтоб показать товар лицом...

*Красный – то есть прекрасный.

13

Не стоит всё же забывать:
 клиента надо уважать!
 Клиенту надо угождать!
 Клиента надо ублажать!
 На глазах у Петри тетка
 продала, улыбаясь, щетку,
 затем, согнувшись в реверанс:
 – Для вас стараюсь, лишь для вас! –
 пристроила еще две щетки –
 культурно, быстренько и четко...
 Горшки опять-таки на убыль
 идут у негра. Скаля зубы,
 он их прохожим предлагает –
 глядишь, зачем-то покупают...
 Наш Петря – зырк по сторонам...
 Глядит, сердешный, тут и там
 усердно спину гнут старушки,
 с поклоном девушки-подружки
 товар клиенту подают,
 и повсеместно – там и тут –
 вас зазывают старики...
 Детишки – те не дураки –
 с веселой шуткой там и тут
 прохожим всякое суют...
 И понимает Петря чутко,
 как нелегко устроить утку;
 чтоб у тебя торговля шла,
 чтобы ворочались дела,
 бесспорно, нужен, брат, талант...
 А то, какой ты музыкант,

если не можется тебе
 сыграть на флейте и трубе?
 Не музыкант ты... так себе...
 Утри слюну на бороде...

14

Тут утка из кошелки «кряк»
 и говорит Петрике так:
 – Попали мы с тобою в яму –
 а если уж такая драма,
 не сделать ли себе рекламу?
 Гляжу я, приуныл ты прямо...
 Да, тут за дело надо браться,
 скажи, ты можешь кувыркатся?
 Петрика наш глазами – хлоп! –
 ну разве ради дела чтоб
 я не сумел разок-другой
 потряхнуть седою стариной?!
 Уж кувыркнул перед толпой!
 Как только кувыркнулся он,
 народ к нему со всех сторон;
 собрался весь честной народ,
 конфеты ест, водичку пьет,
 резинку-жвачку он жует,
 а утку всё же не берет...
 Герой же наш накувыркался,
 да, видно, для других старался –
 глядит он, а соседка-тетка
 еще одну продала щетку,
 глядит, а негр под шумок
 очередной толкнул горшок...
 «Удачлив негр, конечно, но...
 Он, верно, в детстве ел г-но...
 И всё ж я вынужден признать, –
 мне довелось его встречать...
 Да, где-то довелось встречать!»
 И, позабыв на миг про утку,
 сует наш Петря самокрутку
 себе под вислые усы...
 Двенадцать бьют уже часы...

15

Меж тем шумит-гудит базар,
 меж тем расходится товар:
 яички, брынза и сметана,
 свиное мясо, шерсть барана,
 морковка, перец, огурец,
 картофель, сало, наконец,
 ну и красиво, быстро, четко
 у модной тетки щетки, щетки...
 Ну и блестящи и легки
 у негра нашего горшки...
 – Должно быть, в Африке горшков
 побольше – будь я вам здоров! –
 чем в Кодрах ягод и грибов! –

наш Петря бросил пару слов. –
 Наверно, как в Китае риса...
 Вдруг... захотел мужик пописать!
 Короче, прав он или нет,
 а надо двигать в туалет!
 По сторонам бедняк глядит:
 никто ли с «уткой»* не бежит.
 А из кошелки не на шутку
 обеспокоенная утка
 на волю выбралась по грудку;
 она как будто укоряла –
 я ведь тебя предупреждала!
 – Какой кошмар! А проще – шок!
 Ах, если б негр один горшок
 на миг мне в пользование дал...
 Но где же я его видал? –
 полузадушено сказал
 наш друг, подтягивая брюки:
 – Да это ж Микаэль Сэпуки,
 я голос свой ему отдал!
 Я за него голосовал!

* «Утка» – «судно»,
 которое подают лежачим больным.

16

Теперь немного о Сэпуки...
 Кто он, явившийся без стука?
 Да роду-племени какого?
 Уж молвим в адрес негра слово...
 Мы сразу, правда, заявляем
 о том, что мало парня знаем:
 откуда мог он к нам явиться?
 Что любит он? Чего боится?
 Чего отчаянно стыдится?
 Короче спросим: что за птица?
 Но знаем мы – у нас в столице
 негр продавал народу пиццу...
 Бывает так, что наши взоры
 вдруг переключат на заборы...
 Глядишь, щитами запестрели
 в стране заборы... Что за цели
 преследуют воззвания те,
 которых сотни на щите?
 Ах, да! Прошло четыре года,
 и нужен пастырь для народа,
 короче говоря, уржент*
 потребовался президент!
 Ну а теперь-то (ну-ка, ну-ка!)
 при чем здесь господин Сэпука?
 А дело в том, как видим мы,
 что главный щит и часть стены
 его лицом облеплены;**
 выходит, как тут не крути,
 в парламент негр на полпути...

Теперь послушаем Сэпуки:
 – Чего не вытворишь со скуки?
 Тем более в один момент
 себе ты делаешь презент:
 доставщик пиццы, черный сэр,
 вдруг стал... гм-гм... столичный мэр!

*Уржент (молд.) – срочно, незамедлительно.
 **В 2012 году из каких-то соображений молдавское
 правительство допустило в качестве кандидата на пост
 президента страны... негра. (В нашем случае –
 негр выдвигает себя на должность мэра города).

17

– Я голос свой ему отдал!
 Я за него голосовал! –
 но чтоб детали уточнить,
 пришлось у черного спросить:
 – Скажите, Микаэль Сэпуки,
 доходят в Африке ли руки...
 у вас заваривают люки?
 Тут, уронив под ноги щетку,
 вдруг шевельнула бровью тетка:
 весьма забавная, мол, штука –
 что негры тоже варят люки?
 – Но прежде уж ответь мне, баде,
 чего во власть полез ты ради?
 На что рассчитывал ты, мэй?***
 Чем мог обрадовать людей?
 На что Сэпуки отвечал:
 – Не то ты ляпнул сгоряча,
 видать, ударила моча
 в башку тебе, брат, невзначай...
 Да я на собственных плечах...
 Чтоб молдаванин не зачах...
 Усвойте наконец вы, мэй:
 я пиццей накормлю людей,
 дам каждому я по горшку,
 бананов, может, по мешку...
 У нас бананов, словно листьев...
 А счас ты можешь, друг, пописать
 в любой горшок мой... не ленись!
 Тут Петре стало веселей,
 на негра глянул он нежней:
 – К тебе как ветер я помчусь...
 и помочусь!
 – И помочись!

*Мэй (молд.) – реплика в адрес человека,
 наподобие «эй, ты!»

18

Когда наш Петря облегчился,
 Сэпуки к даме обратился:
 – Я вам, бесценная мадам,
 горшок один бесплатно дам,
 вполне подходит мой горшок
 для малых нужд и... под цветком...

Но тетка, что толкала щетки,
красивой, вычурной походкой
уже соседней покидала:
не то товар она продала,
не то свой глас не отдавала
за Микаэля, за Сэпуки,
не то пошла глазеть на люки...
– Теперь, как в мэры кандидат,
могу я разъяснение дать, –
вновь молвил Микаэль Сэпуки, –
касательно столичных люков...
Давайте-ка представим с вами,
что едет в гости к нам Абама,
к нам добирается тот самый
доброжелательный Абама...
В столице нашей слышно: стук! –
приоткрывается вдруг люк,
из люка снайпер: пук-пук-пук,
и от Абама – только пух!
И нет Абама, милый друг!
– Не зря, – тут Петря наш сказал, –
я за тебя голосовал!
– Ты голос за меня отдал? –
Сэпуки выпенно вскричал. –
Да за оказанную честь
ты можешь вновь на тару сесть...
Не обижай уж ты метиса –
в горшок вторично, брат, пописай...

19

Теперь о туалетах... Лет
двадцать с лишним туалет
на каждом встретился б шагу;
и горожанин на бегу
мог избежать противных бед,
спустившись срочно в туалет...
Бессменно в скверах он стоял
и скромно парки украшал,
и даже там любил торчать,
где мало кто мог ожидать...
Итак, столичный туалет
привычным был, что твой буфет,
необходимым, как берет
художнику (а разве нет?),
незаменимым, как билет
в кинотеатр на сеанс,
он выручал не раз всех нас,
не раз от «мокрых» дел нас спас,
удобным был, уютным был
и истинно народным слыл...
Да, был столичный туалет,
что для возлюбленной букет,
но кто-то где-то брякнул «нет!»,
и передал нам туалет
унылый, как пустырь, привет;

короче, нынче нет его –
ни моего, ни твоего –
сортира, что нужней всего!
Сортира, что важней всего!
Кто тот чиновник-крокодил,
что наши нужды отменил?
Что новенького учредил?
В какой конторе он сидит?
И наконец: спокойно ль спит?

20

– Эй, вы! Ни с места, блин! Стоять!
В ширинки писки всем убрать!
В горшки запрещено здесь ссать!
Петрика (рад или не рад)
глядит – полиции наряд
к нему с Сэпукою спешит...
Да что же мог он совершить?
– Итак, составим акт... Так, так...
Позор! В общественных местах
справлять черт знает что! Нужду!
Как величать вас? Ну? Я жду!
Глядит наш Петря на наряд,
на полицейский на отряд,
и что же видит? Там старшой,
как будто даже парень свой!
Ну да, конечно же, земляк,
через два дома жил сопляк...
Сейчас бэят* он ничего:
одеги, выбрили его,
обули в чудо-сапоги
(хоть по гвоздям стальным беги!),
за пояс сунули браслет**
и нацепили пистолет,
дубинку дали, телефон,
видать, Василе Делион
стал командиром. Как и он,
одеты в черные штаны
и до зубов вооружены
три желторотые юнца,
что хмурят брови без конца...
Знать, из другого их села
судьба в столицу занесла...
Плечами Петря наш пожал:
«Василе стал, как генерал!
Я еле малого узнал...»

*Бэят (молд.) – парень.

**Браслеты – наручники (полицейский жаргон).

21

Покуда Петря размышлял,
и Делион-старшой признал
в нем хлебороба-земляка:
– Гм-гм... – теперь издалика
(видать, служивый не желал,

чтоб Петря дома рассказал
о том, как он его прижал)
сказал старшой: – Гм-гм... Упёк
другого б я на долгий срок,
но ты ведь, няня,* землячок...
Тебе, пожалуй, повезло...
И тут сержанта понесло:
– Сейчас везде нужна проверка!
В тот светлый час, как доamna** Меркель
дела свои к чертям бросает
и к нам в столицу прилетает,
когда мужские наши руки
заваривают срочно люки,
неужто мы, как дураки,
спокойно можем срать в горшки?!
Сержант на миг передохнул,
затем начальственно загнул:
– А это что за хрен без веры?***
– Сэпуки... Кандидат я в мэры...
– Сэпуки мэром стал бы только,
в столице все пошло бы толком! –
сказала Утка из кошелки.
– Да это бунт! – вскричал старшой. –
Я вас... сейчас... Эй, понятной!
На миг, дружок, остановись
да в протоколе распишись!
Тут появились понятия,
все боевые, удалые,
где надо, быстро расписались,
и по столице разбежались...

*Няня (молд.) – дядя, дядька.

**Доamna (молд.) – госпожа, барыня, пожилая женщина.

***Хрен без веры – полицейский, видимо, хотел подчеркнуть, что негр не являлся христианином.

22

Видать, наш Петря перетрусил,
так как немедленно потрусил,
куда Василе указал:
кошелка! утка! И вокзал!
А сзади раздавался гром:
– А вот метиса заметём,
чтобы усвоил крепко мэр
(и для других являл пример!),
что в нашем городе горшки
для масла служат и муки,
для соли, сахара и риса,
а не для... Тьфу ты! чтобы писать!
Вдогонку влезло Петре в уши:
– Земляк, на будущее слушай!
Отмочишь с писккой снова шутку,
в доход казны отправлю утку!
Василе Делион сказал:
кошелку в зубы и – вокзал!
Напуганный и сбитый с толку,
метя асфальт своей кошелкой,

Петрика, красный от стыда,
бредет неведомо куда...
Как дальше дело обстояло?
Не то тут время поджимало,
не то с желудком плохо стало,
не то сказался вдруг испуг,
Петрике захотелось вдруг...
Короче, чуть не впал он в кому:
вдруг захотелось ПО-БОЛЬШОМУ!
А не польстишь БОЛЬШОЙ НУЖДЕ,
как пить дать, быть большой беде!
У Петри кругом голова,
он на ногах стоит едва...
Часы показывали «два»...
Уже показывали «два»!

23.

Пожалуй, краше мир вокруг,
когда с тобою рядом друг!
Но всё же Петрю для начала
журить, как друга, утка стала:
– Ведь говорила я тебе,
не доверяйся злой судьбе,
а хочешь, Петря, или нет,
сходи-ка дома в туалет!
– Да после кислых помидор
кому захочется во двор?!*
– Ну ладно. В сторону все шутки, –
сказала, подбоченясь, утка, –
давай присядем на минутку
и выясним: возможно ль, нет
сходить в столичный туалет?
Обмозговали так и сяк
(Петрика – слово, утка – «кряк»);
решили двинуть по дворам,
чтоб, несмотря на стыд и срам,
попасть (ах, как сейчас им нужно!)
в какой-нибудь несчастный нужник...
«Как жаль, что замели Сэпуку, –
подумал Петря, – мне разлука
на пользу с мэром не пошла.
Поправил, может, бы дела
он, если я бы попросил...
Держусь уж из последних сил!»
Бедняга горестно вздохнул,
живот под ребра подтянул,
от доли злой своей икнул,
свернул кривую самокрутку
и, подхватив в кошелке утку,
решил: «В том больше было б толку,
если б присел я на кошелку...»

*В сельской местности туалеты обычно располагаются во дворах.

24

В деревне проще: много лет

для тех горит зеленый свет,
кто срочно ищет туалет...
– Где отыскать его порой? –
нас спросит житель городской.
Да где угодно! Под копной,
возможно, в камышах у речки,
за старой, в огороде, печкой;
быть может, где-то за сараем
для нужд местечко выбираем,
когда внезапно прижимает;
в непроницаемых кустах,
в иных заманчивых местах...
В саду ли, в поле – не беда –
на свежем воздухе всегда,
и поневоле будешь рад,
когда свежо обдует зад!
Пускай простит читатель нас
за то, что мы грубы сейчас,
но, право же, не срамно нам
сказать стыдливым господам
о том, что хуже, блин, всего
в платочки прятать естество...
Ну ладно, братцы. Хоть и жаль,
читать не хочется мораль;
присовокупить здесь не грех
(у вас не вызовет ли смех?),
что милый сельский человек
сортир свой не отдаст вовек
ни за какие унитазы,
хоть сотню дайте ему разом;
он не певец удобной моды,
и нипочем ему невзгоды –
он навсегда дитя природы!

25

Меж тем Петрика по дворам
прошелся быстро. Тут и там
стоят высокие заборы,
на них надежные запоры
висят, чтоб не забрались воры;
за ними псы лихие лают,
к сортирам вас не подпускают,
а если пустят – искусают;
струится с носа пот рекой,
и Петря слабою рукой
его поспешно утирает;
в кошелке утка обмирает,
что за него переживает...
Стоят вокруг особняки,
как исполины, велики,
и сострадательный народ
в них, без сомнения, живет,
но никому и дела нет,
что Петре надо в туалет.
Не мил бедняге в этот час

ни яркий свет, ни жаркий газ,
за что, как лошади дать пить,
придется завтра уплатить,
забыта (вовсе не нужна!)
сейчас красавица-жена;
перед глазами, как мираж,
усадьба, особняк, гараж...
Стоят высокие заборы,
висят надежные запоры...
Автосиреной воют псы,
видать, нажравшись колбасы...
Как запах, в воздухе повис
вопрос: куда девать «сюрприз»,
рассольно-огуречный приз?

26

Вдруг, обогнув огромный дом,
увидел Петря за углом,
весьма похожее на тир,
строенье с надписью «сортир»;
перед ним крючком носочки вяжет
пенсионерка, бабка даже.
И тут... с кошелкою-наседом,
забыв о совести, а вместе
и о приличиях и чести,
наш Петря из последних сил
в тир организм свой устремил.
Но абсолютно не дремала
бабуля, что носки вязала:
– Сложи, друг, крылья, не лети,
сперва услугу оплати!
Петрика «хлоп» глазами, «хлоп»:
да где же видано, а чтоб
за то, чтоб в туалет пойти,
деньжата кровные платить?
– В деревне нашей туалет...
– Ну, под кустом, а разве нет? –
бабуля грозно вопрошает: –
И под копной порой бывает,
но на аренду той копны
не тратитесь, голубчик, вы,
а я арендовала тир
под замечательный сортир,
плачу за воду и за свет,
налоги вносит туалет, –
обложен он со всех сторон,
доходов не приносит он...
Я очень, очень сожалею,
но бизнес требует: скорее
с ширинки каждой взять по лею...

27

Пока Петрика лоб чесал,
бабулин бизнес процветал –
сортир ее не пустовал:

в столице, видно, много ели –
а чем же какать, в самом деле?
И видит Петря наш, что тут
бесплатно в оазис не идут,
ну вот хотя бы у дверей
дежурит горсточка людей:
– Заплатишь лей, иди – отлей!
– А отольешь – так веселей!
– В сортире – лей, на почте – лей,
на рынке – лей, в маршрутке – лей,
а где набрать их, тех рублей?
Тут утка из кошелки «кряк»:
– Я вижу форменный бардак!
Мы здесь застряли, Петря, зря –
давай-ка далее пойдём,
а вдруг бабулю за углом
мы поговорчивей найдем!
– Чего нам тут сопеть-потеть?
Я ведь могу и потерпеть! –
ответил бодро наш Петрика,
видать, строптивой бабке в пику.
Бабуля страстно закричала,
бабуля вслед им поглядела,
бабуля даже покраснела –
ей очень не хотелось... энтю...
так просто отпустить клиента:
– Пущу, пожалуй, на минутку,
если в залог оставишь утку,
вернешь мне лей, бродяга, в срок,
получишь целым свой залог...

28

За новым каменным углом
Петрике с уткой вновь облом:
дорога дальше перекрыта,
канавка вдоль нее прорыта,
вода в окопе, как в корыте...
– Быть может, спустимся в окоп,
нужду отправить чтобы... чтоб...
хотя, пожалуй, сразу – стоп! –
у кряквы беззаботный вид:
– Вон там полиция стоит!
И в самом деле: возле рва
торчали полицейских два,
и Петря – опыт научил! –
за угол быстро отступил...
Вдруг с неба чистого – блям-блям...
Наш Петря – глядь вслед голубям,
поморщился сперва, и вот
стряхнул с плеча крутой помет.
«Счастливая, пожалуй, птица,
не надо ей в сортир стремиться,
ни перед бабкой суетиться,
чтоб в туалете очутиться,
свободная, она ведь... мама!

не глядя, может капнуть прямо...
на государственный парламент!»
– В сортир не впрыгнет, хоть убей,
ни воробей, ни соловей, –
шепнула утка, – ни к чему
сортир и дятлу самому –
чихнуть – оправиться ему!
«Да, кряква, как всегда, права, –
подумал Петря. – Голова...
толковой женщине под стать...
а я хотел ее продать...

29

Итак, согласны вы или нет,
но человеку туалет
всё ж постоянно нужен... Нужен!
Пускай простейший даже нужник!
Из грубых досок как-то вроде
(короче, в некотором роде)
его сбивают на природе;
есть туалет на пароходе;
необходим он в самолете,
чтоб людям кейфовать в полете;
в гостинице необходим –
бесплатно пользуются им;
на две, на три персоны сразу
(соседи, правда, могут сглазить!)
стоят сортиры на турбазах;
в кинотеатрах, в поездах,
в метро в столичных городах
и, чтоб не разносить заразу,
на радость санэпидемглазу
есть в супермаркетах они –
в них, умягчая наши дни,
фиалок запахи одни...
Да, туалеты есть везде:
на суше, в воздухе, в воде...
(А если вглубиться – порой
и под землей, и под водой...)
Лишь в парках – нет,
и в скверах – нет,
и некому держать ответ
за то, что сгинет туалет!!!

30

Вот, площадь оглашая диким,
цивилизованнейшим криком,
как разношерстных новобранцев,
видать, заезжих иностранцев
мелькнула пестрая орда...
– Известно нам, что города
и сёла приступом берут, –
шепнула утка Петре тут, –
они никак в парламент прут,
а то в посольство прямиком...

А если нам с тобой тайком
к гостям заморским подобраться
да с ними в здание пробраться?
А там, глядишь, найдем сортир...
Не мешкай, Петря... Миру – мир!
Герой наш, ясно, поспешил,
на темя груз свой водрузил –
ну чем же он не иностранец,
далекой Замбии посланец?*

Пристроился заморцам в хвост,
согнувши торс, уменьшил рост
и, чтоб кортеж его признал,
какой-то мисс «мадам» сказал...
Ну вот. Пока что без помех...
И, кажется, что на успех
попытка их обречена,
но ни Петрикина вина,
ни утки преданной вина
в том, что приходится до дна
им чашу горькую испить...
В народе любят говорить:
«Свою судьбу перехитрить
еще не выпала нам честь!»
Возможно, так оно и есть...

*Имеются в виду те иностранцы, которые ходят с кошелками на голове.

31

Как только Петря втихомолку
на голове, ну да, с кошелкой
подкрался к иноземцам... Ба!
Пришла в движение судьба!
Не может ведь такое сниться...
Как тараканы, по столице
вдруг мисс и леди разбежались,
и сэров рядом не осталось –
видать, необходимо им
порыскать по делам своим...
Направо Петря наш взглянул,
налево шею повернул:
за каждым гостем пыльный вид,
столбом в столице пыль стоит...
Привыкли сэры лапой длинной
из наших кровных магазинов
таскать изысканные вина...
Всё ж Петря хмурится, дивится:
что сэр забыл в его столице?
Что может радовать подчас
его пресытившийся глаз?
Чему он внемлет не спеша,
и рада ли его душа,
когда обчистят до гроша
его наперсточники в шопе?
Однако кладбища в Европе
крупней, чем наше, не сыскать...

Заморца можем мы позвать
взглянуть на плиты и кресты!
Но оценить лишь с высоты
погост сумел бы экскурсант,
размером в пять заморских стран,
безбрежный, словно океан...
И здесь лежат миллионы пять...
Короче: есть что показать!

32

Мадам и сэры разбежались...
А Петре с уткою осталось
как чужакам стоять и злиться
на козни собственной столицы.
Меж тем столица не тужила,
исправно гражданам служила:
смеясь в перчатки, опера
с авто снимали номера;
и дворничихи не дремали –
в глаза народу пыль пускали;
стояли толпы – руки в брюки –
опять заваривали люки...
– Мэй, сварщик, Санду, слышишь, мэй,
покинь колодец* побыстрей!
Ответить, друг, попробуй, ну-ка,
зачем заваривать нам люки,
ведь Меркель, – гам со всех сторон, –
три дня как укатила в Бонн!
Тут утка «кряк»:

– Какая проза!

Воз легче, если баба с воза!
– К нам едет, – Санду из колодца, –
за демократию бороться
какой-то крупный мафиози:
не то Бароз, не то Барози!
– А может, из лесу береза? –
на полном говорят серьезе.
– Не можем жить мы без навоза!
Смеется Санду, всё же руки
снуют, как иглы, возле люка...
«Уж лучше бы сортир сварил!» –
в сердцах Петрика наш решил
и у народа вдруг спросил:
– А можно, братцы, или нет
сходить, уж дайте-ка ответ,
у Меркель в сквере в туалет?

*Имеется в виду канализационный колодец.

33

Скрипит, ползет едва кэруца*
постперестроечного груза...
Какой-то прыткий депутат
«под ключ» четвертый год подряд
сдаёт «так нужный» детский сад
для ставших взрослыми ребят...

Задействовав попов,** у Бога
 парламент просит, чтоб дороги
 (куда средства недовложили!)
 не год, а двадцать лет служили...
 Что же касается озер,***
 то мэр столицы до сих пор
 не может, бедный, испугаться,
 так как к воде не подобраться
 (хотя и рвется плыть душа!)
 из-за густого камыша...
 Не зная, кропит ли Европа,
 святой водой мы щедро кропим
 колодцы, фермы и мосты,
 поля, чтоб были не пусты,
 плоды, чтоб выросли густы,
 вокзалы, памятники даже,
 чтоб стали выше, стали краше...
 Истово машет бородой
 горячий поп – старик седой,
 но что же будет с той травой,
 которую он освятил?
 Скорее будет ли расти?
 Везде снуют попы и мэры,
 лишь не заглядывают в скверы!
 (Неужто рук у мэров нет,
 чтоб скверный**** сделать туалет?)
 А у попов водицы нет,
 чтоб окропить тот туалет?)

*Кэруца (молд.) – примитивная деревенская телега.

**Теперь модно освящать начало строительства
 колодцев, ферм, мостов, дорог, офисов, шопов и пр.

***Имеется в виду бывшее Комсомольское озеро, в
 котором мэр столицы намеревался искупаться после
 реконструкции.

****Скверный – имеется в виду «в сквере» (парке).

34

Не ведая, куда идти,
 застрял наш друг на полпути,
 в уме прикинул сяк и так,
 и размышляет вслух чужак:
 – Допустим (а поди проверь-ка!),
 в столице нашей доамне Меркель
 вдруг захотелось в туалет...
 А туалета в сквере – нет!
 И в парке туалета – нет!
 Да и приятель наш Барози,
 хоть и отпетый мафиози,
 не станет под кустом мимозы
 справлять, как пес, свою нужду
 (я тоже, вон, момента жду!)...
 Барози, скажем так, не птица,
 не воробей и не синица,
 чтоб метить путь свой по столице...
 – И Меркель вроде бы не львица, –
 сообщила утка из кошелки, –
 пусть мной полакомятся волки,

ежели фрау будет против,
 чтоб в сквере туалет работал...
 Переглянулись. Помолчали.
 Деревья кронами качали,
 грачи невежливо трещали,
 шумели дети, псы ворчали...
 за стенкой рюмками стучали...
 Плевать на Петрины печали!
 – Если б Барозу поприжало,
 запахло б, – утка проворчала, –
 межгосударственным скандалом!
 – Непросто жить в подлунном мире,
 когда отсутствуют сортиры, –
 заметил наш Петрика сирый.*
 – Быть может, сделать харакири?***
 А на часах уже «четыре»...

*Сирый – бедный, несчастный, обманутый,
 обездоленный.

**Харакири (японск.) – в безвыходной ситуации
 японские самураи лишали себя жизни, вспарывая
 мечом живот.

35

Должно быть, кто-то в мире этом
 на нужды отпускает сметы;
 но нет нигде, наверно, смет
 на нужник, то бишь туалет...
 Дает кредиты каждый день
 нам тот, кому давать не лень:
 француз, китаец и румын,
 испанец, итальянец, финн,
 американец, немец, грек, –
 короче, добрый человек!
 Когда финансов нет своих,
 сметаем* из кредитов их
 французов наших дорогих,
 испанцев милых и родных,
 американцев золотых...
 Дают кредиты на жильё
 (да не позарится жульё!),
 на возведение мостов,
 осеменение коров,
 на вспашку брошенных полей,
 на разведение свиней,
 вливают в соки и вино,
 в любое прочее г-но
 не брезгают вложить скорей...
 А в нужник – нет! Ну хоть убей!
 Неужто мнится господам,
 французам тем из Нотр-Дам,
 что в туалет не надо нам?!
 А Петрю так уже скрутило,
 что дышит из последних сил он,
 скривился, словно огурец,
 что в поле брошен под конец
 уборки поздних овощей...

Быстрой развязка бы, быстрой...

*Сметаем – составляем сметы.

36

Тут к бедолаге подбежал,
ну, скажем так, оригинал:
весь, как компьютер, в проводах,
антенны две торчат в ушах,
в руках какой-то аппарат
и... зубы не растут подряд...
– Какой роскошнейший типаж! –
вскричал оригинал, смеясь.
– Ты, баде, выглядишь козлом,
то бишь олицетворяешь зло,
и будешь представлять село...
Петрика наш – очами «хлоп»,
а оператор – прямо в лоб:
– Теперь же в камеру гляди
и непременно говори:
«У нас в деревне хлеба нет...»
– Мне б для начала в туалет...
– Итак, обижен ты судьбой –
паршиво обстоит с тобой –
смотри-ка, словно неживой...
Скажи: «В деревне мяса нет...»
– Помилуй, мне бы в туалет...
Тут к Петре, как комар, пристал
еще один оригинал;
тряся козлиной бородой,
он монолог рассыпал свой:
– Сегодня, в общем, не секрет,
что человечество от бед
лишь телевиденье спасет:
к нормальной жизни приведет,
на много осчастливит лет...
– Построит что ли туалет?*– Нет, этот персонаж не наш, –
пойдем искать другой типаж...

*Телевизионщикам следовало бы ухватиться
за проблему туалета, они же искусственно
раздували проблему голода в стране.

37

А на нацплощади* уже
сошлось немало типажей:
бригоголовых, бородатых,
безусых, лысых, волосатых,
упитанных, как поросята,
худых, едва ль не полосатых...
Пока наш Петря изучал
народ, который не скупал,
какой-то типчик закричал:
– Да сколько ж нам ушами хлопать?
– Желаем экстренно в Европу! –
волной по массам прокатилось.

Тут телевиденье явилось –
беззубый с камерой ручной
и тип с козлиной бородой.
– Даешь нам матушку-Европу!
– Им заграничный суп** бы лопать! –
с негодованьем промычал
телевещанья генерал,
буравя линзой белый свет, –
а то, что дома хлеба нет...
– А мясо разве есть порой? –
тряся, как старец, бородой,
легко парировал второй.
(Да, телевиденье всерьез
взялось за пищевой вопрос!)
Толпа же продолжала злиться,
желая с европейцем слиться...
«Как тяжело пристроить ж-пу:
мне – в туалет, а им – в Европу!» –
подумал наш несчастный друг
вгляделся в каждого... и вдруг...

*Нацплощадь – национальная площадь
(имеются еще «нацбанки», «нацбульвары»,
«нацтеатры», «нацбиблиотеки» и пр.

**Заграничные разносолы.

38

О, Боже! Неужели? Ну-ка...
Да это ж Микаэль Сэпука!
– Тебя к себе я поверну-ка! –
воскликнул Петря. – Обернись!
И белый с черным обнялись...
– Ты снова, братец, на свободе?
– Как ветер я, Петрика. Вроде...
– А где ж твои... гм-гм... горшки?
Сэпуки вдаль из-под руки
незряче глянул: что в них толку!
– В кутузке отобрали волки...
Наплыла тень на лик метиса:
– Что, захотелось вновь пописать?
Под ноги Петря поглядел:
– Нет, братец. Какать захотел!
– Ты где-то здорово поел...
Друг друга по плечу похлопав,
стоят они среди холопов,
которым хочется в Европу,
и нет роднее никого
ни у того, ни у того...
А из кошелки утка «кряк»:
– Пусть мной подавится наш враг!
Сэпука, вместе мы не зря –
два разбитных богатыря
да утка серая – ну... я!
Не будем гав ловить,* друзья!
Народ на площади устал,
но требовать не перестал

(кричать как будто громче стал):

- Хотим немедленно в Европу!
- В другую сторону нам топать! – решил неизбранный наш мэр.
- Ну что, поищем счастья, сэр?

*Ловить гав (украинск. поговорка) – ловить ворон.

39

Итак, идут они, идут,
 сюда взглянут, туда взглянут:
 напрасный труд, унылый труд –
 сортиров нет ни там, ни тут...
 – Ну совершенно мочи нет
 искать в столице туалет.
 Ты не обидишься, Сэпука,
 если я вздумаю попукать?
 Мэр на Петрику поглядел,
 понюхал воздух, прогудел:
 – Да сколько там вонючих дел?!
 Валяй, дружище!
 Попердел наш Петря –
 очень уж достало! –
 как будто парню легче стало:
 – Теперь с тобой, Сэпука... это...
 я двинусь даже... на край света!
 Далеко ль, близко ли идти,
 но нам как будто по пути,
 хотелось бы послушать, ну-ка,
 что скажет Микаэль Сэпуки:
 – Если б не отобрали суки
 те два оставшихся горшка,
 могли бы оба мы пока...
 – ...кать, – подхватил Петрика, –
 но не горюй, брат, посмотри-ка,
 не завалюсь ли немножко
 в твоих штанах табачной крошки?
 Свой самосад давно скурил я,
 сейчас бы голод обдурил я...
 – И у меня как раз, браток,
 карманный вышел табачок.
 продолжим всё ж в парламент путь,
 уж угостит нас кто-нибудь...

40

Однако стоп! Какой регламент
 тащил товарищей в парламент?
 К чему, зачем и почему
 стремятся путники к нему?
 Известно нам, что сэр Сэпуки
 надумал как-то власть взять в руки,
 короче, мэром чуть не стал –
 он на столичный пьедестал
 кандидатуру выдвигал,
 но, к сожаленью, проиграл...

Итак, в парламенте метис,
 имея связи, мог попис...
 его контроль без лишних слов
 впустить под крышу был готов!
 Ну а Петрику не за плату,
 под белу ручку, словно брата,
 Сэпуки бы провел «по благу»...
 Уже шагал друзьям навстречу
 двуликий Янус* – стольный вечер:
 кому-то злато обещая,
 пред кем-то двери закрывая;
 уже достойно расходились
 (всё обсудили, всё решили!)
 администрации сыны –
 им вещи приснятся сны;
 уже камин зажигали
 и калькуляторы включали:
 дневную выручку считали;
 а за привычным крепким чаем
 сошлась семейка небольшая:
 необходим был планчик, чтоб
 под евро подвести подкоп...
 Столичный вечер наступал –
 и обещал, и угнетал...
 Лишь нашим сэрам ничего –
 из тьмы луча ни одного...

*Двуликий Янус – древнегреческое божество в виде
 фигуры человека со вторым лицом на затылке.

41

– Держи как следует! Цепляй!
 Смотри, на камни не бросай!
 Давай! Валяй! Тяни! А ну!
 – Да я тяну!
 – И я тяну! –
 слышны стальные голоса.
 Гремит железа полоса,
 стучит отбойный молоток,
 звучит не «мат», а так – «маток»,
 и рассыпается смешок...
 Пусть даже вам не по пути,
 но как же мимо тут пройти?
 И наши Петря и метис
 решили к сборищу пройтись,
 чтоб свежей пищей* запастись...
 Им в неожиданный момент
 открылся вид на монумент
 (но кто, не скажем, хоть убей,
 увековечен из людей,
 так как до шеи голова
 мешком обвязана была);
 вокруг с полсотни собралось
 борцов за снос и перенос...
 Тут на Петрику налетел
 какой-то здешний управдел:**

– Чего стоишь? Тяни! Толкай!
 За ногу, черт возьми, хватай!
 И, воплем призванный к порядку,
 схватил за каменную пятку
 наш Петря скверный*** монумент.
 В такой ответственный момент,
 привычно поплевав на руки,
 на помощь кинулся Сэпуки.
 – Ну как ты? – дружески спросил.
 – Еще в штаны не наложил...
 Держусь, брат, из последних сил...

*Свежей пищей – имеется в виду «пищей для размышлений» (свежей информацией, свежими впечатлениями и т. п.)

**Здесьшний управдел – управляющий местными (конкретными) делами.

***Скверный – можете понимать, как заблагорассудится: а) расположенный в сквере; б) оскверненный сносом (переносом).

42

Как только монумент смели,
 как гнойный чирь, с лица земли,
 борцы за правду обнялись
 и пить «боржом» разошлись...
 А Петря с Микаэлем прямо
 (пришлось им действовать упрямо!)
 направились опять в парламент.
 Короче, шли, пока в конце
 не уперлись носами в цель.
 Но тут-то... тут вам снова «ба!» –
 опять злодействует судьба...
 Привыкли крест здесь свой нести
 парламентары до пяти,
 едва ж на циферблате «пять»,
 парламентаров не сыскать...
 и стражник дверь стал закрывать...
 Не разрешить больной вопрос,
 когда зажмут вам дверью нос!
 И у парламентских ворот
 засели путники. Ну вот.
 Всё время чей-нибудь живот
 напоминал про туалет –
 пришлось друзьям держать совет.
 – Я вижу, выхода здесь нет, –
 наш Петря «пук» из тишины, –
 вот-вот наделаю в штаны.
 – И у меня, – поник Сэпуки, –
 считай, что опустишь руки.
 Тут утка из кошелки «кряк»:
 – Пускай меня потопчет* хряк!**
 Да пусть я в заму попаду,
 если решенья не найду!
 И прямо в глаз, скорее, в лоб:
 – Под зданье надо рыть подкоп!

*Топтать – осеменять.

**Хряк – кабан-производитель.

43

Настал момент, когда столица
 решила ярко осветиться:
 со всех практически сторон
 запылал неон, неон...
 Давайте-ка посмотрим с вами,
 что проповедует реклама.
 Конечно же, не ерунду,
 а, разумеется, еду:
 вот телефоны, адреса,
 где продается колбаса;
 вот стрелка жирная ведет
 туда, где вы могли б живот
 грибами с кетчупом набить;
 вот пицца на щите горит –
 о сытной жизни говорит...
 Короче, всё, что видел глаз,
 могли б вы запросто сейчас
 сожрать и слопать, то есть съесть,
 если, конечно... бабки есть!
 Да что там бабки! Туалет
 (а вы умяли семь котлет!)
 пришлось искать бы... или нет?
 А он закрылся «на обед»!
 Нам бы хотелось в двух словах
 сказать: Мораль тут такова –
 уж забронируй туалет,
 прежде чем слопать семь котлет!
 Но мы спешим... Рекламеда
 друзей задела лишь едва:
 так присмирели оба-два,
 что слышно, как растет трава...
 – Ну что, готовы, братцы, чтоб
 под нужник начинать подкоп?

44

Тут обнаружила себя
 опять распутница-судьба.
 Едва лишь наши друга оба
 избрали место для подкопа,
 послышалось «миледи», «сэр»,
 в автобусе открылась дверь,
 и на асфальт, как галок триста,
 посыпались интуристы...
 Как только утку увидал,
 какой-то грек иль финн вскричал:
 – Какой, однако, жирни гусь!
 Я покупать его берусь!
 А утка:
 – Я не продаюсь!
 И Петря пальцем втихомолку
 провел по перышкам в кошелке:
 ну разве распростишься с птицей,
 которой можно лишь гордиться?!
 Тут гости с Запада гуськом,

кто с сундуком, кто с рюкзаком,
в дорогу тронулись пешком.
«Должно, в посольство прямиком!» –
решили Петря с Сэпуком.
– В посольстве не был я сто лет,
а там прекрасный туалет! –
шепнул Петрике Микаэль.
– Но чтоб попасть, брат, прямо в цель,
придется греками нам стать...
И черный негр, смоле под стать,
и белый сэр, отчасти брат,
с заморцами пустились в путь,
чтобы в посольство заглянуть...
Туристы мы, и всё, мол, тут!

45

Сэпуки наш в посольстве был
в связи с капризами судьбы:
в последний раз зашел, к примеру,
когда торил дорогу в мэры.
Петрика-брат, Петрика же,
хоть мимо проходил уже,
всё ж не был по большой нужде.
(А если честно, и по малой
заглядывать не приключалось!)
И вот сегодня замечталось...
Не требовалось Петре виз,
чтоб за кордон перенестись,
не привлекал его туризм,
не нужен был и переезд
в заморскую страну чудес,
не посягал он на гражданство;
одно посольское убранство
могло обрадовать лишь глаз,
единственное – унитаз!
Как и Сэпуки в этот раз!
Возможно, больше никогда
не попадет мужик сюда;
видать, в посольстве в этот час
он в первый и в последний раз...
Чтобы за то себя не мучить,
что упустил счастливый случай,
Петрика мысленно решил:
«Если б посол мне разрешил,
его, как кума, я б спросил

(после того, как влезу в брюки):
– Надежны ль в самом деле руки,
что дарят миру эти штуки,
то бишь заваривают люки?*

О том же думал и Сэпуки...

*Имеется в виду: не стыдно ли нам перед
мировым сообществом за то, что мы
занимаемся подобным прелюбодеянием?

46

У нас ошибочно считают,
что греки* нам не помогают;
но надо ведь учесть, друзья,
что только им благодаря
в посольство привела стезя...
И привела, даст Бог, не зря!
И всё же Петря с Микаэлем
добрались до заветной цели
лишь потому, что вдруг сумели
себя как следует подать:
здесь стали губы надувать,
сумели слово там сказать;
ну, «леди», «мистер», «миссис», «сэр»,
«бонжур, мадам» и «сэнкью, сэр»...
Добьется ласковый теленок
расположенья двух буренок!
Как сделал бы любой турист,
друзья по зданию разбрелись:
Петрика – вверх, Сэпуки – вниз...
Шел, как приличный человек,
наш Петря, перешел на бег –
да где ж намеченный объект?
Но вот... Водичка зажурчала...
И не поверил он сначала,
что курсом правильным идет.
Затем кабинки видит. Вот
небрежно застегнув ширинку,
турист выходит из кабинки...
И Петря наш, как снежный барс,
забыв про дом свой, свет и газ,
вскочил легко на унитаз...
Ну что? Доволен, оборванец,
что ты уже не иностранец,
а местный, коренной зас-нец?

*Читай: финны, немцы, французы, испанцы,
итальянцы, американцы и пр.

Ирина ГАЛИМОН

Родилась в 1959 году в Кривом Роге. В детстве вместе с семьей переехала в Кишинев. В 1980 году окончила Государственный институт искусств им. Г. Музическу, кафедру режиссуры и актерского мастерства. Работала актрисой в нескольких театрах, в том числе в театре-лаборатории «БОСХ» и театре пластики и пантомимы «А».

Встреча с ветром

Я стою на Земле... бесконечно одна... Ветер сильный ласкает меня... Шепчет на ухо, нежно обняв:
 «Я с тобой навсегда, ты, частичка меня! Я – стихия твоя! И танцую с тобой, год за годом любя твою легкость, пушинка моя! Твоя ветреность мне лишь услада! Я силен и могуч, и меня воспевают поэты! Я тебя подхвачу, в вихре танца тебя прокручу, а потом осторожно поставлю на Землю!»

Я стою на Земле... Я уже не одна...

Игра... Камни... Люди... Игра...

В прекрасном дворце одного султана было много-много комнат, где хранились его богатства. И все гости любовались и восхищались ими. Днем, конечно, но ночью... Когда во дворце засыпали, в одной из комнат, где жили драгоценные камни, рождалась мелодия... Камни оживали и начинали звучать, светиться и играть. Их любимая игра – игра в людей.

Изумруд был султаном, ведь у него столько граней... Каждая идеально отшлифована. «Среди вас нет мне равных! Слушайте меня, о, мои подданные! Кто сможет заставить меня заплакать, к тому и перейдет титул султана!»

И камни бросались врассыпную, с удовольствием принимая условия игры. Ведь тот, кто победит, в следующий раз будет султаном. Каждый камень сам выбирал себе роль, подбирал соответствующий костюм, делал грим, входил в образ, потом выходил и, лавируя между входом и выходом, начинал любить и страстно ненавидеть, играть в шута, злодея, мудреца. Он был и щедрым, и скупым, актером был, банкиром и дельцом, лакеем и борцом... А как он преданность играл, что чуть султан с подушки не упал... едва не хлынула слеза... Эх! Победа так была близка...

И тогда камни из актеров превратились все в танцоров, акробатов и жонглеров. На канате – бирюза... Вверх ведет ее душа, вознесла на самый верх... и танцуют на глазах у всех... Испугалась бирюза: «Побелела вся от страха я! Эх, душа моя, душа! Хоть бы крылья припасла... Камнем вниз теперь лететь, главное бы, форму мне достойную внизу обрести. Ааааа...», – закричала бирюза, замешкалась ее Душа. Встреча с полом тяжела... но подхватила бирюзу рука... Хорошо, что у людей, кроме игр, немного есть друзей. И опять прозрачная слеза чуть не побежала сгоряча из зеленых изумрудных глаз...

Но на то он изумруд, слезы нелегко из глаз его текут. Бирюза опять поголубела и в стороночку тихонько села.

Но ночь уходила, а султан оставался прежним. Камни снимали грим, вкладывали реквизит в укромное место и собирались отправиться в свои бархатные постельки, чтобы весь день услаждать взор людской, вызывать у людей восхищение, восторг, при этом оставаясь холодными и неприступными, заставляющими человека быть похожими на них.

И в это самое время, когда все камни были уже на своих местах, в их комнату, по роковой случайно-

сти, залетела, разбив стекло в окне, обычная, серая, грубая, неотесанная, никчемная галька. Со свистом снаряда пролетела через всю комнату и попала изумрудному султану прямо в глаз, слезы хлынули без всякой игры и усилий извне... Галька сделала еще один оборот вокруг своей оси и угодила прямо на трон...

Отныне она самая... самая... отныне от нее зависят и смех, и слезы, и любовь...

Чертик и свинка

В ад надвигался большой праздник – Многотысячелетие! Решили отпраздновать скромно. На общем собрании постановили, что банкет будет безалкогольным – никакой водки, коньяка, вина – только...

– А самогончик? – раздалась редкие голосовые всплески.

– Это бунт? – В ответ тишина. – Теперь закуска... коровы бешуют, куры гриппуют, кто остался?.. ага – свинки жируют, вопрос решен! Следующий вопрос самый сложный и ответственный – праздничное поджаривание грешников!

– А может, помилование? – раздался одинокий голос.

– Хм, надо подумать... Предложение нестандартное! Кстати, кто предложил?

Старейшина обвел всех взглядом поочередно.

– А, опять ты, чертов миротворец! После собрания зайди ко мне!

Спустя тридцать минут. Кабинет старейшины.

– Господи, посмотри на него!!! Чистенький, рожки до блеска начищены, в голове любовь живет! Хорошо, что хоть сердца нет... тук-тук... тук-тук... не понял?! Ах ты, чертово отродье! Что глаза в кучку собрал? Даю тебе еще один шанс проявиться! Хвостом и рогами отвечаешь за выявление самого грешного грешника на Земле, и учти – на празднике будет Сам! Да, кстати, в такого рода заданиях сердце плохой помощник. Иди и помни, не справишься – гореть тебе радужным огнем.

Дверь захлопнулась за чертиком, а старейшина пожалел о том, что ему не дано плакать и смеяться, взлетать и падать, любить и ненавидеть... «И это мой отпрыск», – подумал он.

Воспоминания... опять захлестнули воспоминания... о той встрече с единственной земной женщиной... Нет, женщин было много, но та была... единственной... Если бы он был человеком, то встал бы перед ней на колени, уткнулся бы головой в ее теплый живой живот и так бы прожил короткую, счастливую жизнь...

Но время... время возвращаться...

Зато маленький живой комочек, который появился на свет в положенный срок – с его телом, будет вечно с ним, и ему будет неподвластно время. Но душа той женщины проснулась в маленьком чертике и раздалось предательское... тук-тук... тук-тук...

Тело черта – душа человека... Ему нигде нет места...

Обошел чертик всю Землю в поисках самого грешного – не нашел... Просто он не знал, что это такое. Он думал, все, что он увидел, не есть грех – а есть жизнь... Присел у дороги отдохнуть, чтобы отправиться в обратный путь ни с чем.

В это время по пыльной дороге ехала машина с визжащими свиньями. Их везли на бойню. Только одна свинка молчала, держала в копытцах цветочки, целовала их и разговаривала с ними, пяточек ее весь был в цветочной пыльце. Она радовалась, что может прожить эти мгновенья, прежде чем доставит удовольствие другим своей нежной грудинкой, ножками и прочими частями своего тела... а пока можно вдыхать аромат цветов, улыбаться и любить. «Я самая грешная грешница на Земле, я сейчас должна визжать от страха, а не думать о любви, да и кому я нужна – с телом свиньи и душой человека... Ой, да как же я посмела думать, что у меня душа человека, ведь это грех! Нет, нет... просто я всегда буду помнить ту женщину, которая выкормила и выходила меня, когда я была маленькая и слабенькая. Твоя душа живет сейчас в этих цветах, в их пыльце, в моем пяточке – я помню тебя и люблю! Но время... время мое ушло, и никому я больше не нужна».

– Мне! Ты нужна мне!

– Кто ты?

– Я... я... У меня тело черта, а душа человека. Мне велено найти на Земле самого грешного грешника.

Выбирай: сгореть в огне со мною вместе или лежать на праздничном столе с петрушкой в зубах...

– Огонь!!! – короткий был ответ.

По пыльной дороге бредут две странные фигуры, два тела, непохожих друг на друга, две души, слитых воедино...

Нет ада, нет рая, нет времени, нет места...

– ...нет места... – повторил медленно старейшина, – не смог уберечь, не смог... но не гореть вам в адском пламени, а люди сожрут или растерзают вас...

Праздник прошел по плану. Весело, разгульно. САМ остался доволен, но от его всевидящего ока не укрылись две маленькие игрушечные фигурки на груди старейшины – черненький чертик с грустными любопытными глазами и розовая свинка с цветочком в зубах... с крепко сплетенными копытцами...

Нет времени...

Нет места...

Монолог кота

Я – красив, я так красив, боже, как же я красив... красив... красив... Какие же у меня глаза! А взгляд – магический, гипнотический взгляд, так бы глядел и глядел. Сказать, что у меня красивые, большие, зеленые глаза – это ничего не сказать, поэтому я лучше промолчу... А носик – маленький, блестящий, влажный... ой-ой-ой – теплый... уж не приболел ли я?.. Вот пооткрывают все окна, а ты лежи на сквозняке... эгоисты, только о себе и думают.

Утром эта кикимора рыжая, крашенная, ой, в зеркало на себя смотрит, ну... что она там может увидеть? Глазки – маленькие, бровей не видно, нос – картошкой, волосы взлохмачены, как будто она не в кровати спала, а замыкала собою электрическую цепь. Вот у меня волосы, так волосы – густые, длинные, натурально-рыжие...

Смотрите, смотрите... в ванну зашла, в зеркало глянула, громко ойкнула и давай умываться, думает, если умоется – красивой станет. Нет... обошла ее красота стороной... обошла... перешагнула через нее и мне отдалась вся – полностью, без остатка... А куда она делась? Ааа, побежала зарядку делать... И... фигурой ее Бог обидел... Умора – взяла длинную палку и сжимает ее двумя руками... я слышал как-то, она по телефону с подружкой разговаривала, что якобы это упражнение способствует увеличению объема груди, а грудь-то у нее и так большая – размер первый, наверное, что ж тут красивого?! Когда грудь должна быть совершенно плоская, густо поросшая шерстью, с маленьким, еле заметным сосочком... Давайте теперь обратим внимание на ее ноги... Она своей подруге говорила, что они у нее пропорциональные, то есть в переводе на человеческий язык – короткие. А я утверждаю, что надо еще короче и чтобы их было не две, а четыре... Я вам больше скажу – она регулярно выщипывает волосы на ногах, тогда как закон красоты требует, чтобы на всем теле, включая ноги, не было ни одного свободного миллиметра без волос... Эх, не видят себя люди со стороны, не видят... не все, конечно, есть отдельные продвинутые... я... чем это пахнет?.. Пора двигаться на кухню...

Так-так-так... кофеек... сигаретка... хоть бы припудрилась, а то уже позеленела вся. А ну смотри мне в глаза и отвечай, что приготовила мне на завтрак?.. Что?.. что-что?.. сама ешь этот творог... и со сметаной не буду... Давай мне еще борща налей!!! Ну, курочка, пожалуйста, пойдет! Ну, как я ее купил?.. Одним взглядом, вы понимаете?.. да... магический... гипнотический... взгляд! Один только взгляд... и нежное, мягкое, вкусное становится твоим! Главное, чтобы взгляд был моим, а мясо чужим!

Господи! На пару минут отвлекся, она уже вся перепачкалась, глаза позеленели, рот превратился в абрикос, но, правда, из волос исчез электроток... Бааа... Да! Я – поэт... извините, отвлекся... Вот смотрю ей в глаза, а потом проникаю все глубже... и глубже... и вижу – на душе-то у нее сородичи скребутся... я их всех разогнал и вернулся к ней... смотрю – повеселела... меня в носик – «чмок!», коготочком своим за моим ушком – «чух-чух-чух» – хорошооо!!! Хоть какая-то польза от нее в квартире!!! Ну ладно... ладно... ладно... давай – иди...

О, нет... остановись... и в кошку превратись, и мышкой никогда не становись... иди свободно и легко... о-о-о-ооо... угол тут недалеко, ты не впилась в поворот... Рот... пот... вот...

Что за дурацкий набор слов в моей, доселе звездной, голове? Устал, что ли?.. Да, устал! Думаете, легко быть совершенством?!

Тишина... хм... странно она молчит... вот... заговорила... щелчок... дверь открывается... вор появляется...

Сию и на него гляжу...

С памятью, надеюсь, у всех хорошо?.. Напоминаю: взгляд – магический... правильно, гипнотический... молодцы! Тссс, сейчас вы увидите, как можно одним только взглядом уничтожить любую преграду... Ух ты, а он мне нравится! Какие плавные движения, какая мгновенная реакция – прямо вылитый Я! Теперь глаза... молодец... взгляд ниже... еще чуть-чуть... вот... наша встреча и произошла...сейчас тебя испепелю... мгновение... и я уже в другом измерении... приземляюсь... и назад возвращаюсь... Ах, так это ты меня своим грязным ботинком в мой чистый пушистый бок?.. Грубо... ах, как грубо...

Ну что ж, ты сам напросился!!! Начинаю превращение...

Я тигр... Я тигр... Я тигр...

Откуда-то издали доносятся его слова: «Дрянь квартирка! Даже взять нечего, кроме драного кота!»

Эй, подожди вторую половину... я ж на первую уже тигр!!!

Фи-фи-фи!!! А он мне не нравится... какие резкие движения... реакция – ноль... грубый, не тонкий, одним словом – че-ло-век!!! Уходи... оставь меня... Мне больно, душа моя рыдаает...

Дверь закрывается... Щелчок... Тишина... молчит... хорошо молчит... спать... спать... спать...

Хрустальная страна

Вот пол, а вот стена, еще одна, вот дверь и потолок, кровать – там девочка сидит и тихо с кем-то говорит. Но все молчит – и дверь, и потолок, и вдруг... кап-кап... Они живые – хрустальные горошинки немые!

И заполняют все вокруг, искрят, хрустят, за руку берут... И исчезает дверь, и пол, и потолок, кровать становится хрустальной, одежда легкой, музыка печальной, но грусти – нет, а впереди и радуга, и голубые облака, и солнце, и зеленая листва!

Откройся мне, хрустальная страна!!!

Сердечко

Стучат? Стучат. Открою дверь?..

Открыла и смотрю...

Ромашки и зеленый луг, а посередине стоит и смотрит прямо мне в глаза мое сердечко – смеется и хочет поцеловать. Я не спеша к нему иду, на ручки ласково беру, прошу, чтоб розы розовые лепестки нас окружили, сберегли и полюбили, понесли и нежно так поцеловали и целый мир в меня внесли! Какой красивый и большой!

Я буду жить теперь с тобой!!!

Таське

Цокают, топают, летят, бродят, спешат, наступают, давят, заплетаются, настораживаются, ненавидят, злятся, любят смеяться, хромают, плача бегут, переплетаются, разбегаются, размножаются, иногда болят... и всегда кричат... длинные, кривые, волосатые, большие, задаваки, забияки, полные, худые, нежные, шальные... топ... топ... топ... стоп...

Маленькие ножки перестали топтать по дорожке и остановились напротив скамейки в парке...

– Хи-хи-хи...

– А я слышу ваш смех, а еще я вас вижу... А почему у вас полосатые гетры? Это что, сейчас модно? Да знаю я, что вы гномики... О-о-о!! Ааа-ага! Значит, это вы мне снились! Между прочим, это не очень прилично есть мороженое и не угощать человека, который вас узнал...

– Человек, ты какое мороженое предпочитаешь?

– Мне предпочтительнее очень вкусное, но чтобы обязательно в вафельном стаканчике.

В руках у девочки, словно из воздуха, мороженое, русые косички подпрыгнули от удовольствия, большие карие глаза улыбнулись во всю свою глубину, а курносый носик активно начал помогать поглощать пломбирное мороженое...

– Ну что ж, пора познакомиться. Я – человек-девочка...

– Тебя зовут...

– Тихо, не произносите мое имя, а то вдруг прибегут другие человеки и захотят тоже мороженое... Нет... нет... нет... я совсем не жадная, просто встреча с вами была столь неожиданной, что я совсем забыла угостить мороженым маму с папой... Слышите?.. как шумят у них вопросы: «С кем она разговаривает? Откуда у нее мороженое?» Кстати, папа любит шоколадное, а мама – клубничное, а еще у меня есть бабушка, дедушка, братик, сестричка, а еще, а еще... очень много знакомых птичек и разных зверушек... вот... Почему у вас так округлились глаза? Нет-нет-нет... мороженое для всех не обязательно... это я просто рассказываю вам о своей жизни. А почему мама с папой не видят вас?

– Наверно, когда человеки взрослеют – им уже не нужно общаться с нами, и они перестают замечать нас. Хочешь полететь с нами на нашу планету, там ты всегда сможешь видеть невидимое... Но на планету, в которой живешь ты, мы приходим во снах...

– Так что, я сейчас сплю?

– Хм-хм-хм...

– Что вы меня путаете!.. ничего я не сплю!.. Вот парк, вот мама с папой, вот скамейка, вот мороженое... ой-ой-ой... а мороженого-то и нет... так-так-так... начнем сначала... Вот – скамейкааа, вот – мамааа... Ураа! Вот же мячик, а с ним я играю только тогда, когда я не сплю! Да... А на чем же мы полетим?

Гномики попросили у девочки мячик и начали перекидывать его друг другу...

Мама была близка к обмороку, видя, как мячик сам по себе летает с одного края скамейки к другому, затем он взлетел вверх и вернулся на землю... «Это сон, это сон...» – говорил папа, поддерживая маму. Девочка посмотрела на родителей, на гномиков, на прыгающий мячик...

– Вообще-то это мой самый любимый мячик... я не смогу полететь с вами... здесь мой дом, мама... и все... все... Все... они так долго меня ждали... Я сейчас... возьму одной рукой ваши руки... а другой мамину, а мама возьмет за руки папу... и тогда они смогут, хоть на одно мгновение, увидеть здесь... невидимое для них – вас...

Сплетенье рук, прозренья душ, виденье глаз...

– Смотри, я вижу шапочку с бумбончиком!..

– А я – полосатые гетры...

Два голоса слились в одном: «Здравствуйте, гномики! Спасибо за то, что вы есть!»

– Я дарю вам свой самый-самый любимый мячик, вам будет на нем очень легко лететь. Пусть он всегда будет с вами!!!

Эти слова догоняли и убегали за улетающими на желтом мяче гномиками в шапочках с бумбончиками и полосатых гетрах...

– А все-таки кое-что изменилось у людей с прошлого века, – радостно сказал один гномик.

– Эх, но ты заметил, что мороженое стало дороже?.. – грустно сказал другой.

– Зато каблук стали тоньше, а носы острее...

Цокают... топают... к жизни летят... детские ножки во взрослость спешат...

Черепашки

Пришло время появиться на свет черепашонкам. И большая океанская черепаха, собрав в дорогу всё необходимое, а необходимого оказалось много – более ста бутылок с питательной смесью, погремушки из ракушек и кораллов и, самое главное, океанская новинка – памперсы, которые отбивают черепаший запах на тот случай, если мальчик, который помогает на берегу выжить всем ее деткам, заснет. С этим мальчиком она познакомилась недавно...

Каждый раз, совершив переход из воды на берег и отложив яйца, черепаха, вернувшись в воду, наблюдала, как только треть ее черепашат возвращались домой. Она не могла им помочь выжить... только сердце ее ныло и на глаза каждый раз наворачивались горячие слезы. Ей как-то даже пришла в голову мысль откупиться от тех, кто на берегу разворовывает ее яйца... Она стала собирать на дне золотые монеты, жемчуг, драгоценные камни, носила всё это на берег и обкладывала ямку-домик. Она надеялась, что люди заберут драгоценности и оставят в покое ее будущих детей, но золото, наоборот, только притягивало еще больше людей, им было всё мало и мало. И тогда черепаха отчаялась. И когда в очередной раз пришло время, она, с тяжестью в сердце, поплыла к берегу, высунула голову из воды и вдруг увидела большие, веселые, мечтательные глаза, которые здоровались и знакомились с ней. Это был маленький мальчик, ему было четыре года. Он каждый день приходил к океану и знакомился с его обитателями... У него уже был друг-дельфин, знакомая водяная змейка, а сегодня – «ура!» – он знакомится с черепахой. «Только почему у черепахи такие грустные глаза?» – про себя спросил мальчик. Черепаха услышала вопрос и рассказала ему свою историю, историю своей боли. «Я помогу тебе!» – сказал мальчик и протянул черепахе руки, они вместе вырыли ямку, она выложила яйца, вернулась в воду и стала наблюдать...

Первыми на берегу появились парень и девушка, у девушки в руках была корзинка для яиц... Мальчик поздоровался с ними и начал что-то говорить, показывая на ямку, неожиданно девушка заплакала, выбросила корзинку и убежала, а за ней и парень... Потом приходило много людей, и мальчик всем что-то рассказывал, и все уходило, не тронув ни одного яйца. Еще приходили разные звери, но этот мальчик умел понимать и лисий, и волчий языки, и все его слушались. Много дней провел мальчик около ямки, родители понимали его и приносили ему еду прямо на берег, а лисичка принесла ему очень сладкие ягоды...

И вот в один день ямка как будто ожила, песок прыгал, шевелился... и... прямо из песка стали появляться маленькие головки... одна, две, три... ой-ой-ой... «Да сколько же вас?!» – спросил мальчик. «Нас

много! Ха-ха-ха!» – пропищали черепашки и, быстро перебирая лапками, побежали навстречу жизни. Оказавшись в воде, они трогали, рассматривали, пробовали ее на вкус... Один сказал: «Смотрите, вода... и еще вода... и везде вода...» Другой, набрав в рот воды, пробулькал: «Ага, вода во мне, значит, я – вода в воде!» Еще один нырнул и крикнул всем: «И под водой – вода!» Потом все, взявшись за руки, образовали круг и удивились: «А вода еще и крууууглааяя!!!»

Черепашка наблюдала за ними, и в сердце разлилось тепло... она была счастлива, что первый раз в жизни у каждого ее ребятенка теперь есть шанс...

...Шанс, жизнь, любовь, бесконечность... или...

...бесконечность, любовь, шанс, жизнь...

Эти слова то разъединялись и жили каждый сам по себе, то образовывали замкнутый круг, то, выталкивая друг друга, пытались занять первое место...

А черепаха следила за словами, ожившими в ней. Пытаясь их примирить, предлагала новые слова-образы...

Паровозик с солнышком

Предрасветное, пасмурное, дождливое утро...

Большие, сердитые вагоны устало ворчат, жалуются на свою судьбу... «Рельсы, рельсы, рельсы, поворот, остановка, опять поворот и снова рельсы – железные, громкие, безжалостные в своей прямоте». Долго они еще переговаривались: «Никому мы не нужны! Никто нас не любит! Все только ездят на нас!» Они ежились от потоков дождя, у них не было дома, им некуда было пойти, их никто не ждал и не предлагал им горячего ароматного чая с вишневым пирогом.

И вот в этой серой тишине они услышали веселое, тсветлое «ля-ля-ля! Я иду и пою, солнышко к себе зову и пирог в руках несу, чтобы всяк отведать мог, тучки песней разгоню и ромашки подарю».

Вагоны расступились и стали его рассматривать. Дождь, слякоть, а он белый-белый, стеклышки прозрачные, чистые, глазки большие, голубые-голубые, как горное озерцо. Вагончик улыбнулся и поставил вишневый пирог на стол, который возник как будто бы по взмаху волшебной палочки, заварил чай, поставил в центре стола ромашки и прозрачную вазочку и пригласил всех к столу! Вагоны медленно подходили к светящемуся кругу, и в котором находился вагончик, и для них уже не было ни дождя, ни грязи.

Вагончик:

– Правда, у нас самый красивый дом на свете, он нас всегда ждет, а наш стол хочет угостить нас вишневым пирогом и чаем! Заходите и живите!!!

Никто так и не узнал, куда же подевались большие, сердитые вагоны, которые ворчали и жаловались на свою судьбу.

Но...

Если закрыть глаза и послушать тишину, то можно услышать веселые голоса: «Рельсы, рельсы – поворот – отправляемся в полет! Стол по воздуху летает, дом большой всегда встречает, и ромашек полный луг, солнце освещает всё вокруг! Заходите, повезем! К звездам в гости мы пойдём и хрустальный башмачок найдем, песенку с собой возьмем! Заходите! Повезем! Всех с собою мы возьмем – поезд белый и большой!»

Солнце, звезды, океан... Вот начало всех начал! Шар хрустальный всех позвал! Что есть зло? А что добро? Мы хотим узнать давно! Путешествие начнем, мы учиться будем в нем...

Поросенок машинист... Познакомьтесь, он – артист!!!

Дом

Жил-был дом! Он был большой, очень большой, красивый и так был горд собой, что думал: «Я – дворец, только я могу решать, кто будет жить во мне!» Он внимательно следил, какие люди приходили к нему, какой мебелью украшали его, хорошо ли ухаживали за его полами.

Дом: Цветы, ах, постойте, я не выношу этот резкий запах! Немедленно убрать! Вот так-то лучше! Что это за пакет у моей двери? Интересно, что внутри? Эй, мальчишка, ну-ка погляди!

Мальчик: Здравствуй, шар!

Шар: Здравствуй, мальчик!

М.: Ты ко мне?

Ш.: Ты ко мне!!! Мне не хотелось бы, чтобы ты был похож на свой дом! У тебя красивая комната, много книг, много игрушек, почему ты невесел?

М.: Я люблю свои игрушки, я с ними разговариваю, но мне хотелось бы еще и живую собаку, и кошку, и живых рыбок...

Д.: Эй, мальчишка, даже не думай об этом! Мои полы, мои двери... и не реви, слышишь?

Ш.: Не плачь, иди ко мне, и дверцу я тебе свою открою... Садись... и мы отправимся в Хрустальную страну!

Мальчик стал легким, открыл прозрачную дверцу шара, вошел в него и подумал: «Чудеса – это когда веришь в них!»

А дом... Там все красиво, чисто, но в нем уже не живет маленький мальчик... Он остался один, перестал быть дворцом, горько заплакал и крикнул:

– Мальчик, вернись! Пусть будет и живая собака, и кошка, и живые рыбки, и все, кого ты хочешь... Только вернись!!!

Но мальчик его не слышал, его приглашал к себе в гости большой, очень красивый, прозрачный дом, где его ждали живая собака, живая кошка, рыбки, где все – НАСТОЯЩЕЕ!!!

Борис КУДЕЛИН

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Окончание. Начало в №10-12(2012), №1-3(2013).

Попутный ветер до стен Нотр Дам де Пари

Какие прекрасные слова, мысли... Правда, о представителях другой страны, другого народа. А о России? Александр Иванович как-то сказал со слезами на глазах: «А у меня на родине люди уже отвыкли улыбаться»...

Прав ли был писатель, сам живя в те времена в эмиграции, говоря такое о России, о ее народе? Думаю, да... Но и самого Куприна «заграница» если и не «убила» в буквальном смысле, то подкосила почти до основания его здоровье и едва ли не заглушила его от природы необычайно веселый, жизнелюбивый нрав. «Я изнемогаю без русского языка», – писал он в Россию из Франции.

Вот что рассказывал И.А.Бунин об одной встрече с А.И. Куприным на улицах Парижа. Это было уже в 30-х годах, то есть накануне возвращения писателя на родину, в Россию. «Я как-то встретил его на улице в Париже и внутренне ахнул: и следа не осталось от прежнего Куприна! Он плелся такой худенький, слабенький, что казалось, первый порыв ветра сдует его с ног, не сразу он узнал меня, потом обнял с такой трогательной нежностью, с такой грустной кротостью, что у меня слезы навернулись на глаза...».

Грустно, но все же приятно ходить мне теперь по Парижу, по тем местам, где ходил уважаемый и любимый мною русский писатель...

Влекомые потоками нашей не совсем обычной парижской жизни, мы все-таки не могли не запечатлеть, не сфотографировать в своем сознании непохожую на нашу повседневную жизнь – жизнь обычных французов. Несомненно, почти у всех нас были знакомые французские семьи. У меня, к примеру, французская семья, жившая в пригороде Парижа. Иногда они меня приглашали на праздники в гости. Однажды, это было летом, они пригласили меня на праздник улицы, на которой жили. В центре небольшой улицы были накрыты столы, вокруг столов стулья, скамейки. Над некоторыми столами были натянуты брезентовые тенты. Начался праздник часа в 2-3 и с песнями, музыкой, танцами, довольно приличным ужином и неограниченным количеством вина. Длился ужин до позднего вечера. На праздник были специально приглашены профессиональные музыканты. Потом, после того дня, я видел фотографии – можно было подумать, что снимали карнавал.

Был у меня также приятель – француз Серж. Я звал его Серёжей уже хотя бы потому, что он тоже, как Идрис, лет 7-8 жил в России. Оставил в России жену и сына, и я никогда не слышал каких-то его воспоминаний о его прошлой жизни в России, об оставшейся там семье. Но, может, это только я не знал. Да и вообще – «чужая душа – потемки!..»

Думаю, причина в какой-то мере кроется в том, что французы, по-моему, менее выносливы в бушующих волнах быта. Точнее, они уже даже на каком-то генетическом уровне привыкли к комфорту. Меня всегда удивляло их постоянное стремление на все действия в обычной, повседневной жизни придумывать облегчающие простенькие устройства. Ну, например, при покупке ёлки ее пропускают через простенький обруч, снабженный легонькой сеткой, которая в естественном направлении прижимает ветки к стволу.

В России с ее несомненным приоритетом в космической и другой подобной, не менее важной технике – комфорта существенно меньше. Да и образ жизни круто отличается от обеспеченного и, можно сказать, тепличного образа жизни потомков галлов...

Настоящим событием моей на тот период все же однообразной жизни стало открытие в Париже «Жардэн де плант» – Ботанического сада. Он находится в самом центре французской столицы. Какое великолепие в этом саду! Море разнообразных цветов. Аккуратными рядами, чуть ли не на километр, тянутся в нежном многоцветном сиянии ряды редких и уже привычных для нас цветов. Множество кустов, усыпанных цветами, иной раз необычайной окраски.

Например, очень приятного синего цвета. Широколиственные платаны чаще высятся вдоль множества длинных аллей. У входа в сад памятник Чарльзу Дарвину. В другом конце сада, у палеонтологического музея – живописный памятник со львом, голубями французскому натуралисту Жоржу Луи Бюффону (1707-1788).

Поныне растет здесь и даже цветет маленькими белыми цветами огромное дерево – софора. Оно посажено 256 лет назад, о чем свидетельствует скромная табличка, вывешенная на нем. Рядом с этим деревом, конечно же, проходили и Виктор Гюго, и Ги де Мопассан, и Альфонс Доде, последний нередко в компании с Гюставом Флобером и нашим Иван Сергеевичем Тургеневым. Без сомнения: заговори это дерево, оно бы рассказало о многом-многом и, может, даже о королях, а еще интереснее – о королевах Франции, которые, проходя под ним, наверно, шушукались с придворными дамами о каких-то там политических заговорах, о любовных похождениях какого-нибудь маркиза или шеваляе...

Интересно, что директором этого сада в одно время был 96-летний ученый-ботаник. Да и улицы, берущие свое начало от этого зеленого, вечно цветущего оазиса, названы в честь ученых-натуралистов. Характерно, что эти ботаники и биологи жили относительно долго – в среднем около восьмидесяти лет. Вероятно, жизнь на природе, среди зелени деревьев и ароматных цветов благотворно влияет на состояние здоровья. К примеру, одна из этих улиц названа в честь Луи Дабантона (1716-1800), как и Жоржа Луи Бюффона, натуралиста, активного его помощника в написании научного труда «История естественного развития». Луи Дабантон прожил 84 года.

Да и сам Жорж Луи Бюффон, в научных трудах которого еще задолго до Дарвина проскальзывали идеи о естественном отборе в природе и об общей эволюции мира, прожил восемьдесят один год.

Если даже просто полистать страницы словаря «La gousse» и присмотреться к датам рождения и смерти знаменитых людей, приходишь к выводу, что великие люди – ученые, писатели (не поэты), артисты, в большинстве случаев прожили до преклонного возраста... Вероятно, постоянно и активно «циркулирующие» мысли, как весенние соки в разбуженных деревьях, разрушают в организме процессы старения и победно преобразовывают их в процессы возрождения, своего рода цветения.

Наш великий Пушкин – «невольник чести», прожил бы лет до восьмидесяти, а то и больше, не будь этой трагической дуэли...

Мне иногда кажется, что я в какой-то мере проник в этот механизм долголетия... Сказать?.. Или не стоит?.. И не потому, что не желаю открыть секрет. А потому что все равно – не поверят... И все же я думаю, что одаренные талантом люди в основном были добрыми, незлопамятными. И они прощали другим зависть, скупость, злобу открытую или прикрытую ко всем окружающим. Именно все эти пороки и разрушают здоровье человека, подтачивают, грызут его изнутри. «Будьте добрее, мягче с окружающими, в особенности со своими близкими, и вы проживете восемьдесят шесть лет – как Тициан...» Не помню, кто это говорил, может, Горький... Правда, он связывал это со здоровым образом жизни – без табака и водки.

В общежитии на Дьякони я прожил более полугода. За это время бывали встречи с моими старыми друзьями. Но все же встречи эти становились все реже. В общежитии, у одного из таких же, как я, «постояльцев», я купил мобильник, что значительно облегчило поиск работы. С самого начала мне повезло с работодателем. Это был мужчина лет сорока, высокого роста, около двух метров, еврей из России по имени Илья. Он набирал временные бригады из русскоговорящих для ремонта квартир, а иногда и более серьезных строительных работ. Везенье заключалось в том, что этот работодатель мало того, что был прекрасный специалист, но оказался и добрым, порядочным человеком. Таких, как я, не имеющих никаких практических навыков в строительстве, он терпеливо обучал. Естественно, с таким руководителем тягость строительных работ не очень ощущалась. Появились у меня и деньги. Я стал думать о собственном угле.

В один из теплых весенних дней, уже ближе к лету, я приехал в небольшой городок под Парижем. Здесь, в лесистой местности с озером и речушкой стоял старинный замок, о котором мне когда-то рассказывала Екатерина. Огромные дубовые ворота, оббитые железом старинной ковкой, над воротами герб рыцарских времен. Стены с бойницами. Женщина-пор-

тугалка, жившая также в одной из комнат в сторожевой угловой башне замка, дала мне ключ от комнаты, где я предполагал жить. По узкой деревянной лестнице я поднялся на 3-й этаж. Вошел в небольшую комнатку с одним окошком, выходящим во двор замка. Из окна было видно другое замковое сооружение, к которому примыкала сохранившаяся до сих пор водяная мельница. Во дворе замка осталась еще каменная поилка для лошадей в виде фонтана. Посреди двора – огромное дерево магнолии. В то время года она еще не цвела. Под окном кусты роз. Ветви их выются до моего окна. Справа от моего окна, в отдельном дворе, довольно высокая церковь, увенчанная православным крестом. Вид из окна этой комнатки как-то по-своему меня очаровал. После долгих месяцев моего бесприютного, бездомного скитания я по-новому осознал радость обладания принадлежащим только тебе затишьем, именуемым «собственным углом»...

Не спеша подходило к концу теплое парижское лето. А осенью уехали в Ирландию Гена и Юра. Уехали навсегда. Ильес тоже исчез из Парижа. Наша группа окончательно распалась. А я поселился в замке. В то время на его территории жило несколько русскоговорящих семей...

Так, в общих чертах, в волнах неудач и везений прошел год моей жизни в Париже.

Com.

Tiraj 1000 (3500) ex.

Î.S. Firma editorial-poligrafică «Tipografia Centrală»

MD-2068, Chişinău, str. Florilor, 1

Tel. 43-03-60, 49-31-46